

Минобрнауки России
федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Иркутский государственный университет»
Институт иностранных языков, филологии и медиакоммуникаций

На правах рукописи

ШАРАВЬЁВА ИРИНА ВИКТОРОВНА

ЛИНГВОСЕМИОТИКА ЗНАКОВ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА

Специальность 10.02.19 – теория языка

Диссертация на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

Научный руководитель:
кандидат филологических наук,
доцент О.М. Готлиб

Иркутск 2017

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОСЕМИОТИКИ.....	
1.1. Лингвосемиотический подход к исследованию языковых знаков и его потенциал для изучения письменных идеографических знаков	15
1.2. Истоки понятия «монадность» и его представленность в философских учениях в качестве способов рассмотрения Вселенной.....	20
1.3. Теоретические подходы к изучению глубинных предельных смыслов в рационалистическом и логико-универсалистском обосновании	25
1.4. Понятийный статус понятия «модус» в рационалистическом подходе.....	33
1.5. Порождающая модель языка как теоретическое основание исследования структуры языка	36
.....	
1.6. Соотношение языка и мышления в аспекте разработки проблемы <i>lingua mentalis</i>	41
1.7. Теоретические обоснования понятия «семантические примитивы» в концепции Единого Семантического Метаязыка.....	47
1.8. Статус письменности как базового объекта грамматиологии и семиотический потенциал письменного знака.....	54
ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ.....	65
ГЛАВА 2. ПАРАМЕТРЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРЕДЕЛЬНЫХ КОНСТИТУТИВНЫХ ЕДИНИЦ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА	
2.1. Иерархия единиц языка с идеографическим типом письменности.....	69

2.2. Параметры выделения и основные лингвосемиотические характеристики минимальных значимых единиц идеографической письменности.....	79
2.3. Эволюционный семиотический статус предельных конститутивных единиц, обладающих валентностью.....	90
2.4. Эволюционный семиотический статус предельных конститутивных единиц с нулевой валентностью.....	95
2.5. Номенклатура предельных конститутивных единиц в ряду словарей единиц аналогичного типа.....	106
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ.....	111
ГЛАВА 3. ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЗНАКОВ ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ.....	
3.1. Моделирование знаков идеографического письма.....	114
3.2. Вариант модели с графомонадой «человек».....	117
3.3. Варианты модели с графомонадами «рука», «рот», «ступня».....	136
3.4. Варианты модели с графомонадами «огонь», «трава», «вода».....	139
3.5. Варианты модели с графомонадами со значением «животные»: «корова», «баран», «птица».....	145
3.6. Потенциал формализованного моделирования в лингвосемиотике знаков идеографического письма.....	148
ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ.....	150
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	152

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	158
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ.....	169

ВВЕДЕНИЕ

Диссертация посвящена рассмотрению оснований системы письменных идеографических знаков с точки зрения элементов, структурирующих систему, в семиотическом подходе к анализу. Лингвосемиотика, являясь фундаментальной базой для исследования языка как феномена и для изучения конкретных естественных языков, создаёт необходимые методологические условия для определения минимальных значимых единиц структуры письменности языка, своеобразие которого связано с идиоэтническим фактором идеографического письма.

В ходе развития лингвосемиотики, ключевыми понятиями которой являются понятия знака, системы и структуры, формулируется вопрос об уровне установления знаковой единицы как двустороннего единства плана содержания и плана выражения. Дискуссионность вопроса проистекает из того факта, что анализ внешней формы знака не позволяет в полной мере выявить компоненты плана содержания. Решение данного вопроса связано с углублением семного анализа и возведением плана содержания к более глубинному уровню [Скаличка, 1967, с. 122]. В работах Л. Ельмслева обосновывается положение о том, что знаковая единица как таковая конституируется на уровне соотношения глубинного, ненаблюдаемого плана содержания и внешней формы знака [Ельмслев, 2006, с. 80].

Обоснование в рамках предпосылочно-установочных принципов семиотики и на основе структурного метода положения о глубинном уровне плана содержания, об исходных глубинных смыслах, вносит методологический вклад в ранее зародившуюся традицию философии, философии языка, продолжающейся в последующей спирали познания в различных теоретических моделях и направлениях лингвистики, обращенных к проблемам взаимодействия сознания, мышления, языка, культуры. В этом плане важными для целей установления исходных единиц системы письменных идеографических знаков, помимо общей методологической

семиотической основы решения проблемы, являются следующие положения и гипотезы.

В рационалистической философии Р. Декарта, а также в философской системе Дж. Локка была выдвинута гипотеза о существовании универсальных смыслов, являющихся врожденными идеями, которые невозможно приобрести опытным путем. Любая сложная идея сводима к простой, воспринимающейся предельно ясно и не нуждающейся потому ни в каком объяснении. Такое отчетливое восприятие «настолько четко отделено от других восприятий, что не содержит никакой примеси неясного» [Декарт, 1989, с. 215]. Г. Лейбницем обосновывается возможность выделения элементарных смыслов и создания, таким образом, универсального языка, «алфавита человеческих мыслей», все элементы которого могут быть подвержены математическим исчислениям. Представление о такого рода смыслах легло в основу формирования учения о монаде. Монада определяется как «...простая субстанция, которая входит в состав сложных; простая, значит, не имеющая частей» [Лейбниц, 1982, с. 413].

В русле логико-универсалистского подхода, в грамматических исследованиях модистов (М. Дакийский, Б. Дакийский, Т. Эрфуртский, С. Брабантский) выдвинуто положение о существующих в языке недоказательных первоначалах. К исходным первоначалам модисты относят *modi significandi* (буквально: «способы обозначения»), или модусы. Все первоначала образуют теорию, в центре которой находятся модусы, и все грамматические структуры определяются только по отношению к этому центру [Перельмутер, 1991, с. 43]. Универсальная грамматика Пор-Рояля рассматривает общие для всех языков понятия и принципы в области восприятия и осмысления действительности и устанавливает наличие грамматических категорий языка, отражающих универсальные категории разума [Арно, 1990].

Вопрос о ядерных элементах и определении их параметров занимает ключевое положение в последующей разработке теоретических моделей

языка в лингвистике. Порождающая грамматика Н. Хомского предлагает механизм «устройства усвоения языка». Данная модель представлена в виде системы входа и выхода: данные и знания. Ученый приходит к выводу, что существует некая «видовая особенность, имеющая значительный врожденный компонент» [Хомский, 2010, с. 169]. С точки зрения уровневой модели языка устанавливается, что языковые единицы представлены в языке иерархично, в связи с чем языковая единица является таковой только в случае ее возможной идентификации в составе единицы более высокого уровня. Подтверждается, что форма языковой единицы детерминируется способностью этой единицы разлагаться на конститутивные элементы низшего уровня. Значение языковой единицы определяется как способность данной единицы быть составной частью единицы высшего уровня [Бенвенист, 1974]. Таким образом, обосновывается статус минимальной смыслоразличительной единицы – фонемы.

Наличие общих представлений языкового знания в аспекте постановки и разработки проблемы *lingua mentalis* репрезентируется в ментальный лексикон [Залевская, 2007; Кубрякова, 2004], образующийся в процессе фиксации концептосферы языковыми знаками. Ментальный лексикон понимается как «сложная многоярусная система пересекающихся полей, представляющих собой упорядоченную по разным основаниям информацию как о явлениях действительности, так и о связанных с ними языковых единицах» [Залевская, 1992, с. 62].

Теория «семантических примитивов» А. Вежбицкой обосновывает существование семантически неразложимых единиц (слов естественного языка), при помощи которых «могут быть истолкованы все остальные слова и выражения, а также предложения языка, не прибегая к герменевтическому кругу» [Вежбицкая, 2011]. Тем самым становится возможным описание всех значений языка.

В накопленном опыте определения минимальных, неразложимых далее, носителей автономных смыслов в языке, утверждается, таким образом,

тенденция установления такого рода «единиц-примитивов», что справедливо по отношению к языкам с фонетическим типом письменности, на материале которых преимущественно осуществлялась разработка данной теоретической проблемы.

Обращение к языкам, имеющим иную структуру и иной тип письменности, выявляет специфику единиц морфемного уровня и необходимость дальнейшего анализа для установления искомых предельных единиц. Значимым в этой связи становится решение данной проблемы с учетом статуса письменного знака в языках с идеографическим типом письма. Именно письменный знак при его анализе позволяет вычленить в нем исходные конститутивные «монады» и «модусы» как правила порождения новых знаков.

Учет идиоэтнического фактора типа письма в определении своеобразия лингвосемиотики письменности языка является объектом исследования в грамматологии. Грамматология традиционно понимается как семиотическая дисциплина, наука о письме, устанавливающая статус письменности. Существующие два типа письменности – фонетическая и идеографическая – формируют различные типы культур. Вместе с тем, вопрос о том, каким образом письменность эксплицирует все движения языка, остается открытым [Деррида, 2000].

Наиболее репрезентативным с точки зрения идеографической системы письменности является китайский язык, обладающий структурой письма, значимыми единицами которого выступают логограммы и морфограммы. Абсолютное большинство логограмм в современном языке рассматриваются как «...сложные знаки, внутри которых последовательно выделяются значимые составляющие, формирующие значение логограммы по определенным правилам. Их можно обозначить как морфограммы – значимые компоненты логограмм. Это скрытые единицы, не данные нам в непосредственном наблюдении» [Готлиб, 2013, с. 451]. При этом большинство морфограмм являются дискретными по своей структуре. В этой

связи возникает вопрос об уровне установления простейших элементов структуры письменности языка с идеографическим типом письма и, как следствие, необходимости выделения предельных единиц на более глубинном уровне, а также возможностях решения данного вопроса на основе монадно-модусного подхода к моделированию.

Актуальность исследования, таким образом, определяется важностью разработки проблемы выделения конститутивных единиц письменности языка в лингвосемиотическом аспекте с учетом идиоэтнического типа письма, и, в частности, необходимостью определения простейших знаков, с помощью которых через определенные правила (модусы) конституируются семантически однородные единицы в языках с идеографическим типом письменности. Актуальным также является выявление конститутивных единиц языка с учетом исторического эволюционного аспекта их установления в языке с идеографическим типом письма.

Объектом настоящего исследования являются письменные языковые знаки идеографической письменности в их эволюции.

Предметом исследования выступают лингвосемиотические характеристики данных единиц с точки зрения типа их структуры, семантики и порождающего потенциала в языках с идеографическим типом письменности.

Цель диссертационной работы заключается в выявлении лингвосемиотических характеристик минимальных значимых структурных единиц письменности языка и их порождающего потенциала в языках с идеографическим типом письменности.

В соответствии с поставленной целью в диссертации решаются следующие задачи:

- 1) произвести анализ теоретических подходов к проблеме выделения базовых исходных семиотических сущностей в языковом знаке для определения теоретических оснований исследования лингвосемиотики знаков идеографического письма;

- 2) уточнить основные языковые единицы идеографического письма и показать возможности их разложимости в аспекте семиотической соотнесенности с конституирующим глубинным уровнем;
- 3) ввести и теоретически обосновать понятие «графомонада» и выявить его основные характеристики;
- 4) выявить эволюционный семиотический статус предельных конститутивных единиц – графомонад;
- 5) установить статус понятия «модус» применительно к идеографическому письму;
- 6) произвести моделирование с опорой на понятия «монада» и «модус» и показать конститутивный и порождающий потенциал графомонады как компонента системы идеографического письма;
- 7) показать потенциал формализованного выражения монадно-модусной модели в лингвосемиотике идеографического письма.

Методы исследования. Исследование осуществляется с опорой на семиотический подход к анализу языка, принцип историзма и основные положения грамматологии.

Используется комплексная методика анализа, включающая общенаучные методы анализа и синтеза, описание, классификацию, а также метод компонентного анализа, семного анализа, структурно-семантического анализа, методы анализа словарных дефиниций, контекстуального и интерпретативного анализа. Особая значимость придается методу моделирования для целей обобщения полученных результатов и схематизации монадно-модусного представления грамматологии знаковой системы языка с идеографическим типом письменности.

Материалом для исследования послужил корпус языковых знаков древнекитайского словаря «Шо вэнь цзе цзы» в количестве около 10000 знаков, а также другие лексикографические источники по грамматологии китайской письменности.

Теоретической основой исследования послужили: работы по лингвосемиотике и положения о системе и структуре языка (Ч. Пирс, Ф. де Соссюр, Л. Ельмслев, В. Скаличка, В. М. Солнцев); положения по грамматологии идеографического письма (Су Пэйчэн 苏培成, Дун Ляньчи 董连池, Цзоу Сяоли 邹晓丽, Ж. Деррида, И. Д. Гельб, Л. Р. Зиндер, О. М. Готлиб); положения трудов, имеющих лингвофилософский характер (Р. Декарт, Дж. Локк, Г. Лейбниц); положения логико-универсалистского подхода к языку (Б. Дакийский, Т. Эрфуртский, К. Лансло и Н. Арно, А. Сеше); работы по теории «врожденных идей» и «семантических примитивов» (Дж. Брунер, А. Вежбицкая, Н. Хомский, Дж. Р. Серл, Ю. Д. Апресян и др; работы по философии и логике Китая (И. А. Торчинов, А. И. Кобзев, М. Е. Еремеев).

Научная новизна диссертации состоит в том, что в исследовании впервые предпринята попытка установления лингвосемиотики письменных иероглифических знаков на основе обоснования существования единицы идеографической письменности – графомонады. В ходе исследования выявляются графомонады как предельные значимые единицы идеографической письменности; определяется статус порожденных ими знаков и на данной основе устанавливаются сущностные характеристики структуры языка с идеографическим типом письма в монадно-модусной модели представления.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Семиотический подход к языку, представляющий методологическую и инструментальную базу лингвистики, позволяет установить, что языковой знак как единица конституируется на уровне соотношения целостного плана выражения (внешней формы знака) и ненаблюдаемого, но моделируемого плана содержания ментального, глубинного уровня, экстраполирующего и репрезентирующего в обобщенном виде наиболее сущностные предельные смыслы, отражающие опыт познания. Данное положение, обоснованное в

рамках семиотического подхода к языку, прослеживается в универалистской традиции в языкознании, порождающих моделях языка и направлениях современной лингвистики.

2. В языках с идеографическим типом письменности знаки-единицы моделируются на уровне соотношения внешней формы знаков и предельных глубинных смыслов, которые возводятся в древнейшим знакам языка. Данные знаки-носители предельных смыслов представлены в древнейших лексикографических источниках письменности китайского языка.

3. Моделируемая единица системы письменных иероглифических знаков определяется как графомонада. Термин «графомонада» отражает грамматологический статус минимальной значимой единицы структуры письменности языка с идеографическим типом письма и указывает на ее семантическую порождающую значимость для иерархического упорядочения лексики языка в эволюционном плане.

4. Посредством определенных правил (модусов) графомонада проявляет структурный потенциал породить деривационные цепочки в лексике языка с идеографическим типом письменности, придавая характер монадно-модусной модели данной системе.

5. В языках с идеографическим типом письменности на основе ограниченного количества графомонад посредством модусов порождается неограниченное количество иероглифических знаков.

6. Лингвосемиотика знаков идеографического типа письма, устанавливаемая на основе моделирования исходной единицы, позволяет представить структуру языка с точки зрения ее деривационной когерентности и правил порождения новых знаков.

Теоретическая значимость настоящей работы состоит в её вкладе в общее языкознание, семиотику, лексикологию в направлении дальнейшего решения актуальных проблем взаимодействия языка и мышления, развития системного подхода к языку и лексической системе путём разработки проблем выделения конститутивных единиц структуры письменности языка

с идеографическим типом письма; в построении теоретической модели грамматиологии в монадно-модусном способе представления.

Практическая ценность диссертации состоит в возможности применения ее основных положений и результатов в курсах общего языкознания, семиотики, лексикологии, в теоретических курсах по актуальным проблемам восточного языкознания, теории грамматиологии, в научно-исследовательской работе аспирантов, а также бакалавров и магистров при написании курсовых и дипломных проектов.

Апробация работы. Результаты исследования обсуждались в 2016 г. на заседании кафедры востоковедения и регионоведения АТР Института иностранных языков, филологии, и медиакоммуникаций Иркутского государственного университета. По теме диссертации были сделаны доклады: на конференциях, проводимых в рамках Недели науки (Иркутск, 2009, 2012), международной научно-практической конференции «Культуры и языки стран Дальнего Востока: изучение и обучение» (Иркутск, сентябрь 2014), международной научно-практической конференции «Азиатско-Тихоокеанский регион: Диалог языков и культур» (Иркутск, май 2016). Основные положения диссертации отражены в 7 публикациях общим объемом 3 п. л., четыре из которых размещены в ведущих научных рецензируемых изданиях: «Вестник Иркутского государственного лингвистического университета», «Вестник Евразийского лингвистического института Московского государственного лингвистического университета», «Филологические науки. Вопросы теории и практики».

Структура работы определяется ее целью и задачами и отражает основные этапы исследования. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка, включающего 129 наименований, в том числе 27 на иностранном языке. Общий объем работы составляет 169 страниц печатного текста.

Во *введении* определяется общее направление исследования, его цель, задачи, объект, методы исследования, обосновывается актуальность,

указывается научная новизна, теоретическая значимость и практическая ценность работы, формулируются положения, выносимые на защиту.

В *первой главе* «Теоретические основания исследования лингвосемиотики» выявляются основные подходы к описанию и выделению глубинных предельных сущностей; уточняются основные характеристики письма как базового объекта грамматиологии.

Во *второй главе* «Параметры выделения и систематизация предельных конститутивных единиц идеографического письма» осуществляется анализ основных единиц идеографического письма; в качестве предельной конститутивной единицы выявляется графомонада, обосновывается ее статус и основные характеристики; производится грамματοлогический анализ выделенных знаков.

В *третьей главе* «Лингвосемиотическое моделирование знаков идеографического письма» определяется статус понятия «модус» применительно к идеографическому письму; структурируется порождающая модель «графомонада – модус» и на этой основе устанавливается деривационная когерентность лексической системы языка с идеографическим типом письменности.

В *заключении* обобщаются результаты проведенного исследования и определяются перспективы дальнейшей работы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ЛИНГВОСЕМИОТИКИ

1.1. Лингвoseмиотический подход к исследованию языковых знаков и его потенциал для изучения письменных идеографических знаков

Лингвoseмиотика, отражая фундаментальный принцип лингвоцентризма семиотик человека в филогенетическом и онтогенетическом планах, изучает язык как особую систему знаков и является фундаментальной инструментальной базой для исследования языка как феномена в целом и для рассмотрения конкретных языков в частности.

Лингвoseмиотический подход к исследованию языка как естественной этнокультурной семиотики позволяет рассматривать единицы языка с точки зрения таких сущностных понятий, как системность и структурность в их взаимообусловленности. Изучение в данном исследовании системно-структурных связей языковых единиц является важным, при этом система понимается как «совокупность элементов, организованных связями и отношениями в единое целое», а структура как «совокупность связей и отношений, организующих элементы в составе целого» [Березин, Головин, 1979, с. 109]. Единицы языка включают в себя все свойства языка, иначе говоря, обладают системообразующими свойствами. Отсюда, поэтому, правомерным следует считать утверждение о том, что рассмотрение структуры языка позволяет выявить сущностные системообразующие признаки семиотических единиц на глубинном ненаблюдаемом уровне – уровне целостности языка. При этом данное утверждение релевантно как по отношению к языку как феномену, так и по отношению к отдельным конкретным языкам, в том числе к языкам с таким способом означивания и обозначения, который материализуется знаками идеографического письма.

Основные положения лингвoseмиотики основываются на понятии языкового знака. Различные взгляды лингвистов на соотношение знака и значения находят свое отражение в унилатеральной и билатеральной теориях

знака. Однако в семиотике преобладает билатеральный подход, а также рассмотрение знака как многосторонней сущности.

В общем смысле знак понимается как «материально-идеальное образование, репрезентирующее предмет, свойство, отношение действительности» [ЛЭС, 1990, с. 167]. Из данного общепринятого определения исходит такое базовое семиотическое свойство знака, как *двусторонность*: наличие и соотнесённость плана выражения и плана содержания, интерпретируемое лингвистами с разных точек зрения.

Согласно концепции Ф. де Соссюра, языковой знак «не есть материальный звук, вещь чисто физическая, но психический отпечаток звука, представление, получаемое нами о нем посредством наших органов чувств: он – чувственный образ, и если нам случается назвать его «материальным», то только в этом смысле и из противопоставления второму моменту ассоциации – понятию, в общем более абстрактному» [Соссюр, 1977, с. 99]. Двусторонней сущности знака у Соссюра – *понятию* и *акустическому образу* соответствуют термины *означаемое* и *означающее*.

Понимая знак как «нечто, что обозначает что-либо для кого-нибудь в определенном отношении или объеме» [Пирс, с. 177], родоначальник семиотики Ч. Пирс в основу разделения знаков на знаки-иконы, знаки-знаки-индексы и знаки-символы выводит критерий связи между означаемым и означающим.

Семиотика, таким образом, исходит из постулата о единстве плана содержания и плана выражения с учётом сложности и неоднозначности данного сопряжения, опредмеченного во внешней форме знака. Асимметричность языкового знака [Скаличка, 1967] является свойством самого знака, состоящего в несовпадении плана выражения и плана содержания; анализ внешней формы знака, поэтому не позволяет в полной мере выявить компоненты плана содержания. Языковой знак своеобразен тем, что «более емкий по объёму и многомерный по структурной организации план содержания не имеет однозначного соответствия более простому по

форме и меньшему по числу единиц плану выражения», и не все элементы плана выражения есть носители значения [Серебренников, 1970, с. 116].

Данный вопрос решался в русле различных подходов к выделению элементов плана содержания.

В рамках анализа, направленного на выявление исходных элементов смысла, «минимальной языковой единицей, обладающей значением», признается сема [Скаличка, 1967, с. 122]. Она не может быть разделена на меньшие значащие части. Сема соотносится с морфемой, хотя не обязательно совпадает с ней, одной морфеме может соответствовать несколько сем. По мнению В. Скалички, корневые морфемы имеют одну сему, тогда как у грамматических морфем может быть несколько сем.

Компонентный анализ представляет собой метод исследования плана содержания значимых единиц языка, с помощью которого значение языкового знака разлагается на минимальные семантические составляющие, имеющий, однако, описательный характер по отношению к семантеме.

В работах основателя глоссематики Л. Ельмслева знак представляет собой единицу, которая конституируется в соотношения глубинного, ненаблюдаемого плана содержания и внешней формы знака, где «благодаря форме содержания и форме выражения, и только благодаря им, существуют соответственно субстанция содержания и субстанция выражения, которые возникают в процессе проекции формы на материал, точно так же как развернутая сеть отбрасывает тень на неразделенную поверхность» [Ельмслев, 2006, с. 80].

Если в плане выражения, с точки зрения Л. Ельмслева, минимальными компонентами знаков выступают фонемы, то в плане содержания Л. Ельмслев вводит понятие фигуры. Фигуры являются незнаками, но их частями, комбинации которых придают знаку значение, и используются для построения последних с целью описания содержания. «Совершенно так же, как и в плане выражения, существование фигур будет всего лишь логическим следствием существования знаков.Такое исчерпывающее описание

опирается на возможность объяснения и описания неограниченного числа знаков с помощью ограниченного числа фигур, в том числе, с точки зрения их содержания. ...Таким образом, язык организован так, что с помощью горстки фигур и благодаря их все новым и новым расположениям может быть построен легион знаков» [Ельмслев, 2006, с. 70,89-90] .

В концепции Л. Ельмслева утверждается, что в выраженном знаке можно выявить элементы плана содержания, не нашедшие экспликации в его внешней форме. В то же время значение эксплицированных во внешней форме знака компонентов, составляющих его семантему, не равнозначно более полному плану содержания, который существует на глубинном системном уровне построения знаков.

Важным методом выявления первичных элементов плана содержания является грамматологический анализ. Он ориентирован на исследование единиц разного типа языков и релевантен для идеографического письма. В связи с тем, что данный вид анализа позволяет описать процесс означивания и формирования идеографических знаков, он относится к лингвосемиотическому по своей методологии. Грамматологический анализ делает акцент на исторический фактор, значимый для выявления системообразующих свойств иероглифического знака.

В рамках грамматологии выявляется эволюционно-семиотический статус идеографических знаков, прослеживается появление или исчезновение тех или иных смыслов, изначально присутствующих в идеографике, выявление плана содержания устанавливается на глубинном, выводном уровне по отношению к графической форме, вариативно представленной в различные исторические периоды.

Таким образом, семиотический подход к языку, представляя методологическую и инструментальную базу анализа системы и структуры языка, исходит и разрабатывает положение о системообразующих свойствах единиц языка. Полученные в русле структурного метода результаты анализа знака в единстве плана содержания и плана выражения фокусируют

внимание на неравнозначности данного сопряжения и необходимость его рассмотрения с точки зрения соотношения внешней формы знака и имплицитного плана содержания, возводимого к глубинному уровню, детерминирующему сущностные предельные смыслы. Основанный на лингвосемиотических основаниях грамматологический анализ, обращенный более специально к изучению письменных иероглифических знаков, обосновывает положение о значимости эволюционного исторического фактора для системообразующих свойств письменного иероглифического знака; о важности семиотической континуальности и, как следствие, особом статусе исходных «первоначал» в лингвосемиотике письменных иероглифических знаков – носителей глубинных смыслов, а также их роли в структурировании лексической системы языка.

Дальнейшее обоснование теоретических оснований исследования лингвосемиотики письменных иероглифических знаков для целей разработки выявленных выше положений с необходимостью требует обращения к рассмотрению элементов картины мира - «первоначал» в рамках понятия «монадности», а также к теориям и концепциям, направленным на разработку проблем глубинного уровня взаимодействия языка и мышления; предельных исходных смыслов и, на этой основе, создания целостных моделей языка. Первостепенное значение в этом плане имеет развитие рационалистической и универсалистской традиции в философии, философии языка, порождающих моделей языка.

1.2. Истоки понятия «монадность» и его представленность в философских учениях в качестве способов рассмотрения Вселенной

Проблема познаваемости людьми окружающего мира на протяжении длительного времени была связана с определением первоначал, формирующих основы картины мира человека. Первоначально употребление термина «монада» в западной традиции (от греч. *monas* – единица) относят к математике. Так, в первой книге знаменитых «Начал» Евклида III в. до н.э. упомянут список аксиом, которые представляют собой общие правила вывода при оперировании с величинами («равные одному и тому же равны между собой») и постулатов, задающих базовые построения (например, «от всякой точки до всякой точки можно провести прямую линию») [Евклид, 1950, с. 14]. Согласно Евклиду, всякое число состоит из единиц-монад.

В философии истоки возникновения термина восходят к Пифагору, где «единичность» как принцип вещей противопоставляется диаде. Основным постулатом философского учения пифагорейцев устанавливается соположение двух противоположностей – предела и беспредельного. Беспредельное не может быть единым началом вещей, а только предел.

С точки зрения пифагорейцев, математические начала – это начала всего существующего, следовательно, самыми основными и первичными элементами начал являются числа. «...Числа занимают от природы первое место, а у чисел они усматривали, как им казалось, много сходных черт с тем, что существует и происходит, – больше, чем у огня, земли и воды; например, такое-то свойство чисел есть справедливость, а такое-то – душа и ум, другое – удача, и, можно сказать, что в каждом из остальных случаев точно так же. Кроме того, они видели в числах свойства и отношения, присущие гармоническим сочетаниям» [Аристотель, 2002, с. 44]. Так, следовательно, все остальное явным образом уподоблялось числам по всему своему существу, а числа занимали первое место по всей природе, элементы чисел

они предположили элементами всех вещей и признали всю Вселенную гармонией и числом [Аристотель, 2002, с. 44] .

Монада рассматривается пифагорейцами как элементарная единица бытия со значением единичности, однако между понятиями «монада» и «единица» проводится различие: монада принимается за мысль, а единица — за число; и точно так же число два они принимали за арифметическое выражение, а диаду (ибо таково, видимо, то название, которое оно у них носит) — за мысль о неопределенном [Гегель, <http://psylib.org.ua/books/gegel02/index.htm>].

Дальнейшее развитие понятие «монада» получило в 380 г. до н.э. в связи с образованием философско-религиозного союза (Платоновской Академии) на базе традиции пифагореизма. Феноменология монады проявляется здесь как бинарная оппозиция монада – диада, что соответствует математическому эквиваленту оппозиции определенности формы и текучей множественности возможностей аморфного начала (в раннем пифагореизме *предел* и *беспредельное*). Монада идентифицируется с мужским, духовным началом мира, в то время как диада является олицетворением начала женского и выступает в качестве мировой души и материи. Монада выступает как высший принцип Бытия по отношению к диаде [НФС, <http://www.e-reading.club/book.php?book=149350>].

В эпоху поздней схоластики и Возрождения монада предстает как структурная неразложимая далее единица бытия. У Дж. Бруно – это начало, заключающее в себе единство противоположностей, как физический, так и психический элемент бытия, в том числе свойства материального и идеального. Онтологическое обоснование монады у Ф. Суареса состоит в понимании термина как первичного по отношению и к материи, и к форме как таковым [НФС, <http://www.e-reading.club/book.php?book=149350>].

Период Нового Времени связан с появлением трудов ученых, основным понятием которых становится монада. Г. Мор утверждает присутствие у монады духовного начала. С его точки зрения, мир состоит из

частиц, обладающих одухотворенностью (последний аргумент Мор приводит как доказательство против механицизма Декарта) [Ковалева, www-plato.spbu.ru].

Идея существования исходных неделимых сущностей в восточной традиции также не нова и формирует все мировидение человека. К первоначалам, или одним из основных понятий древнекитайской философии, относится понятие Дао – пути. Феноменология Дао – корреляция одного полюса отрицательной энергии «инь» и положительной «ян», порождающие пять стихий, или первоэлементов (У-син): воду – большой, зрелый «инь», огонь – большой, зрелый «ян», дерево – меньший зарождающийся «ян», металл – меньший, зарождающийся «инь», землю – гармонию, равенство, баланс «инь»-«ян» [Ермаков, 2003, с. 109]. Таким образом, фазы процесса перехода из одного полюса «ци» в другой маркируются первоэлементами [Торчинов, 2007, с. 41]. Именно из этих элементов, в свою очередь, состоит весь материальный мир, все «десять тысяч вещей» (万物 wànwù ван 邹晓丽 ь у), которые «образуют единство с человеком» [语言人类学教程, 2005, с. 59].

Китайская мысль устанавливает ряды соответствий между пятью первоэлементами как определенными состояниями «ци» и различными явлениями, как бы воплощающими в себе эти состояния [Торчинов, 2007, с. 42], поэтому каждому первоэлементу соответствуют определенные явления окружающего мира, такие, например, как различные цвета, времена года, органы человеческого тела, стороны света, чувства людей, как положительные, так и отрицательные.

Вследствие этого, первоэлементы связаны со многими вещами вокруг и заряжены энергией «инь» или «ян», их гармоничное соположение формирует соответствующую действительность. Основу наивной картины мира в отношении к космогонической структуре китайского мира составляет постулат о том, что «все сущее есть лишь пять первоэлементов, пять

первозлементов есть лишь два модуса – «инь» и «ян», два модуса есть лишь единый Великий предел» [Торчинов, 2007, с. 42].

В отличие от западной концепции, утверждавшей наличие отдельных первоэлементов, сосуществование и феноменология сверхъестественного и реального выявляет некий натурализм древних китайцев, их прагматическое стремление к рассмотрению мира, который является неразделимым, в связи с чем первоначала китайской мифологической традиции рассматриваются лишь в целостности окружающего мира.

Так, например, даже в мифологических представлениях древних китайцев Вселенная не создается единым Богом, а разворачивается изнутри, как бы раскрывая себя полностью, что соответствует традиционному мирозерцанию китайцев, согласно которой Вселенная представляет собой исключительно поток метаморфоз, переходящих одна в другую» [Там же, с. 31].

В китайской философии именно перемены составляют суть бытия как проявляющегося в постоянном изменении «великого предела» 太极 tàijí. Наиболее полно «великий предел» представлен в рамках концепции даосизма. Здесь именно он является высшей формой проявления жизни, это – начало всех начал, как земные, так и небесные энергетические потоки. Внутренняя форма этого базового понятия китайской философии (перевод. «сверх», «предел»+ «граница», «полюс», «предел») говорит о том, что это не только точка достижения чего-либо, но и выход за границы, что позволяет перевести 太极 tàijí как сверх-предел, то, что находится за ним.

На другой стороне «великого предела» находится 无极 wújí, или не-предел, наличие отсутствия, пустота, в которой все уже существует, и «в пустоте и покое образы уже завершены и избыточны, словно чаща лесная. Они подобны деревьям в тысячу саженей: от корня до верхушки – одно тянущееся целое» [Малявин, 2001, с. 192]. Однако противопоставленность данных понятий не является дуальным проявлением двух разных сущностей,

так как происходит плавный переход от одного к другому, развертывание не-предела во времени и пространстве, постепенно раскрывающее себя в «великом пределе».

На наш взгляд, к наиболее подходящим понятиям, соотносимым с термином «монада» в западном мышлении можно отнести одну из основных категорий китайской философии – «ци». «Ци», или первозданный хаос (хуньдунь), или изначальный дух (юань шэнь), как таковой не имеющий своей полярности, проявляется в мужской, чистой, сильной, активной энергии «ян» и женской, темной, слабой, пассивной энергии «инь». Любые события, происходящие как в окружающем мире, так и в теле человека, являются показателем течения «ци» во вселенной. Нарушение гармоничного сосуществования одной из них является причиной сбоев в развитии определенных процессов в универсуме. Ван Чун, китайский философ-материалист, рассуждая о «ци», приходит к выводу о том, что «ци», сгущаясь, становится веществом, а истощаясь, духом, подобно тому, как лед при нагревании превращается в воду, а вода – в пар. Таким образом, между духом и веществом, материей и сознанием, нет и не может быть непреодолимой грани, это не более, чем разные состояния, модусы единой субстанции. Все, что есть в мире, – это «ци» и кроме «ци» и его состояний ничего нет [Торчинов, 2007, с. 33].

Вопрос о существовании структурных единиц Бытия являлся одним из главных постулатов гносеологии Вселенной в восточной и западной традиции. Рассмотрение «монады» как элемента смысла, «единицы» в качестве «числа» послужило предпосылкой для дальнейшего обоснования данного термина, когда «монада» ставится выше духовного и материального начала. В китайском мировоззрении большее внимание уделяется первоначалам как проявлению «макрокосмического» порядка, пронизывающего всю Вселенную, где все элементы эксплицитно дискретны, однако являются компонентами целого. В китайском подходе, в отличие от западной традиции, первоэлементы «ци», «пять элементов», «тай цзи», «у

цзи» и другие связанные с ними понятия не противоречат друг другу и являются лишь проявлением целостности Бытия.

Представляется возможной идея о том, что основной постулат о раскрытии Вселенной изнутри, а не создании ее Богом-демиургом, применим, в частности, и к китайским письменным знакам. Можно предположить, что знаки китайской письменности представляют собой такую модель, где все семиотические процессы, заключенные в письменности, отражают семиотические процессы, происходящие во вселенной.

1.3. Теоретические подходы к изучению глубинных предельных смыслов в рационалистическом и логико-универсалистском обосновании

Вопрос о существовании предельных неделимых элементов, составляющих структуру мышления и являющихся универсальными по своей природе, был исследован в рамках логико-универсалистского и рационалистского подходов. Рационализм стал одним из первых направлений, представители которого предложили свои теоретические положения по данному вопросу.

Согласно теории рационалистов, разум представляется как определяющий источник всех мыслительных процессов человека, своеобразный критерий верификации всех его истинных и ложных суждений. Картезианцы постулировали существование у человека врожденных идей, не требующих никакого разъяснения. Любые языковые явления, таким образом, рассматривались лишь как способ проявления «истины ума».

Р. Декартом установлено, что руководствуясь умом, – одним из важнейших, с его точки зрения, модусов человеческого мышления, представляется вероятным сведение любой сложной идеи к простой, воспринимающейся предельно ясно и отчетливо и не нуждающейся потому ни в каком объяснении. Такое отчетливое восприятие «настолько четко

отделено от других восприятий, что не содержит никакой примеси неясного.» [Декарт, 1989, с. 331].

Проблему определения слов Р. Декарт решает с помощью четкого осознания простых идей: «Есть много вещей, которые мы делаем более темными, желая их определить, ибо вследствие их чрезвычайной простоты и ясности, нам невозможно постигать их лучше, чем самих по себе. Больше того, к числу величайших ошибок, какие можно допустить в науках, следует причислить, быть может, ошибки тех, кто хочет определять то, что должно только просто знать, и кто не может ни отличить ясное от темного, ни того, что в целях познания требует и заслуживает определения, от того, что отлично может быть познано само по себе...» [Там же, с. 332].

Исходным пунктом гносеологии Р. Декарта является его теория о существовании врожденных идей, которые невозможно приобрести опытным путем. Слова лишь отсылают человека к этому априорному знанию, в его мышлении уже заложены врожденные понятия, и «стимуляция создает уму условия для применения определенных врожденных интерпретирующих принципов, определенных понятий, которые происходят от самой «способности понимать», от способности думать, а не прямо от внешних объектов» [Там же, с. 101].

Данное учение Р. Декарта о самой возможности выделения простых определяющих понятий, элементарных смыслов, порождающих более сложные, явилось предпосылкой дальнейшего исследования данного вопроса и позволило решить проблему герменевтического круга при определении слов.

Доводы главного оппонента Р. Декарта по вопросу существования врожденных идей Дж. Локка состоят в том, что, отстаивая свою позицию по данному аспекту, ученый приходит к выводу о необходимости лишь «указать путь, каким мы приходим ко всякому знанию», ведь «не менее безрассудно считать некоторые истины природными отпечатками и врожденными знаками» [Локк, 1985, с. 96].

Критерием для выделения элементарных смыслов у Дж. Локка является необходимость рассмотрения простых идей, которые, однако, не могут быть определены. Вопрос этот осложняется еще и тем, что понятий, представляющих всего одну идею, почти не существует, и достаточно сложно четко разложить те или иные понятия на простые составляющие, «поэтому, когда мы подозреваем *спутанность* какой-нибудь идеи, мы должны исследовать, с какою другою идеей имеется опасение спутать ее и от какой другой ее нелегко отделить. И всегда найдется идея, которая обозначается другим именем и, следовательно, должна быть другою вещью, хотя и недостаточно отличной от этой идеи. Ибо она или тождественна с этой идеей, или составляет ее часть, или по крайней мере может быть обозначена тем же точно именем, под которое подпадает и та другая идея; таким образом, не сохраняется то отличие этой идеи от другой идеи, которое выражено различными именами. Сложные же по своему составу идеи всегда содержат в себе определенное количество идей» [Там же, с. 420].

Термин «монада» устанавливается в качестве основополагающего в теории ван Гельмонта Ф. М., оказавшей большое влияние на исследование Г. В. Лейбница. Монада определяется Гельмонтом как исходная единица Бытия, и если физический мир состоит из предельных материальных частиц, то элементами духовного мира являются предельные монады-мысли. Это, однако, не означает дуальности бытия, ибо различие между монадами-частицами и монадами-мыслями не принципиально и является не качественным, но лишь количественным, связанным с мерой проявленности в каждой конкретной, а Бог является неизменной центральной монадой над созданными субстанциями мира, благодаря которому в мире господствует единство [НФС, <http://www.e-reading.club/book.php?book=149350>].

Исследованию вопроса о существовании исходных единиц Бытия уделяется большое внимание в трудах Г. В. Лейбница. Ученым обосновывается необходимость выделения элементарных смыслов и возможного построения, таким образом, «алфавита человеческих мыслей»,

lingua generalis, – универсального языка, все элементы которого могут быть достаточно легко подвержены математическим исчислениям. Положения данной теории были представлены в труде «О комбинаторном искусстве», где основным методом исчисления признавался математический.

Проект построения универсального языка, вероятно, послужил основой формирования философских воззрений ученого о монаде. Монада определяется Г. В. Лейбницем как «...не что иное как простая субстанция, которая входит в состав сложных; простая, значит, не имеющая частей» [Лейбниц, 1982, с. 413]. Монады представляются Лейбницем как «элементы вещей», простые субстанции, из которых состоит вся Вселенная. Эти субстанции не могут не обладать различными свойствами, однако внутри них не существует никакого отношения или изменения в силу их неделимости и элементарной сущности [Там же, с. 413].

Монада занимает в теории Г. В. Лейбница центральное место, и понимается не механистически, а в качестве элемента бытия, обладающего индивидуальной структурой. Лейбницем акцентируется недискретность монады, однако монады могут являться элементами вещей. Они понимаются как не обладающие ни частями, ни протяженностью и фигурами. Рождение и гибель монады возможны только путем творения и уничтожения, а отличие от сложных частей, которые начинаются и заканчиваются по частям. Монады, будучи существами, обладают, по Лейбницу, некоторыми свойствами. Одним из них является то, что монада, как и всякое живое существо, подвержена изменению, которое непрерывно. «Естественные изменения монад исходят из внутреннего принципа, так как внешняя причина не может иметь влияния внутри монады..., монады вовсе не имеют окон, через которые что-либо могло войти туда или оттуда выйти. Акциденции не могут отделяться или двигаться вне субстанции, как это некогда у схоластов получалось с чувственными видами. Итак, ни субстанция, ни акциденция не могут проникнуть в монаду» [Лейбниц, 1982, с. 414].

В качестве основного свойства утверждается индивидуальность каждой монады, не существует в природе двух существ, которые были бы совершенно идентичны без внутреннего различия или основанного на внутреннем определении.

Постулат ученого о том, что монада обладает множественностью в едином, утверждает семиотический и порождающий потенциал монады: являясь простой по своей сути, монада обладает категорией множественности. Такое «преходящее состояние» есть не что иное, как восприятие, в простой субстанции существуют только восприятия и их изменения, что составляет действия простых субстанций. Любое состояние монады есть восприятие.

Высшим воплощением монады является существо – Бог, являющийся творцом всех созданий-монад, которые рождаются из «бесперывных, от момента до момента, излучений (figurations)» [Лейбниц, 1982, с. 421]. Монады посредством бога взаимодействуют между собой, и каждая из них отражает, представляет всю вселенную. Бог есть источник всего разнообразия идей, он обладает волей, а также вмещает в себя совершенство всего, что есть в монадах – способность восприятия и способность стремления [Там же].

Определяется, таким образом, что каждая из монад представляет собой весь универсум, выражающийся в совершенстве только в Боге, и причиной этого является то, что каждая из элементарных частей имеет свое движение, способность восприятия и способность стремления. Каждая часть живого организма являет собой всю вселенную, тогда как, например, каждая деталь машины, представляет собой лишь ее деталь, а не целый механизм.

«Монадология» Лейбница представляет собой целостную теорию существования вселенной, фундаментальной характеристикой которой является внутренняя когерентность ее элементов. Ученым впервые было сделано теоретическое обоснование данного понятия, что внесло большой вклад в дальнейшее изучение вопроса.

В XX в. идея монадности получила дальнейшее развитие в трудах Э. Гуссерля, А. Уайтхеда. Монада наделена дополнительными характеристиками и представлена в корреляции с *его*: «Я как монада — это «*его*, взятое в полной конкретности», «в текущем многообразии своей интенциональной жизни» — не как полюс и субстрат переживаний, а как совокупность этих переживаний. Это «фактическое *его*», которое «охватывает всю действительную и потенциальную жизнь сознания», эмпирическое Я» [Гуссерль, 1998, с. 155].

При том, что термин «монада» широко употреблялся в его философском обосновании в «Монадологии» Лейбница и последующих трудах, он не был использован в лингвистике в качестве инструмента рассмотрения фактов языка и его анализа, однако определил потенциал данного понятия, выявив плодотворную эпистему, которая может быть использована для анализа языковых данных.

В русле универсалистского подхода, одним из первых, кто употребил данное понятие, были модисты. «Достижения модистов признаются самыми значительными в области изучения языка» в период европейского средневековья [Левицкий, 2005, с. 68]. По мнению модистов, основы грамматики любого языка заложены в структуре реального мира и отражают законы мышления человека, поэтому у всех языков существует единая смысловая сторона.

Модисты рассматривают в качестве объекта своего изучения исключительно грамматический строй, а, так как язык является естественным отражением окружающего мира, грамматика является общей для всех языков. Поскольку главным методом изучения грамматического строя языка у модистов является метод доказательства, в работах модистов отсутствует большое количество языковых примеров, а делаются в основном логические выводы по узкому языковому материалу. Модисты подвергают критике описательные грамматики: «Предметы, относительно которых возможен доказательный модус знания, часто излагаются не посредством модуса

доказательного, а посредством описательного модуса; но такое учение нельзя признать достаточным, ведь оно создает относительно предметов познаваемых скорее мнение, чем знание. Поскольку Присциан не учил грамматике посредством каждого возможного в ней модуса знаний, то тем самым он очень ослабил свое учение» [Перельмутер, 1991, с. 25].

Однако не все явления языка доказуемы. С точки зрения модистов, в языке существуют недоказательные первоначала. К таким исходным первоначалам модисты относят *modi significandi* (букв: "способы обозначения"), или модусы. Все первоначала образуют теорию, в центре которой – модусы, и все грамматические структуры определяются только по отношению к этому центру [Там же, с. 43].

Понятие *modi significandi* восходит к Боэцию (VI в.), в XII в. «модусы обозначения» появляются в грамматике, а также в логике. Очень многие ученые используют это понятие по отношению к языку (например, П. Абеляр, Петр Гелийский и др.), тем не менее, только у модистов они становятся ядром, «основным компонентом целостной понятийно-терминологической системы, призванной объяснить явления языка и связь этих явлений с реальной действительностью» [Там же, с. 34].

Для модистов любое слово обладает своим предметным значением (в этом случае оно полностью лишено грамматических характеристик) и грамматическим значением. Истоком этого грамматического значения является именно способы обозначения, или модусы обозначения. Именно они наделяют слово грамматическими характеристиками, вследствие чего оно становится частью речи. Модисты стремятся определить происхождение модусов обозначения, существующих, по их мнению, в реальном мире.

Модисты различают модусы *существования*, модусы *познания* и модусы *обозначения*. Первые представляют собой свойства вещи или предмета, рассматриваемые отдельно от его связей и зависимостей, эти свойства существуют в самих вещах вне сознания человека. Модусы познания – это также свойства, рассматриваемые, однако, в их отношении к

познанию. Что же касается способов обозначения, то они становятся предметом рассмотрения в отношении к языку, поэтому основное внимание модисты уделяли именно модусам обозначения, изучая, прежде всего, грамматические значения. При этом модисты указывали на существование модусов в реальной действительности [Левицкий, 2005, с. 69]. «Подобно тому как соотносятся вещь внешняя, вещь познанная и вещь обозначенная, точно так же соотносятся модусы существования, модусы познания и модусы обозначения. Но вещь внешняя, вещь познанная и вещь обозначенная, с точки зрения Мартина Дакийского, суть одна и та же вещь, поэтому и модусы существования, модусы познания и модусы обозначения по существу суть одно и то же, хотя они и различаются между собой побочными признаками... Модус обозначения существует в обозначенной вещи как в субъекте, в звучании же как в знаке..., в сознании же...как познанное в познающем (*cognitum in cognoscente*), модусы познания существуют в познанной вещи как в субъекте» [Перельмутер, 1991, с. 35].

Стремление модистов объяснять факты языка в рамках своей строгой грамматической теории привело к дальнейшей ее критике. Уже в XVI в модисты были забыты, однако их попытка создать единую теорию грамматической системы сыграло большую роль в истории европейского языкознания.

Таким образом, в русле логико-универсалистского подхода выявлению универсальных смыслов, лежащих в основе структуры языка, придавалось большое значение. В качестве «недоказательных», априорных первоначал, которые являются универсальными с точки зрения восприятия действительности, были описаны такие понятия, как «монада» и «модус». При этом данные термины были дополнены онтологическими, гносеологическими и лингвистическими характеристиками. Тем не менее, они не рассматривались как явления, коррелирующие с письменными знаками, в связи с чем не был установлен их грамматологический статус.

1.4. Понятийный статус понятия «модус» в рационалистическом подходе. Наряду с универсальными грамматиками, «модус» в качестве базисного, присущего субстанции понятия, исследуется рационалистами. Р. Декарт вводит в парадигму понятия «модус» такие понятия, как атрибуты и свойства предметов, присваивая каждому из этих понятий свой собственный статус (по отношению к субстанции): «Под именем *модусов* я разумею здесь то же самое, что в других местах именовал *атрибутами и качествами*. Но когда мы видим, что они воздействуют на субстанцию или вносят в нее различные оттенки, мы именуем их модусами; когда же в связи с этим разнообразием оттенков субстанция может быть названа такой, а не иной, мы именуем это качествами; и наконец, когда с более общей точки зрения мы видим, что только эти качества присущи субстанции, мы именуем их атрибутами» [Декарт, 1989, с. 56].

Способность модусов влиять на субстанцию, изменяя ее тем или иным образом, признается Р. Декартом. Признавая Бога как совершенную субстанцию, им утверждается, что Бог обладает не модусами и качествами, а только атрибутами, так как в нем отсутствует постижение какой-либо изменчивости [Там же]. Протяженность тела может заключать в себе различные модусы, но сама протяженность как категория не является модусом субстанции, а только ее атрибутом, составляющим сущность протяженности [Декарт, 1989, с. 340].

Выделяются различные модусы мышления: такие, как модус утверждения, модус отрицания, при этом, само мышление «постигается не как модус, но как атрибут, образующий природу какой-то субстанции...» [Декарт, 1989, с. 334]. Вместе с тем, ум не есть модус мышления, а лишь его атрибут.

Определение значения понятия «модус» для многих философов становится посылком для выявления истоков его онтологических характеристик. Если Декарт выстраивает онтологическую модель существования модусов в рамках рациональной гносеологии, то Дж. Локк,

говоря о модусах, обращается прежде всего к идеям, которые, по мнению ученого, являются основным материалом знания человека. Сложные идеи сводятся к следующим трем разрядам: модусам, субстанции, отношениям. К модусам относятся такие сложные идеи, которые, как бы они ни были соединены, не имеют в себе предпосылки самостоятельности их существования, а считаются либо зависимыми от субстанций, либо свойствами последних. Таковы идеи, обозначаемые словами «треугольник», «благодарность», «убийство» и др. [Локк, 1989, с. 22].

Предположение о существовании простых и смешанных модусов у Дж. Локка состоит в следующем: «...некоторые модусы суть только разновидности или различные сочетания одной и той же простой идеи, без примеси другой какой-нибудь идеи, например, дюжина или двадцатка, которые представляют собой не что иное, как идеи стольких-то отдельных единиц, соединенных вместе; я называю [такие идеи] простыми модусами, потому что они содержатся в пределах одной только простой идеи... Другие составлены из простых идей разных видов, соединенных для образования одной сложной идеи; например, красота, которая состоит в известном сочетании окраски и формы, вызывающем восхищение у зрителя..., или воровство, которое состоит в тайной перемене владения вещью без согласия владельца и представляет, очевидно, сочетание нескольких идей различных видов; такие модусы я называю смешанными модусами» [Там же].

Простые идеи, «которые ум или находит существующими в вещах, или в состоянии образовать внутри себя без какой-либо помощи внешнего объекта, без всякого чужого влияния», есть простые модусы. Любые же модификации простых идей, образующие повторения уже существующих, но различных идей – это простые модусы дюжины [Локк, 1989, с. 23].

Бытие устроено у Дж. Локка с помощью единств. Каждое из единств содержит свои свойства, связывает в определенном порядке и проявляет их в виде сил по отношению к другим единствам. Такие единства называются *субстанциями*. Модусы содержатся в субстанции, то есть, в обыденном

понимании, в вещах. Субъект встречается с субстанциями на этапе формирования сложных идей. Каждая из идей, входящих в образ, по отношению к его единству является модусом. Существуют два вида субстанций: внешние субстанции (*телесные* – материальные) и внутренняя (духовная) субстанция. Каждая из них обладает модусами. Модусами внешней являются протяжение, плотность, форма, движение и количество, внутренней – мышление и воля. Специфика познания субстанции состоит в том, что она дается субъекту только через модусы. Действительно, чтобы субъект воспринял субстанцию, она должна подействовать на него, т.е. проявить силу. Человек воспринимает только эту силу. Но сила – это модус субстанции. Следовательно, в опыте нам даются только модусы. Под субстанцией же мы мыслим определенную устойчивую связь модусов. Значит, считает Локк, если идею субстанции оторвать от модусов, то она будет «смутной». Ученый описывает модусы пространства, модусы протяженности, мышления, и, даже удовольствия и страдания, отмечая, что все это – простые идеи пространства, протяженности, мышления, удовольствия и страдания [Локк, 1989, с. 309].

По-видимому, Дж. Локк сводит декартовский «модус» к простому зарождению идей, которые ум познает, основываясь на единичных восприятиях человека. Если у Р. Декарта «модус» прежде всего является модификацией какой-либо субстанции, то Локк делает акцент на модификации простых идей.

Дуализм Декарта и субстанциональный монизм Спинозы сглаживается Г. В. Лейбницем, им выявляется реальное многообразие модусов, «чтобы бесконечное многообразие действительности объяснить из содержания самой ее субстанциональной основы — единой, но в то же время многообразной» [Нарский, 1972, с. 28]. Многообразие мира, а, значит и модусов, является проявлением структуры сущности этого мира. Для него субстанция состоит из простых монад, которые излучаются и поглощаются Богом. Именно Бог создает гармонию в бесконечно разнообразных монадах [Там же].

Позднее модусы были рассмотрены в работах Гегеля в рамках его диалектики. Модусы определяются им как «инобытие абсолютного, потеря последним себя в изменчивости и случайности бытия, переход абсолютного в свою противоположность без возврата в себя, лишенное целостности многообразие определений формы и содержания» [НФС, <http://www.e-reading.club/book.php?book=149350>].

В качестве более общего описания в русле антропоцентричной парадигмы «модус» понимается как «...субстанциональное атрибутивное явление способа бытия человека, выступающее в качестве механизма перевода одного способа бытия человека в другой способ...» [Серебренникова, 2008, с.9].

В общем, модус как способ бытия человека становится основополагающим в его целостности и детерминирует ключевые положения Бытия. Понятие «модус» является неотъемлемой частью характеристики субстанции как проявления ее сущности. Субстанция без модусов мыслима, а существование модусов без субстанции невозможно. Следовательно, потенциал основополагающих характеристик первоначальной субстанции, или монады, может быть выявлен только с помощью модусов. Таким образом, фундаментальные характеристики монады могут быть определены посредством соотношения монада-модус.

1.5. Порождающая модель языка как теоретическое основание исследования структуры языка

В рамках разработки теоретических моделей языка в лингвистике большую роль играет исследование вопроса выявления ядерных структур и определение их параметров. Исследование данной проблемы получило свое продолжение в фундаментальной для языкознания теории порождающей грамматики Н. Хомского, основным постулатом которой явилось положение о врожденной способности мозга порождать язык.

Идея врожденности отражена в попытках построения логико-математического исчисления процесса усвоения языка. Современная теория Н. Хомского, являющаяся продолжением его исследований 70-х годов о существовании врожденных идей (ученый неоднократно ссылается в своих работах на основоположников теории существования врожденных идей – картезианцев), связана с возможностью математического определения врожденных идей и их роли в порождении языка.

С точки зрения лингвиста, главной задачей ученого является стремление уяснить, что «мы можем сказать о предпосылках усвоения языка в сфере доступной в настоящее время информации – какие допущения мы можем сделать относительно психологически априорных принципов, которые определяют характер обучения и природу того, что усваивается» [Хомский, 2010, с.167].

Вопрос об усвоении таких априорных принципов тесно связан с проблемой порождения языка. По мнению Г.В. Лейбница, среди множества существующих языков исходным является первичный, «корневой язык», образующий все последующие языки. Возникновение такого языка связано с возникновением человеческой речи. В концепции ученого в процессе порождения речи последовательно реализуются семантические, грамматические и прагматические правила, возникновение и формирование которых связано у носителей языка врожденными когнитивными структурами.

Н. Хомский предлагает рассмотреть природу языковой структуры путем построения модели усвоения языка – «устройства усвоения языка», представленное в виде некой системы входа и выхода: данные – знание. Для осуществления данного исследования им определяется природа выхода, а также характер функции, которая связывает вход с выходом. Для ученого является необходимым определение природы компетенции человека, обеспечиваемыми его мыслительными функциями, что позволит ему «построить гипотезу... о тех врожденных принципах, которые приводят к

этой компетенции на основе предоставляемых данных. Мы могли бы углубить исследование, воздействуя на входные условия, тем самым расширяя информацию, связанную с данными отношения входа – выхода. Сходным образом, в случае усвоения языка мы можем провести аналогичное исследование усвоения языка при разнообразии входных условий, например, с привлечением данных из других языков» [Хомский, 2010, с. 168].

По мнению лингвиста, только после понимания непосредственно природы компетенции, представляется возможным исследовать врожденные мыслительные функции. Эти функции обеспечивают усвоение компетенции. В результате ученым задана верхняя и нижняя граница такого устройства, ему приписывается «достаточно богатая структура, чтобы выход мог быть получен в рамках наблюдаемых пределов времени, данных и доступа» [Там же, с. 168].

Одним из главных вопросов применения такого устройства состоит в том, чтобы проникнуть в понимание природы грамматических правил языка при помощи семантических интерпретаций фонетически представленных сигналов.

Пытаясь обосновать гипотезу возможного создания подобного устройства, позволяющего проникнуть в мыслительные процессы, Н. Хомский приходит к выводу, что какие бы ни существовали разнообразные условия на входе, это всего лишь малый компонент овладеваемого человеком языкового материала, который, к тому же, усваивается ребенком. В связи с этим он приходит к выводу, что существует некая «видовая особенность, имеющая значительный врожденный компонент» [Хомский, 2010, с. 169], и в ее основе лежат определенные принципы. Он приписывает устройству усвоения языка определенный схематизм, который является определяющим для формы языка, а опыт постулирует его действие и видоизменение.

Гипотеза Н. Хомского, по мнению самого автора, является логичным продолжением теории рационалистов XVII в., которая по сути есть основа порождающей грамматики. Она затрагивает актуальные вопросы, как,

например, выдвинутые лингвистом три важнейших аспекта языковой компетенции (творческий характер языка, абстрактность языковой структуры, универсалии). Похожие рассуждения встречаются в работах Р. Декарта, Г. В. Лейбница и Дж. Локка.

Суждения ученого представляют собой рационалистскую точку зрения, противоположную классическим положениям эмпиризма о приоритете опыта, согласно которому врожденными являются механизмы ассоциации человека, а также органы чувств, то есть к врожденным свойствам относятся только процедуры усвоения знания. Основное же отличие гипотезы Хомского состоит в признании врожденных схем ведущей роли в процессе усвоения именно языка.

Критики Н. Хомского отмечают, что он «никогда не предлагал даже схематического описания того типа устройства, которое, как предполагается, имеется в мозгу и выполняет работу по отбору наиболее высоко оцененной грамматики, совместимой с данными» [Серл, 2010, с. 179]. Тем не менее, им был внесен огромный вклад в разработку гипотезы существования врожденных идей, и, как следствие, возможность выделения неких примитивов, отражающих эти врожденные идеи.

Возможность выделения поверхностных и глубинных структур, а также признание того, что конечное число грамматических правил позволяет порождать неограниченное количество выражений языка, дало возможность применить данную теорию к любому языку, показав универсальность когнитивных элементов языка.

Позиция Н. Хомского не раз подвергалась критике А. Вежбицкой. Так, например, приводя онтологические и методологические основания своей теории выделения семантических примитивов, А. Вежбицкая многократно подчеркивает неприемлемую, с ее точки зрения, позицию Н. Хомского по вопросу существования врожденных идей: «Ряд исследователей, и среди них Хилари Патнем, полностью отрицали возможность того, что человек обладает врожденным запасом понятий, включающим такие единицы, как

карбюратор или бюрократ. Даже если эта точка зрения верна, дело не в этом; куда более серьезная проблема возникает с простыми словами типа «стол», «человек», «гнаться», «убеждать» и т.д. Аргументы же самого Патнема, касающиеся приводимых им примеров, не кажутся слишком убедительными» [Вежбицкая, 1993, с. 187]. А. Вежбицкая делает вывод о том, что «утверждение, что «простые слова» обозначают генетически детерминированные и не зависящие от языка понятия, было, очевидно явно направлено на буквальное понимание» [Там же, с. 187].

Тем не менее, в трудах Хомского не встречается подтверждение данного вывода. Невозможно было бы представить буквальное понимание Хомским таких простых идей, как «стол» и т.д., ведь он лишь отмечает существование врожденных человеческих понятий, признавая за простейшими словами только функцию ярлыков. А. Вежбицкая подчеркивает несостоятельность научной верификации Хомского, акцентируя внимание на том, что его точка зрения не была подтверждена и основана на спекулятивных языковых операциях.

Одной из теоретических моделей в аспекте выявления ядерных элементов языка является исследование уровневой модели языка. Э. Бенвенистом утверждается положение об иерархичности языковой структуры. Сущность разработанной модели состоит в том, что языковые единицы представлены в языке иерархично, каждая из них может быть идентифицирована только в составе единицы более высокого уровня, и «лишь с помощью этого понятия удастся правильно отразить такую существенную особенность языка, как его членораздельный характер и дискретность его элементов» [Бенвенист, 1974, с. 129].

Основные ярусы языковой системы выделяются Э. Бенвенистом, они включают в себя фонематический, морфологический, лексический, синтаксический уровни языка. При этом утверждается, что осмысленность есть основное условие, которому должна удовлетворять любая единица любого уровня, чтобы приобрести лингвистический статус, в связи с чем

значение становится необходимым условием лингвистического анализа. Обладая такой особенностью, как дискретность, языковые сущности допускают два типа отношений – отношения между элементами одного уровня и отношения между элементами разных уровней [Там же, с. 134]. Таким образом, соотношение формы и значения в единицах различного уровня подчинено определенному логическому принципу.

Выделение уровневой модели языка посредством применения такой его особенности, как дискретность, внесло большой вклад в определение статуса единиц в системе языка, что позволило углубить возможности проведения анализа языковых данных.

Объяснительный потенциал моделей, связанных с ядерными компонентами языка, дает возможность выявить глубинные принципы функционирования языка как системы, эксплицирующие отношения ядра и его дериватов. Данные модели подтверждают функционирование модусов, в связи с чем целесообразным является применение монадно-модусной модели представления письменных знаков, где посредством неких ядерных знаков (монад) происходит порождение новых лексических единиц.

1.6. Соотношение языка и мышления в аспекте разработки проблемы *lingua mentalis*

Наличие общих представлений языкового знания, репрезентируемого в ментальный лексикон, обосновывается в разработке проблемы *lingua mentalis*. Существование универсальных когнитивных представлений, несомненно, тесно связано с вопросом соотношения языка и мышления. Образование ментального лексикона, а также его фиксация языковыми знаками коррелирует со степенью взаимного влияния мышления и звукового языка. В когнитивной лингвистике, а также этнолингвистике, данная проблема, прежде всего, была изучена в связи с исследованием вопроса о соотношении языка и мышления.

Проблема языка, мышления и поведения человека являлась объектом исследования многих ученых, как, например, В. Гумбольдта («язык есть орган, образующий мысль») [Гумбольдт, 1984, с. 75]; Э. Сепира, Б. Уорфа («мы должны признать влияние языка на различные виды деятельности людей») [Уорф, 1960, с. 135]; А. А. Потебни («язык есть необходимое условие мысли...») [Потебня, 1993, с. 27]; Н. Хомского («благодаря... свободе от управления стимулами язык может служить орудием мышления и самовыражения...») [Хомский, 1972, с. 23] и многих др.

По мере изменения взглядов на изучение взаимовлияния мыслительных процессов и языковых явлений в лингвистике преобладал тот или иной подход к данному вопросу. Ученые уделяли большее внимание рассмотрению взаимовлияния мыслительных процессов на языковые явления (В. Гумбольдт, Б. Уорф, Л. С. Выготский и др.), придя к выводу о том, что язык не только непосредственно влияет на процессы познания, но и определенным образом их формирует.

Для В. фон Гумбольдта мышление тесно связано с языком, именно с помощью последнего происходит формирование мыслей. Понятие и звук, с его точки зрения, никогда не могут совершенно перейти друг в друга, и «по самой своей сущности требуют посредничества чего-то третьего, в котором они могли бы слиться воедино. Этот посредник всегда обладает чувственной природой...» [Гумбольдт, 1984, с. 111]. Язык, таким образом, является не средством выражения готовой мысли, а средством ее формирования.

В положении В. Гумбольдта о том, что язык «есть орган, образующий мысль», определяется огромное влияние языка на формирование мировоззрения человека. Для Л. Вайсгербера очевидным является «уникальная сила языка» [Вайсгербер, 2004, с. 127], а каждый взятый в отдельности язык «субъективен»: «...если бы у человечества существовал только один язык, то его субъективность раз и навсегда установила бы путь познания объективной действительности» [Звегинцев, 2009, с. 310]. Субъективность языка влечет за собой, по мнению У. Сепира,

«тираническую власть, которой лингвистическая форма подчиняет нашу ориентацию в мире» [Там же, с. 312].

С точки зрения Л. Витгенштейна, «...язык переодевает мысли. И притом так, что по внешней форме этой одежды нельзя заключить о форме переодетой мысли, ибо внешняя форма одежды образуется совсем не для того, чтобы обнаруживать форму тела» [Витгенштейн, 1994, с. 18]. Л. Витгенштейн рассматривает мир как определенное количество независимых друг от друга атомарных фактов.

Очевидно, что главной особенностью проблемы взаимоотношения языка и мышления является ее многогранность и противоречивость, единственного решения которой не существует. Вместе с тем, установлено, что взаимодействие и тесная связь языка и мышления позволяет словам звукового языка участвовать в самом процессе формирования мыслительной деятельности, являясь, по Выготскому, «бытием, оживленным мыслью», ведь «слово, лишенное мысли, заключает он, – есть прежде всего, мертвое слово... Но и мысль, не воплотившаяся в слове, остается стигийской тенью, «туманом, звоном и зияньем» [Звегинцев, 2009, с. 296].

Э. Бенвенист утверждает, что «возможность мышления неотрывна от языковой способности, поскольку язык – это структура, несущая значение, и мыслить – значит оперировать знаками языка» [Бенвенист, 1974, с.14]. В связи с этим существование языка мысли представляется возможным только в качестве некоего врожденного языка. Данный врожденный язык не принадлежит к классу языков, подлежащих изучению, а представляет собой ментализ, некий репрезентативный код, детерминирующий создание выражений любого естественного языка.

Нельзя не согласиться с тем, что «единицы мысли и единицы речи не совпадают... и связаны друг с другом сложными переходами, сложными превращениями, но не покрывают друг друга» [Звегинцев, 2009, с. 296]. Соотношение, таким образом, единиц *lingua mentalis* и *lingua vocalis* было и является актуальным вопросом исследования лингвистов.

Важным остается вопрос о том, насколько такие минимальные компоненты вербализованного языка коррелируют с врожденными идеями. Идея врожденных универсалий, неких «доязыковых смысловых готовностей» [Bruner, 1990, с. 72], или вопрос овладения детской речью, с позиций существования ментального лексикона долгое время остаются предметом исследования М. Бауэрмана, Д. Слобина, Дж. Брунера, Е. С. Кубряковой и других ученых.

Процесс формирования языка, представленный в направлениях филогенеза и онтогенеза, где каждый этап развития языка у ребенка повторяет периоды формирования языка человечества, предполагает, с точки зрения Е. С. Кубряковой, первоначальное возникновение памяти различных объектов, предметов, вещей, окружающих человека. Составив свое представление об объекте окружающего мира, человек начинает опознавать вещь, ее назначение, ее физические характеристики, но главное, с точки зрения ученого, – опыт обращения с нею, опыт помещения ее в определенные связи и отношения с другими объектами. Знать объект – значит уметь помещать его в некую структуру деятельности, видеть объект как вовлеченный в определенные виды деятельности с ним [Кубрякова, 2004, с. 366].

Одним из основных постулатов теорий происхождения языка является наличие общих представлений о структуре языкового знания. Ф. де Соссюр сделал вывод о том, что язык образуется посредством суммирования всех словесных образов, общих для коллектива говорящих, отмечая, что «это клад, практикой речи отлагаемый во всех, кто принадлежит к одному общественному коллективу, это грамматическая система, виртуально существующая у каждого в мозгу» [Соссюр, 1977, с. 52]. Таким образом, наличие общих представлений языкового знания репрезентируется в ментальный лексикон, основу которого составляют минимальные простые элементы структуры знания.

Ментальный лексикон образуется в процессе фиксации концептосферы языковыми знаками. Он понимается лингвистами как сложная многоярусная система пересекающихся полей, представляющих собой упорядоченную по разным основаниям информацию как о явлениях действительности, так и о связанных с ними языковых единицах [Залевская, 1992, с. 62].

При этом предполагается наличие множества пересекающихся иерархий, в которые входит та или иная единица лексикона по каждому из характеризующих ее признаков. Выделяют «вертикальную» и «горизонтальную» упорядоченность элементов лексикона и их взаимодействие, когда «элементы каждого яруса или подъяруса включаются в линейные связи разной протяженности, обеспечивая тем самым контакты между различными иерархиями» [Там же, с. 62].

Ментальный лексикон определяется Е. С. Кубряковой как «система, отражающая в языковой способности знания о словах и эквивалентных им единицах, а также выполняющая сложные функции, связанные не только с указанными языковыми единицами, но и стоящими за ними структурами представлениями экстралингвистического (энциклопедического) знания» [Кубрякова, 1997, с. 97].

Общеизвестно, что непосредственным стимулом, пусковым механизмом речи, активизирующим определенный участок сетей мозга, является интенция говорящего. Утверждается, что мыслить можно на предметно-схемном уровне, когда активируется только невербальный слой памяти, но чаще мышление имеет смешанный характер при активации вербальных сетей.

По теории Н. И. Жинкина, два пласта сознания связываются кодовыми переходами от языка мозга к естественному языку. Н. И. Жинкин устанавливает существование универсально-предметного кода, который можно охарактеризовать некоторыми общими чертами. В коде отсутствуют материальные признаки слов натурального языка, знаки не связаны между собой последовательно, а существуют только изображения, имеющие

способность образовывать цепь или какую-то группировку [Жинкин, 1964, с. 35]. «Вместе с тем представления как изобразительные компоненты этого кода схематичны. Предметы, сведенные к такой схеме, составляют единство, каждый элемент которого непроизносим, но по которому можно восстановить произносимые слова любого языка, если есть правила перевода, а они элементарны, так как предметы уже названы в натуральном языке. Такой предметный код представляет собой универсальный язык, с которого возможны переводы на все другие языки» [Там же, с. 35].

Таким образом, применение натурального языка возможно только через фазу внутренней речи, а механизм человеческого мышления реализуется в двух противостоящих друг другу звеньях – предметно-изобразительном коде (внутренняя речь) и речедвигательном коде (экспрессивная речь).

В связи с тем, что слово является центральной единицей хранения и использования информации, а исходя из взаимосвязи языка и мышления, структура языка должна соответствовать структуре мышления, представляется возможным определить минимальную семантическую единицу языка как единицу (примитив), первоначально формирующуюся во внутренней речи. Целью попыток выделения таких когнитивных примитивов для многих исследователей на протяжении всей истории лингвистических учений явилось стремление к созданию ментального словаря, и, как следствие, – универсального языка.

Представляется, что все исходные смыслы выражаются посредством предметно-изобразительной семиотики. Так, важнейшей характеристикой языков с идеографическим типом письменности является предметно-изобразительное мировидение, поэтому примитивы для таких языков первичны и играют главенствующую роль.

1.7. Теоретическое обоснование понятия «семантические примитивы» в концепции Единого Семантического Метаязыка

Описание первичных элементов, к которым сводимы все остальные значения, в современной лингвистике относят к вопросу об установлении «семантических примитивов».

Согласно исследованиям А. Вежбицкой, Дж. Брунера и других ученых, одним из способов создания некоего ментального словаря, эксплицирующего процессы мышления и порождающего словесные формы идей, можно считать наиболее поддающийся верификации способ лексикализованного представления ментального словаря. Данный способ определяется в виде неких когнитивных примитивов, в какой-то степени соответствующих ментальным структурам сознания и эксплицирующих группы смыслов, «на которые от природы настроены человеческие существа и поисками которых они активно занимаются» и которые «предшествуют языку, существуя в доязыковой примитивной форме в качестве протоязыковых репрезентаций мира» [Брунер, 1990, с. 40].

Для подтверждения гипотезы о существовании врожденных идей А. Вежбицкой обоснована важность создания Естественного Семантического Метаязыка (ЕСМ). А. Вежбицкая отмечает необходимость выявления общего для всех промежуточного языка, который являлся бы не «системой с набором абстрактных признаков, а обычным семантическим языком, более сходным с понятием языка-посредника, принятым в Московской Семантической школе» [Вежбицкая, 2011, с. 47].

Целью установления метаязыка для Вежбицкой является не нахождение непосредственно «ментального словаря», не построение формализованного метаязыка для проведения логико-математических исчислений, а установление общего для всех языков ядра, для того, чтобы «рассматривать это общее ядро как независимый от какого-либо конкретного языка метаязык для описания и сравнения всех языков и культур, ... иными

словами, общее ядро всех языков может рассматриваться как множество изоморфных мини-языков, которые могут быть использованы как лингвоспецифические версии одного же универсального Естественного Семантического Метаязыка» [Там же, с. 46].

Метаязык формируется на естественном языке. Автор ЕСМ не создает никакого формализованного языка, используя в качестве языка-объекта не один, а все (или все исследованные) языки мира. Вежбицкая отказывается от использования метаязыка для объяснения только лишь какого-то одного естественного языка по причине неверной интерпретации, ведь «если мы пытаемся объяснить значение русского или японского предложений, попросту снабдив их подходящими к случаю толкованиями (и при этом используем зрелый английский язык во всей его красе), мы неизбежно искажаем их значение, навязывая семантическую перспективу, ингерентно свойственную английскому языку» [Там же].

Вероятно, одним из недостатков такого подхода является то, что предлагаемый естественный метаязык, который уже изначально должен был быть достаточно «понятным и ясным» орудием метатеоретического исследования, сам по себе может содержать некоторые элементы полисемии, метафоры и т.д., что является препятствием точного научного исследования. В связи с этим наиболее актуальной задачей для А. Вежбицкой становится выделение простейших недискретных элементов смысла для возможного перевода каждого предложения любого понятия естественного языка на метаязык. Основным направлением исследований ученого является составление корпуса семантических примитивов – лексем, представляющих собой «поименованные человеческие концепты, т.е. единицы концептуального представления мира» [Вежбицкая, 2011, с. 8], а также возможность объяснения любых выражений всех исследуемых языков. Особенностью данной теории является, по мнению А.Д. Кошелева, совмещение «двух различных подходов к изучению языка: лингвистического, трактующего язык как вполне самостоятельную, отделенную от мышления

систему, и когнитивного, трактующего язык как часть мыслительной системы человека» [Там же, с. 7].

Концепция ЕСМ предполагает проведение семантического анализа, используя метаязык естественного языка, не требующий дальнейших толкований. Выделяя определенное количество примитивов, она, по существу, представляет внутреннюю структуру, которые через некие правила (путем использования грамматики и синтаксиса в терминах ЕСМ) порождают множество суждений любого языка.

Выявленные А. Вежбицкой семантические примитивы в определенной степени постулируют существование в ментальных структурах сознания врожденных идей. Они отражают семантическую структуру языка и осуществляют, с точки зрения Вежбицкой, перевод с *lingua mentalis* (язык мысли) на *lingua vocalis* (звуковые языки). Представленный Вежбицкой *lingua mentalis* включает в себя не только постулированный теорией ЕСМ набор лексических семантических примитивов-универсалий, но и синтаксис, регулирующий связи между ними.

А. Вежбицкая аргументирует возможность выделения примитивов-универсалий, признавая некоторые ограничения, которые вносит сам язык: для того, чтобы «естественный язык был пригоден в качестве семантического метаязыка, он должен быть соответствующим образом упорядочен. Семантический анализ языковых единиц неизбежно связан с *упрощением* (is inevitably reductive)» [Вежбицкая, 2001, с. 243]. В процессе такого упрощения автор ставит целью выделение наименьшей части естественного языка и определение минимального списка слов и выражений, «который оказался бы достаточным для того, чтобы представить значения всех остальных слов и их взаимосвязь» [Там же].

Выделенный в ходе исследовательских разработок данной теории определенный набор примитивов в разные периоды исследований автора составлял различное их количество. В качестве материала для своих исследований А. Вежбицкая использует такие естественные языки, как

русский, английский, польский, японский, китайский и многие другие, то есть большую часть существующих языков мира.

Присутствие тех или иных лексических и семантических универсалий определяется возможностью выражения с помощью данных средств любых суждений представителями любых языков. Процесс выделения таких компонентов, по мнению Вежбицкой, весьма сложен, автор концепции ЕСМ придерживается постулата Ф. Л. Г. Фреге о том, что логически простое, как и большее количество химических элементов, наблюдается не в чистом виде, а обнаруживается посредством научных исследований» [Фреге, 1978].

Спор о том, что различные языки обладают различными ключевыми понятиями, А. Вежбицкая решает при помощи выделения фундаментальных понятий, присущих всем существующим культурам. Различие же проявляется в использовании их носителями языков, а также в масштабах их употребления.

Истоки выборки семантических примитивов Вежбицкой обусловлены существованием основных фундаментальных понятий в любом языке. Так, например, присутствие в данном списке понятия «если» является неотъемлемым атрибутом выражения гипотетичности, и хотя некоторые исследователи не могут подтвердить существование данной лексемы в любом языке, в данном случае А. Вежбицкая отмечает лексическую полисемию, пытаясь доказать, что тот или иной язык имеет лексические или грамматические средства для выражения такого понятия.

Каждый из выделенных ею примитивов представленных языков проанализирован при помощи носителей языков или, в некоторых случаях, самой ученой, что неоднократно являлось причиной критики ее теории.

Нельзя не согласиться с тем, что «автор NSM-концепции не придает описанию процедур верификации большого значения, но из замечаний, которые встречаются в ее работах, становится понятным, что в качестве критерия истинности толкования выступает сама Вежбицкая и круг людей, профессионально занимающихся лингвистикой, т.е. обычный носитель языка

редуцируется до члена профессионального сообщества» [Глебкин, 2012, с. 35]. Пытаясь эксплицировать тот или иной минимальный компонент и используя при процедуре верификации «способ, который интуитивно кажется удовлетворительным для объяснения значения самого выражения», А. Вежбицкой, по-видимому, поверхностно уделяется внимание семантическому анализу каждого из выражений во всех исследуемых языках, однако у автора теории существуют определенные критерии выделения семантических примитивов:

1. Семантические компоненты, прежде всего, должны быть ясны и очевидны. Определяя значение каждого из вышеперечисленных примитивов, А. Вежбицкая в вопросе критерия ясности следует за Декартом, отмечая в качестве неотъемлемого атрибута каждого из примитивов ясность и четкость восприятия.
2. Минимальные семантические компоненты не должны быть представимы ни через какие-либо другие концепты, что позволяет избежать определения слов одно через другое.
3. Каждый из данных семантических примитивов является строительным материалом для других, более сложных понятий.

Данный критерий явился постулатом Г. В. Лейбница, отмечающего необходимость создания «алфавита человеческих мыслей». Представляется возможным считать данное положение одним из базовых применительно к теории «семантических примитивов», посредством которого происходит формирование иерархической структуры единиц языка, где низшие единицы интегрально включены в высшие.

4. Все вышеперечисленные лексемы существуют в разнообразных языках мира со своей структурой, включая языки, далеко отстоящие друг от друга культурно и генетически.

Несомненно, некоторые из рассматриваемых ею языков достаточно далеко отстоят друг от друга культурно и генетически. В связи с тем, что структура языков мира детерминируется их типом, особым статусом, на наш

взгляд, обладают языки, где, помимо звуковой оболочки слова, играющей первостепенную роль в европейских языках, огромным семиотическим потенциалом обладает письменный знак, а именно языки с идеографическим типом письма.

Если в других языках А. Вежбицкая уделяет большое внимание рассмотрению значений каждого из приводимых примитивов-универсалий, то в китайском языке семантический анализ слов-знаков без обращения к грамматологическому подходу представляется неприемлемым, так как не рассматривает один из важнейших для языков с идеографической письменностью аспект языка – письмо. Как отмечал Ж. Деррида, письмо есть «знак, означающий некое означающее, которое, в свою очередь, означает вечную истину, вечно мыслимую и высказываемую в непосредственной близости к наличному логосу» [Деррида, 2000, с. 130]. Поэтому выделение примитивов может быть осуществлено с применением не только семантического, но и структурного и грамматологического анализа.

5. Понятия должны иметь собственные имена во всех языках мира.

Так, с помощью ясных и понятных элементов можно истолковать все выражения языка. Список таких компонентов включает в себя следующие минимальные элементы:

[субстантивы]

я, ты, кто-то, что-то, люди

[детерминаторы, квантификаторы]

этот, тот же самый, другой, один, два, все/весь, много

[предикаты ментальных состояний]

знать, хотеть, думать, говорить, чувствовать

[действия, события]

делать, происходить/случаться

[оценка]

хороший, плохой

[дескрипторы]

большой, маленький

[интенсификатор]

очень

[метапредикаты]

не/нет (отрицание), если, из-за, мочь, очень, подобный/как

[время и место]

когда, где, после (до), под (над)

[таксономия, партономия]

вид/разновидность, часть

Отмечая универсализм подобного рода примитивов (отражающий единые ментальные процессы носителя любого языка), А. Вежбицкая настаивает на необходимости выделения данных минимальных языковых компонентов, являющихся универсальными для исследованных ей языков. Главная задача ученого – лексикографическая, состоящая в объяснении всех семантических отношений, конституирующих структуру словаря, что позволяет избежать многочисленных трактовок лексем и избавиться от проблемы герменевтического круга при определении слов.

Формируя, в результате, Единый Семантический Метаязык и эксплицируя определенное количество примитивов-универсалий, «прошедших» проверку автором всеми вышеизложенными критериями, А. Вежбицкая выдвигает принцип рационализма как первостепенный, оставляя в стороне анализ лексем в языках с идеографическим типом письменности. Следовательно, при анализе набора семантических примитивов, предлагаемых А. Вежбицкой, возможность рассмотрения письменной формы знаков и полного их структурно-семиотического и грамматологического анализа, несомненно, исключается.

Таким образом, такое понятие, как «семантический примитив», является важнейшим для выявления универсальных единиц, составляющих систему языка и определения модели, с помощью которой отражается способ

порождения всех знаков языка. В данной связи для вычленения такого рода «примитивов», предельных единиц языка, в языках с идеографическим типом письменности, являющейся объектом грамматиологии (в частности, китайском), представляется необходимым обращение к структурно-семантическому и грамматиологическому анализу. Именно грамматиология является тем звеном, без которого проследить отношение означаемого и означающего в языках с идеографической письменностью, на наш взгляд, невозможно.

1.8. Статус письменности как базового объекта грамматиологии и семиотический потенциал письменного знака

Термин грамматиология (от греч. *gramma* – запись и *logos* – наука) впервые был использован И. Д. Гельбом в работе «Опыт изучения письма (основы грамматиологии)». Вопрос о статусе письменности и письменных знаках многократно становился предметом описания лингвистов в западной и восточной традициях.

Период возникновения грамматиологии почти полностью совпадает с периодом появления языкознания. Начало философской грамматиологии, зачатки которой наблюдаются уже у Аристотеля и Платона, относят к XVIII в. Одним из важнейших вопросов, которые ставила перед собой философская грамматиология, является исследование роли письменности в культуре, взаимосвязь письменности и культуры в истории общества. Связь с областями естествознания позволяет грамматиологии исследовать вопрос о врожденной способности к письму, существовании так называемого «гена письма», графемы которого представлены фрактальными или кристаллическими структурами.

В современной лингвистике отсутствует номинальное определение термина «грамматиология». В общем плане грамматиология относится к традиционной области языкознания, которая устанавливает и изучает соотношения между буквами языка и звуками речи [ЭИФ, <http://velikanov.ru/philosophy/>]. Как видно, данное определение эксплицитно

отсылает к теории письменности фонетических языков, где не рассматривается знак идеографического письма.

Проблема соотношения языка и письменности становилась предметом изучения многих лингвистов (Ф. Соссюра, В. Гумбольдта, В. А. Истрина, И. Е. Гельба, Л. Р. Зиндера, и др.) Полемика о статусе письменности, представленная в работах исследователей, остается актуальной и в современной лингвистике.

Отношение к письму в западной традиции сформировалось в рамках существования метафизики логоцентризма. В. Гумбольдт, признавая вторичную функцию письма, вносит в него дополнительные характеристики: «Когда рисунок становится письменным знаком, он непроизвольно оттесняет на первый план то, что он должен обозначать – слово.... Рисунок не может добавить языку живости, поскольку такая живость не соответствует языковой природе, и обе разные функции духа, которым рисуночное письмо должно было бы способствовать, в результате его применения не усиливаются, а лишь рассеиваются» [Гумбольдт, 1985, с. 406].

Ф. Соссюр понимает письмо только лишь в его производном значении, так как письмо для него является вторичным дериватом языка, письмо выступает в качестве означающего первичного означающего [Деррида, 2000, с. 126]. Для Соссюра речь и письмо – это две различные системы знаков: второе существует с единственной целью изображения первого.

Им выделяются две системы письма: идеографическая и «фонетическая». В первой слово изображается при помощи одного знака, не зависящего от звуков, которые входят в состав этого слова. Этот знак относится к слову в целом и, следовательно, косвенным образом к выражаемой идее. Китайское письмо является классическим примером данной системы. «Для китайца и идеограмма, и произносимое слово в одинаковом смысле суть знаки идеи; для него письмо есть второй язык, и при разговоре, если два слова произносятся одинаково, ему иной раз для выражения своей мысли приходится прибегать к написанному слову» [Соссюр, 1977. с. 65].

Следуя за Ф. Соссюром, определяя китайский язык как язык с идеографической системой письменности, мы имеем в виду не только тот факт, что знаки китайского языка в большей степени идеографичны, а также тот факт, что письменность представлена морфемно-слоговой системой. Несмотря на то, что большинство китайских знаков восходят к фонетической категории, это никак не противоречит определению китайской письменности как идеографической. Фонетическая категория в данном случае не означает буквенное письмо, а лишь отражает сосуществование в знаке двух элементов: фонетика и семантического маркера. При этом фонетик может совмещать функции семантического маркера и фонетической части, в теории Ю. В. Бунакова получившие название синтефонограммы [Готлиб, 2014, с. 125].

Существующие два типа письменности, фонологизм и иероглифика, с точки зрения Ж. Деррида, формируют разные типы культур и различные формы этноцентризма, а этноцентризм иероглифической культуры приобретает весьма специфическую форму «иероглифической Вселенной». Что касается этноцентризма фонологической культуры, то здесь он выступает в качестве логоцентризма и постулирует концепт научности, базирующийся только на Логосе, хотя история и опровергает это (например, постановкой начала письменного ряда цивилизации нефонетического письма) [ЭИФ, <http://velikanov.ru/philosophy/grammatologija.asp>].

Деконструируя любое проявление царства логоса, где истина всегда виделась в последнем, Деррида оспаривает право на существование независимой от речи, с точки зрения восточной традиции, письменности, которая «не движется вслед за речью/присутствием, не стремится уловить присутствие и потому не принадлежит ни одной из форм присутствия», деконструирует саму науку грамматику. Для него письмо есть лишь «нечто производное, чуждое, частное, внешнее, вторящее звуковому означающему» [Деррида, 2000, с. 147].

Г. В. Лейбниц отмечает, что глухие и немые также могут пользоваться нефонетическим письмом. По мнению Гегеля, иероглифическое письмо

«само по себе есть глухое чтение и немое письмо... язык, доступный зрению, является лишь знаком для языка, доступного слуху» [цит. по Деррида, 2000, с. 142]. Фонетизация письменности, достигает, по мнению Ж. Деррида, своего наивысшего развития как раз в то время, когда начинают обнаруживаться принципиальные ограничения логоцентризма.

Дж. М. Ангер выделяет приоритет фонетического языка над письменным и отводит письменности лишь второстепенную роль, утверждая, что «хотя некоторые учёные говорят о «письменном языке» как об автономной системе, которая в значительной мере совпадает со «звуковым языком», но нетождественна ему, более реалистично было бы рассматривать письмо не как язык, а как технику для записи языка» [Unger, 1987, с. 196].

Одним из авторов, стремящихся создать общую теорию развития письменности, был И. Е. Гельб. По мнению И. Е. Гельба, письменный знак, являясь эволюцией рисуночного изображения, представляет собой (независимо от сохранения им рисуночной формы) вторичный символ для передачи понятий, которые выражены языковыми средствами. Ученый отмечает, что первоначально пиктографическая форма изображения знаков была «в значительной мере независима от речи, выражавшей мысли в слышимой форме» [Гельб, 1982, с. 22], и поэтому связь между письмом и речью была на ранних ступенях весьма слабой, так как письменное послание не соответствовало определенным формам речи.

Только с возникновением фонетизации письма оно постепенно утрачивает характер независимого средства выражения мыслей и превращается в инструмент речи, с помощью которого может быть зафиксировано в устойчивом виде [Гельб, 1982, с. 22]. Возникновение письма связано с тем периодом времени, когда человек научился с его помощью передавать понятия в языковом выражении.

Вопрос о связи письма и речи был исследован многими лингвистами, часть из которых полагает, что письменные знаки есть лишь фиксация речи и что

все ступени, на которых письмо не служит этой цели, не что иное, как подходы к письму, а не письмо в подлинном смысле слов [Там же, с. 23].

Однако такой подход, на наш взгляд, нецелесообразен, если принимать во внимание то, что письмо в широком смысле слова не может быть эквивалентно речи на всех этапах своего развития. Полное соответствие письменных знаков и речевых единиц, где каждый знак выражал бы лишь одну речевую единицу, невозможно. Существует огромное количество символов – письменных знаков, когда последние подразумевают именно значения, а не слова и не звуки. Нужно признать, что в пределах фонографических систем степень корреляции в словесно-слоговых письменностях является менее сильной.

Источником возникновения письменных знаков, по мнению Гельба, являются предписьменности, которые он определяет как различные приемы описательного-изобразительного и идентифицирующее-мнемонического характера, когда при помощи зримых символов были достигнуты наиболее примитивные способы коммуникации.

Первоначальные знаки-пиктограммы идеографической письменности с древнейшей историей, с точки зрения И. Гельба, также относятся к предписьменности. Ученый отводит логографическому письму право на существование лишь в случае его фонетизации [Гельб, 1982, с. 240]. Такой подход, однако, не оправдывает себя, так как все знаки идеографической письменности в основе своей пиктографичны, и многие из них активны и в современном языке.

Письмо никогда не может рассматриваться как точный эквивалент устной формы языка. Такое идеальное соответствие, при котором одна речевая единица выражалась бы одним знаком, а один знак выражал бы только одну речевую единицу, так и не смогло быть достигнуто письмом. Степень корреляции между письмом и устной формой языка в фонографических системах письма может колебаться от сильной до весьма сильной. Однако полной корреляции никогда не бывает, даже в

фонографических системах, потому что и они обычно не в состоянии адекватно передать такие просодические характеристики устной формы языка, как количество звука, ударение, высота и т.д. [Гельб, 1982, с. 316].

Л.Р. Зиндер полагает, что письмо не должно быть обязательно связано со звуковой формой, ведь последняя есть только форма существования языка. Исторически сложились такие системы письма, которые совершенно не считаются со звуковой стороной языка. Такое письмо можно считать идеографическим, так как оно символизирует только идеальную сторону языка, не касаясь его материальной стороны; идеографическое письмо – пиктографическое, или иероглифическое, не связано с фонетикой. Возникновение такого письма относится к глубочайшей древности; оно «отражает, по-видимому, такую ступень развития языков, когда план выражения в слове не обособлялся от плана содержания и не разлагался на звуковые элементы [Зиндер, 1987, с. 48].

Общее соотношение языка и письма можно определить как соотношение первичного и вторичного, «первообразного» и производного: язык – изначальное средство общения человека путем обмена мыслями, письмо – определенное отражение языка, опосредованное им дополнительное средство общения [Моисеев, 1983, с. 68].

Два понимания понятия «письмо» предлагается А. И. Моисеевым: в глобальном и узком смысле. Письменность как система письма включает в себя средства письма (буквы, знаки, цифры), а также правила написания и относится к широкому пониманию термина. Письмо же в узком смысле включает в себя писание, текст и чтение. Языку соответствует не письмо, а письменность, а письмо соответствует не языку, а речи [Моисеев, 1983, с. 71]. Из знаковости языка и письма следует также, что письмо и речь – своего рода коды, точнее – реализации соответствующих кодов: речь реализует языковой код, письмо реализует код письменности.

Письмо, будучи вторичным по отношению к языку явлением, оказывается при этом вторичным кодом, кодом кода. Кодовость письма

отмечал также и Зиндер, говоря о том, что «письмо представляет собой вид кода, позволяющего переводить акустический сигнал в оптический», а также признавая за обязательным свойством кода его условность: код создается сознательно в результате договора, и его можно произвольно изменять [Зиндер, 1987, с. 21].

Ж. Деррида делает вывод о том, что иное понимание письменности постулирует невозможность письменности стать объектом некоторой научной грамматики. Грамматология является единственной наукой, которая в поисках своего объекта должна обратиться к своим корням, к истокам истории.

Звуковая роль оказывается доминирующей лишь в культуре фонологического типа. В культурах иного, иероглифического типа складывается совершенно иная ситуация с письменностью. В этой связи в своем труде «Нечто, относящееся к грамматологии» Ж. Деррида настаивает на пересмотре такого понятия, как письменность [Деррида, 2000]. Нельзя не согласиться с Дерридой, утверждающим, что письменность является тем «означателем означателя», который описывает все движение языка и конструирует грамматику как новый мир культуры. Именно она формирует значение, в чем реализуется и проявляется игра смыслообозначения как способ существования мира человека и человека в мире [ЭИФ, <http://velikanov.ru/philosophy/grammatologija.asp>].

Очевидна правомерность постулата об образовании письмом особой автономной системы, так как «из того обстоятельства, что в человеческом обществе при нормальном общении людей письменная форма не является автономной, было бы неправильно сделать вывод о несамостоятельности письменного знака как совершенно особой знаковой системы» [Зиндер, 1987, с. 43].

С точки зрения культуры идеографического письма, письменность является основополагающим фактором, формирующим картину мира людей. Неслучайно, например, китайский универсум, пронизывая окружающие

«десять тысяч вещей», проявляется в знаке 文 wén «вэнь» (узор), а «в человеке же эта узорчатость проявляется в виде культуры, точнее, культуры, выраженной в иероглифическом узоре, письменном знаке» [Торчинов, 2007, с. 31]. Этимологическое значение слова 文 wén «вэнь» – татуировка шаманов. Впоследствии 文 wén «вэнь» приобретает значение письменности, а также письменной культуры, что отражается в лексеме 文化 wénhuà – *культура*.

Понятие «вэнь» становится базовой категорией китайской письменности, представляя собой универсальное «космическое начало», покрывая все поле идеографического письма. Различные взгляды на «вэнь», иероглифическое письмо, подразумевают, несомненно, корреляцию данного понятия с концепцией знака.

Известно, что письменный знак у постмодернистов не принадлежит ни одной из форм присутствия, одной из его особенностей становится то, что знак обладает возможностью «отсутствовать в тот момент времени, который он, как будто, должен описывать, и наоборот, его существование тогда, когда от описываемых им явлений уже и следа не осталось, а также появление у знака некоторой дополнительной силы, достаточной для того, чтобы вырваться из контекста фиксированного значения и кочевать по различным цепочкам смыслозначений» [ЭИФ, <http://velikanov.ru/philosophy/>].

Классические концепции знака исходят из признания единства в знаке означаемого и означающего, что Ф. Соссюр называл бинарной оппозицией знака. Как только возникает знак, он начинает и начинается повторением самого себя. Мир в его знаковой репрезентации предстает, таким образом, как цепь непрерывных отсылок и референциальных сопоставлений, где сплошь фигурируют одни лишь знаки. Мир в том его облике, который только и доступен человеку, являет собой бесконечную знаковую интерпретацию или то, что Ж. Деррида называет игрой знака и игрой в знаке [Деррида, 2000, с. 172].

Нельзя не согласиться с утверждением В. Скалички о том, «что значение непременно обладает своей формой, подобно тому, как форма невозможна без значения» [Скаличка, 1967, с. 120], что актуально как для фонетического, так и для идеографического письма.

Однако в языках с идеографической письменностью знак предстает несколько по-иному. Так, например, в китайской иероглифической письменности знаки соотносятся, прежде всего, со значением – и только через него – со звучанием. Это является главным отличием идеографических знаков от знаков фонетических систем, где буквы записывают исключительно звучание и только через звучание означивают слова и морфемы.

Принимая во внимание один из важнейших, по Ф. Соссюру, принципов знака, а именно то, что «языковой знак произволен (...означающее не мотивировано, то есть произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него в действительности нет никакой связи)» [Соссюр, 1987, с. 101], рассмотрим китайский знак с точки зрения типов связи между означаемым и означающим.

Не подлежит сомнению, на наш взгляд, что «именно характер знака по отношению к объекту может служить основанием для членения знаков идеографического письма на пиктограммы (иконические знаки), идеограммы (индексальные знаки) и символограммы (знаки-символы)» [Готлиб, 2006, с. 50]. Такие знаки, по мнению О. М. Готлиба, содержат в себе различные типы связи между означающим и означаемым: в пиктографических знаках такая связь очевидна и последовательна, в индексальных знаках (идеограммах) – она носит опосредованный, но, вместе с тем, также последовательный характер, а в знаках-символах эту связь можно рассматривать как немотивированную.

Вопрос произвольности и немотивированности языкового знака гораздо в большей степени может быть отнесен к фонетическим языкам. Знак в языках с идеографической письменностью представляется произвольным

и мотивированным (специфика полностью мотивированного знака заключается в том, что «означающее дает повод к одному или нескольким восприятиям»), то есть знак базируется на ассоциации, являющейся внутренне необходимой) [Балли, 1955, с. 145].

Знаки могут быть мотивированными и означаемым, когда два понятия с чисто произвольными языковыми знаками соединяются, чтобы образовать сложное понятие, близко или отдаленно напоминающее действительное значение полного знака [Там же, с. 145]. Китайские письменные знаки по своей природе изначально пиктографичны, а, следовательно, мотивированными означаемым. Фонетический компонент китайских знаков не участвует в формировании значения знаков-пиктограмм.

В общем, идеографическое письмо позволяет отойти от линейной формы языков с фонетическим письмом по причине того, что линейная форма ограничивала графику письма.

Пиктографический знак является собой, прежде всего, письменный знак, фонетический компонент которого играет второстепенную роль. Это позволяет рассматривать его структурно и грамматологически, выделяя в нем дискретные элементы. Вопрос такого выделения не связан с рассмотрением графем как минимальных незначимых элементов знака, а также значимых элементов логограмм – сложных морфограмм, речь идет об обнаружении минимальных предельных единиц, не подлежащих дальнейшему разложению, образующих деривационные цепочки и принимающих участие в порождении сложных логограмм.

Проблема же выделения таких единиц состоит в трудностях при рассмотрении этимологии знаков, существовании совершенно различных, а иногда и противоположных точек зрения на их происхождение. Это связано, прежде всего, со способностью иероглифического знака передавать большое количество смыслов, так называемых «врожденных идей». Выявление предельных значимых единиц письменности языка (монад) в языках с

идеографическим типом письма определяет необходимость установления модели, отражающей порождающий потенциал иероглифических знаков.

Таким образом, в языках с идеографическим типом письменности представляется возможным моделирование минимальных единиц на уровне соотношения внешней формы знаков и предельных глубинных смыслов, которые возводятся к иероглифическим знакам, представленным в древнейших лексикографических источниках письменности китайского языка.

ВЫВОДЫ ПО ПЕРВОЙ ГЛАВЕ

Лингвoseмиотика является фундаментальной инструментальной базой для исследования языка вообще и для рассмотрения языков в частности. Лингвoseмиотический подход к исследованию языка позволяет исследовать единицы языка с точки зрения таких важнейших понятий, как системность, структурность, а также двусторонность языкового знака, который рассматривается с точки зрения соотношения его внешней формы и имплицитного плана содержания, выявляемого на глубинном уровне, детерминирующем сущностные предельные смыслы.

Однако анализ внешней формы знака не позволяет в полной мере выявить компоненты плана содержания. Решение данного вопроса связано с семным анализом и возведением плана содержания к более глубинному уровню. В работах Л. Ельмслева обосновывается положение о том, что знаковая единица как таковая конституируется на уровне соотношения глубинного, ненаблюдаемого плана содержания и внешней формы знака.

Обоснование принципов семиотики и на основе структурного метода положения об исходных глубинных смыслах вносит методологический вклад в ранее зародившуюся традицию философии, продолжающейся в различных теоретических моделях и направлениях лингвистики, обращенных к проблемам взаимодействия сознания, мышления, языка, культуры. В этом плане важными для целей установления исходных единиц системы письменных идеографических знаков, помимо общей методологической семиотической основы решения проблемы, являются различные теоретические положения и гипотезы.

Вопрос о выявлении неких первоначальных единиц, являющихся фундаментальными, базовыми носителями значений, формирующих иерархическую систему языка, изучался на протяжении всей истории лингвистических учений в философском, логико-семантическом, семиотическом понимании, а также в теории лингвистики.

В западной философии картину мира составляли первоначала, представленные «монадами» - единицами, пронизывающие всю Вселенную, В восточной традиции первоначала формируются посредством основных положений макрокосмического мировосприятия китайского универсума. В общем плане Вселенная древних китайцев представляет собой целостную модель, отражающую семиотические процессы письменности.

Термин «монада» становится значимым в русле логико-философского подхода в трудах Р. Декарта, Дж. Локка, Г. В. Лейбница и др. ученых. В общем смысле он понимался как простая неразложимая субстанция, которая входит в состав сложных. Понятие «монада» не было использовано в лингвистике в качестве инструмента для анализа языковых данных, однако явилось плодотворным в исследованиях вопроса о существовании недоказательных первоэлементов.

В рамках логико-универсалистских исследований также выдвигается постулат о том, что в языке существуют первоначала, поддающиеся исследованию в рамках универсальных грамматик. В центре теории модистов к таким первоначалам относятся «модусы», или «способы обозначения». В универсальной грамматике «Пор-Рояля» утверждается наличие универсальных грамматических категорий, отражающих универсальные структуры разума с помощью модусов.

В общем плане понятие «модус» является одной из важнейших характеристик субстанции. Обладая возможностью самостоятельного существования, субстанция мыслима без модусов, а необходимым условием существования последних является монада. Следовательно, потенциал основополагающих характеристик монады выявляется посредством модусов.

Таким образом, основополагающие характеристики монады могут быть определены посредством соотношения монада-модус, что позволяет применить данный термин в качестве исходного при построении моделей анализа языковых данных.

Постулаты уровневой модели языка Э. Бенвениста, утверждавшие принципы иерархического построения системы языка, внесли большой вклад в определение статуса единиц в системе языка и углубили возможности проведения анализа языковых данных.

Объяснительный потенциал модели Н. Хомского, связанный с ядерными элементами языка, выявляет глубинные принципы функционирования языка как системы, эксплицирующие отношения ядра и его дериватов. Потенциал порождающей модели по вопросу ядерных элементов языка заключается в функционировании модусов. В связи с этим, целесообразным является применение монадно-модусной модели представления знаков, где посредством неких ядерных знаков (монад) происходит порождение новых лексических единиц.

Выявление таких единиц касается фундаментальных аспектов взаимодействия языка и мышления. В лингвистике существует давняя традиция выделения минимальной семантически значимой единицы языка (примитива), формирующегося во внутренней речи. Целью выделения когнитивных примитивов явилось создание ментального словаря, и, в дальнейшем, универсального языка.

Применение термина «семантический примитив» обосновывается А. Вежбицкой в теории построения Естественного Семантического Метаязыка и выявлении универсальных «семантических примитивов», конституирующих систему всех существующих языков мира. Теория ЕСМ, на наш взгляд, может быть применима к фонетическим языкам, однако не учитывает огромный семиотический потенциал, которым обладает письменный знак в языках с идеографическим типом письма. В этой связи теория, несомненно, исключает возможность рассмотрения в таких языках письменной формы знаков и полного их структурно-семантического и грамматологического анализа.

Такое понятие, как «семантический примитив», является важнейшим и значимым для выявления универсальных единиц и построения модели, с

помощью которой отражается способ формирования всех знаков языка. Однако для вычленения такого рода примитивов в языках с идеографическим типом письменности (в частности, китайском), необходимо обращение к грамматологии, в рамках которой устанавливается статус письменного знака. Так, одним из главных отличий идеографических знаков от знаков фонетических систем, является то, что китайская иероглифическая письменность записывает морфемы, в связи с чем знаки соотносятся, прежде всего, со значением – и только через него – со звучанием, в фонетической письменности буквы записывают исключительно звучание и только через звучание означивают слова и морфемы.

Проблема же выделения единиц письменности идеографического письма состоит в трудностях при рассмотрении этимологии знаков, включающих в себя существование различных, а иногда и противоположных точек зрения на этимологию знака. Причиной этого, прежде всего, является способность большинства иероглифических знаков передавать большое количество смыслов, так называемых «врожденных идей» в связи с их дискретностью. Выявление значимых единиц языка детерминирует необходимость моделирования, эксплицирующего процесс порождения всех знаков идеографического письма.

В языках с идеографическим типом письменности знаки-единицы моделируются на уровне соотношения внешней формы знаков и предельных глубинных смыслов, которые возводятся к знакам языка, представленным в древнейших лексикографических источниках письменности китайского языка.

ГЛАВА 2. ПАРАМЕТРЫ ВЫДЕЛЕНИЯ И СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ПРЕДЕЛЬНЫХ КОНСТИТУТИВНЫХ ЕДИНИЦ ИДЕОГРАФИЧЕСКОГО ПИСЬМА

2.1. Иерархия существующих единиц языка с идеографическим типом письменности

Существуют различные подходы к выделению основных единиц идеографического письма, в частности, китайского языка. В связи с противоречивостью принятых терминов для выявления монад в иерархической системе структуры языка необходимо, на наш взгляд, уточнить терминологию принятых в синологии единиц, а также различные точки зрения, связанные с анализом и классификацией китайских знаков.

Китайское письмо является многоуровневой последовательно идеографической системой письменности, простые элементы которой формируют, или порождают, более сложные. Обладая такими признаками, как материальность, естественность, полиморфность, дискретность, иерархичность [Готлиб, 2006, с. 23], данная система детерминирует наличие базовых единиц и дает основания для выстраивания их иерархии.

Использование в китаистике термина «иероглиф» при рассмотрении китайских письменных знаков имеет достаточно устойчивый характер. Термин «иероглиф» восходит к греческому – «священно вырезанные письмена» (*hieros* – «священный», *glyphos* – «выбитый в камне») и имеет значение начертаний, надписей вне их лингвистических характеристик. С точки зрения отечественного грамматолога Ю. В. Бунакова, название «иероглиф» является одним из свидетельств сосредоточения искусства письма в Египте в руках жреческой касты и не раскрывает структуры китайской письменности [Бунаков, 1940, с. 354]. На наш взгляд, представляется более рациональным рассматривать единицу китайской письменной системы как знак, представляющий собой билатеральную сущность.

В современной китаистике выделяются следующие основные единицы китайской письменности, имеющие иерархическую структуру:

1. *Графема*, или *черта* - минимальный незначимый элемент структуры языка, обладающий смыслоразличительными функциями.
2. *Графема*, *морфограмма*, или *ключ* – базовая значимая единица китайской письменной системы, значимый компонент логограммы, выполняющий таксономическую функцию, а также служащий для поиска знаков в словаре.

Графемы и *морфограммы* не представлены в непосредственном наблюдении и относятся к имплицитно выделяемым единицам письменности.

3. *Логограмма*, 汉字, *ханьцзы* - базовая единица системы, детерминирующая характер китайского письма, коррелирует с морфемой или словом, является дискретной, значимой единицей и может образовывать синтагматические связи.

В трудах отечественных и китайских грамматологов содержание представленных выше единиц трактуется с различных точек зрения с позиций как функционально-семантического, так и структурного подходов. Рассмотрим модели классификации китайских письменных знаков, предложенные в работах ученых.

А. Ф. Кондрашевский определяет любой иероглифический знак – как сложный, так и простой, как графическое построение, состоящее из некоторого числа минимальных стандартных графических элементов – черт иероглифа (笔画 – bǐhuà). Графическим признаком черты, с его точки зрения, является то, что она состоит из одной линии и при ее написании орудие письма (кисть, карандаш и т.д.) не отрывается от поверхности, на которой делается запись [Кондрашевский, 1999, с.7].

Кондрашевский отмечает, что черты сами по себе не имеют лексического значения, что подтверждается, в том числе и теми случаями,

когда черта выступает в качестве значимого семантического элемента в сложном знаке, но свое конкретное значение принимает лишь тогда, когда главная часть иероглифа задает смысловое содержание всего сложного знака, и это позволяет легко выявить значение добавленного компонента – черты [Кондрашевский, 1999, с. 7]. Таким образом, А. Ф. Кондрашевским признается незнаковая природа черт, обладающих смыслоразличительной и смыслообразующими функциями в процессе формирования китайских знаков.

В качестве значимых единиц он выделяет графемы в количестве трехсот, определяя их «как простейшие иероглифические знаки, т.е. минимальные графические построения, обладающие устойчивыми лексическими значениями» [Там же, с. 9]. Такие знаки он называет простыми, а остальные знаки, состоящие из двух или более графем, относит к сложным. Графемы являются звукообразующими основами иероглифики, однако, с точки зрения ученого, это совсем не означает, что все графемы входят в состав списка иероглифических ключей, т.е. могут являться тематическими классификаторами иероглифов (в идеографических и фоноидеографических знаках).

Стандартный список иероглифических ключей насчитывает 214 знаков, в число которых, наряду с графемами, входит несколько чистых черт, не имеющих фиксированных значений, а также ряд сложных знаков, в свою очередь, распадающихся на 2-3 графемы.

А. Ф. Кондрашевским выделяется три следующие семантические группы ключей:

- 1 природа: небо, земля, растительный мир, животный мир
- 2 человек: полные изображения тела, обозначение частей тела человека, вкусовые и цветовые признаки
- 3 творения человека: инструмент, оружие, транспорт; предметы ритуала и сосуды, сооружения и их элементы [Кондрашевский, 1999, с. 214].

На наш взгляд, данный термин восходит к китайскому понятию 部首 *bùshǒu* (ключ) и, вероятно, выполняет «скорее таксономо-лексикографическую функцию...» [Готлиб, 2006, с. 29], но не рассматривается в качестве последовательной единицы письменной системы и служит для поиска знаков в словарях, определяя родо-видовые отношения того или иного знака.

Семиотическая классификация знаков представлена в модели Кондрашевского в виде двух категорий сложных знаков: идеограмм и фоноидеограмм [Кондрашевский, 1999, с. 9]. Большинство китайских знаков А. Ф. Кондрашевский относит к сложным.

С точки зрения А. Я. Шера, в китайской письменной системе можно выделить *ключевые знаки* и *краевые графемы*. Первые «представляют собой какой-либо элемент простого иероглифа, не имеющий никакого смыслового значения, либо простой иероглиф в его полном (или упрощенном) написании, имеющий определенное смысловое значение», вторые же – простые иероглифы, которые, являясь составной частью сложного иероглифа, выступают в роли смыслового показателя, указывая, к какой сфере относится слово, записываемое данным иероглифом [Шер, 1968, с. 31].

А. Я. Шер выделяет 214 существующих в настоящее время ключевых знаков, из которых 47 не являются самостоятельными знаками и используются только как элементы сложных иероглифов. Ключевые знаки являются в основном смысловыми показателями, они рассматриваются, скорее, с лексикографической позиции.

Краевые графемы А. Я. Шер рассматривает в качестве единиц, расположенных на любом краю иероглифа, составляющие сложный знак. Он отмечает, что «краевые графемы в большей своей части являются фонетическими показателями. Одни графемы выступают только в качестве смысловых показателей, другие – только в качестве фонетических показателей, но есть и такие краевые графемы, которые могут одновременно

играть роль и смысловых, и фонетических показателей либо не являются ни смысловыми, ни фонетическими показателями» [Шер, с. 53].

По мнению Шера, краевые графемы могут являться самостоятельными иероглифами, а некоторые из них – только составными элементами сложных иероглифов. Большинство из них можно отнести к морфограммам, часть из которых являются и логограммами.

Принимая во внимание тот факт, что в фонетических языках одной из характеристик графемы является ее соответствие фонеме, в языках с идеографической письменностью представляется более возможным рассматривать единицу письменной речи, также именно как графему, а не черту, несмотря на то, что в данном случае графема не коррелирует с морфемой и является одной из дознаковых по своей природе единиц, формирующей китайские знаки. Графемы обеспечивают устойчивость и эффективность функционирования всей системы в целом, представляя короткий и устойчивый список полиморфных дискретных единиц [Там же, с. 25].

Количество выделяемых современными отечественными грамматологами графем, или морфограмм, различно, но не все они рассматриваются в таксономо-лексикографическом аспекте и служат для поиска знаков в словарях.

Наряду с терминами графема, ключ и т.д. отечественной китаистики, в китайской традиции существует термин 部件 bùjiàn (морфограмма) как основной компонент логограммы. «部件 bùjiàn находится между чертой и логограммой, она больше, чем черта, и меньше, чем логограмма», согласно Су Пэю, в определенных условиях черта может переходить в статус морфограммы и логограммы (Так, например, знаки 一 yī, 乙 yǐ являются чертами, морфограммами, логограммами) [苏培, 1994, с. 63].

Термин 部件 bùjiàn коррелирует с термином Ван Нина 形素 xíngsù – формальная единица. 形素 xíngsù восходит к модели непосредственно

составляющих в структурной лингвистике и опирается на выявление составных компонентов сложного знака.

Китайская грамматология оперирует также такими терминами, как 字根 *zì gēn* – корень, 字元 *zì yuán* – основа, 字素 *zì sù* – морфема. Все они соотносятся со значимыми компонентами логограммы и непосредственно связаны с развитием структурного языкознания в Китае. При анализе логограмм фоноидеографического типа выделяется пара 偏旁 *piānpáng* и 声旁 *shēngpáng* как члены оппозиции семантический определитель – фонетический определитель.

Как видно, анализ базовых значимых единиц китайской письменности в функционально-структурно-грамматологическом, а также таксономо-лексикографическом аспекте определяет непоследовательность и противоречивость существующих терминов, в связи с чем представляется возможным придерживаться термина морфограмма (в системно-грамматологическом аспекте), предложенного Готлибом О. М., «считая его наиболее точно отражающим статус и характеристики этой единицы» [Готлиб, 2006, с. 31]. Одной из важнейших свойств морфограмм является наличие валентности, что позволяет порождать новые знаки, но окказионально существуют и морфограммы с нулевой валентностью.

В общем, существующие в современной синологии минимальные значимые единицы китайской письменности в большинстве своем являются сложными знаками по своей структуре, одной из важнейших функций которых является таксономическая. Малая часть простых недискретных морфограмм не каузирует существование единого основания для выявления минимальных элементов среди единиц этого уровня. Прежде всего, они рассматриваются как компоненты логограммы и выполняют таксономическую функцию.

Существование логограммы, прежде всего, как знака определяет возможность его рассмотрения в семиотическом аспекте. Семиотическая

классификация логограмм достаточно разнообразна и восходит к конфуцианскому трактату «Чжоу ли». Одна из самых устойчивых классификаций принадлежит китайскому грамматологу Сюй Шэню.

В своем словаре «Объяснение простых письменных знаков и анализ сложных письменных знаков» Сюй Шэнь выделил шесть семиотических типов, категорий китайских иероглифов: пиктографическую, идеографическую, указательную, фоноидеографическую, видоизмененную, заимствованную. Несмотря на устойчивость традиции выделения категорий, модель Сюй Шэня и других авторов подвергалась критике в связи с отсутствием последовательных оснований и различных подходов к данным категориям.

В общем, в основе приведенных вариантов классификации китайских письменных знаков в семиотическом аспекте лежит диада: семиотический характер знака и его связь со звучанием соответствующей языковой единицы [Готлиб, 2006, с. 49].

На наш взгляд, одной из наиболее последовательных моделей, имеющих единое основание (учитывая идеографичность китайской письменности), является модель О. М. Готлиба. Основываясь на характере знака по отношению к объекту в приложении к семиотической классификации знаков Ч. Пирса, Готлиб выносит несемиотические аспекты за рамки основной классификации и придерживается следующей модели классификации китайских знаков:

1. Пиктограммы (иконические знаки, где связь между означаемым и означающим вполне очевидна и последовательна)
2. Идеограммы (индексальные знаки, связь между означаемым и означающим носит опосредованный, и вместе с тем последовательный характер)
3. Символограммы (связь между означающим и означаемым немотивированна) [Там же, с. 50].

Данная модель нисколько не противоречит существующему в отечественной синологии традиции выделения идеографических и фоноидеографических знаков. Сходной позиции придерживается и И. М. Ошанин, признавая существование «всего графического арсенала письма»: символов, пиктограмм (называемых им пиктограммы-элементы, – видимо, речь идет о простейших знаках) и идеограммы, впоследствии развившиеся в фоноидеограммы» [Ошанин, 1943, с. 81].

Т. П. Задоевко, Хуан Шуин также выделяют фоноидеограммы (сложные знаки) как самую многочисленную группу китайской письменной системы. Фоноидеограммы состоят из двух частей: смыслового детерминатива, или ключа, и любого другого знака (графемы, монограммы, гетерограммы или идеограммы), последняя передает приблизительное или точное чтение фоноидеограммы и является фонетиком [Задоевко, Хуан Шуин, 1993, с. 163].

Специфика идеограмм, с их точки зрения, состоит в том, что, во-первых, такие знаки состоят только из графем (в их состав монограммы входить не могут); во-вторых, значение знака в целом выводится из значений графем компонентов; в-третьих, чтение такого иероглифа никак не связано со звучанием составляющих его графем [Там же, с. 152]. По-видимому, структура знака определяет здесь семиотический аспект.

С точки зрения структуры, авторы выделяют монограммы (простые знаки) (числительное «два» также является монограммой) и гетерограммы («...но иногда оказывается невозможным установить, какова логика взаимодействия компонентов сложного знака») [Задоевко, 1993, с. 139]. Очевидно, что внутренняя форма термина «монограмма» предполагает наличие простого знака в структурном отношении, однако посредством грамматологического анализа можно сделать вывод о том, что большинство отнесенных Т. П. Задоевко, Хуан Шуин к монограммам знаков дискретны и подвергаются дальнейшему структурно-семантическому разложению. Так, например, знак 告 gào (сообщать) состоит из точки, морфограммы 土 tǔ

«земля» и морфограммы □ кѳи «рот». При этом морфограмма «земля» также может рассматриваться как две горизонтальные черты, представляющие изображение земли, и одна вертикальная со значением «то, что выходит из-под земли», «росток». Следовательно, данный знак не обладает простой структурой.

В модели Задоевко и Хуан Шуин не выделяются пиктограммы как отдельный вид китайских знаков. Возможно, это связано с тем, что в настоящее время многие пиктографические знаки уже не представляют собой первоначального рисунчатого изображения объекта, и необходимость отдельного их изучения не представляется актуальной. Тем не менее, «...знаки этого типа, являясь первичными в эволюции системы китайской письменности, являются тем самым наиболее глубинными формами этномировидения китайцев как этнокультурной общности» [Готлиб, 2006, с. 53]. Следовательно, пиктограммы и могут являться теми первичными знаками, поддающимися дальнейшему анализу для выявления предельных единиц структуры языка.

Оригинальна модель Ю. В. Бунакова, согласно которой движение китайской письменности рассматривается в последовательных этапах: кинетическая речь, звуковой язык и письменный язык. Им выделяется идеографический и фонетический этапы. С точки зрения Ю.В. Бунакова, в качестве трех основных элементов графической единицы коммуникации на идеографическом этапе выступают графема – письменный знак, семантема – выражаемое этим знаком понятие, фонема – единица звуковой речи, закрепленную за этим понятием, в письменном знаке еще ничем не выраженную [Там же, 2014, с. 115].

Наипростейшие письменные знаки определяются как «кинеграммы», самые первые из которых проявляются в орнаменте неолитической яншаоской керамики (III-II тысячелетия до н.э.) Следующий тип знаков – пиктограмма, представляющая собой «диффузное, нерасчлененное обозначение целого комплекса понятий (предметов и действий), отражающее

диффузность, нерасчлененность мышления» [Готлиб, 2014, с. 118]. Такие пиктограммы ученый называет диффузными. Последующая эволюция знаков происходит по пути превращения диффузных пиктограмм в дифференцированные, а также синтеграммы, представляющие собой схематичное изображение конкретных явлений. В дальнейшем образование комплексных пиктограмм подготавливает китайское письмо к передаче абстрактных понятий, что впоследствии приводит к возникновению идеограмм, идеофонограмм – т.е. знаков фонетического этапа, укрепляющего связь между письменным и звуковым языком.

В модели Ю. В. Бунакова знаки рассматриваются с позиций функционально-семантического и структурного подходов. К простейшим неделимым знакам, передающим предельные конкретные понятия, можно отнести кинеграммы и пиктограммы, позволяющие проследить формирование предельных понятий, выраженных в древнейших лексемах.

Как видно, противоречивость терминов единиц китайской письменности, отсутствие единого основания для рассмотрения моделей классификации знаков, приводит к разнородному анализу знаков идеографической письменности.

Тем не менее, единым признается то, что логограмма замыкает верхнее звено иерархической цепочки единиц китайской письменности. В общем плане иерархическая цепочка единиц китайской письменной системы представлена следующим образом:

Графема \longrightarrow морфограмма \longrightarrow логограмма.

2.2. Параметры выделения и основные лингвосемиотические характеристики минимальных значимых единиц идеографической письменности

Рассмотренные подходы к выделению базовых единиц китайского письма позволяют сделать вывод о том, что определение минимальных значимых недискретных единиц идеографического письма в грамматологии не являлось объектом исследования китайских и отечественных грамматологов, внимание в основном уделялось семиотической и структурной классификации уже имеющихся единиц. Вместе с тем, параметры выделения последних поддаются установлению.

Рассмотрим выделенный А. Вежбицкой набор семантических примитивов-лексем, претендующий на универсальность для всех языков мира, включая языки с идеографической письменностью.

Минимальные семантические когнитивные элементы языка в определенной степени являются и универсалиями, однако «...можно утверждать, что они реальны как семантические универсалии или, может быть, почти универсалии, но не лексические универсалии» [Касевич, <http://window.edu.ru/resource/481/38481/files/spr0000040.pdf>]. Нельзя не согласиться с тем, что «если полагать, что... примитивы носят врожденный характер, то они, конечно, универсальны по определению, но когда под влиянием данного языкового окружения примитивы входят в те или иные конфигурации, они подвергаются определенной модификации» [Там же].

Универсализм знаков, с точки зрения А. Вежбицкой, постулирует, существование соответствующих им китайских знаков: такие примитивы представляют собой глубинные минимальные понятийные смыслы, некие строительные блоки, которые являются семантически неделимыми знаками.

Рассмотрим китайские знаки, соответствующие примитивам А. Вежбицкой:

[субстантивы]

я; ты; кто-то; что-то; люди;

我; 你; 有人; 什么; 人们;

[детерминаторы, квантификаторы]

этот; тот же самый; другой; один; два;

本; 一样的; 别的; 一; 二;

все/весь; много;

全; 多;

[предикаты ментальных состояний]

знать; хотеть; думать; говорить; чувствовать;

知道; 想; 想; 说; 感觉;

[действия, события]

делать; происходить/случаться;

做; 发生;

[оценка]

хороший; плохой;

好; 坏;

[дескрипторы]

большой; маленький;

大; 小

[интенсификатор]

очень;

很;

[метапредикаты]

не/нет (отрицание); если; из-за; мочь;

不; 如果; 由 于; 能;

подобный/как;

象;

[время и место]

когда; где; после (до); под (над);

什么时候; 在哪儿 ; 后; 下(上);

[таксономия, партономия]

вид/разновидность, часть

一种; 部分

Одним из важнейших вопросов становится дискретность выделенных выше знаков. В данном случае семантическая неделимость в *lingua mentalis*, вероятно, оправдана, однако очевидно, что с точки зрения структуры китайских знаков, абсолютное большинство логограмм семантически неоднородны и представляют собой сложные знаки.

Это связано с особым статусом письменного знака в идеографическом письме и, как следствие, необходимостью применения грамматологического подхода, являющегося, на наш взгляд, важнейшим и необходимым звеном при анализе языковых данных в языках с идеографической письменностью. Лингвосемиотический анализ иероглифических знаков, выявление их семантических компонентов невозможно без обращения к этимологическому анализу. Грамматологический подход к анализу знаков идеографического письма дает возможность установить, хотя и только в некоторой степени, процесс формирования декартовских «врожденных идей», закрепление за внешней формой знака тех или иных семантических компонентов.

Очевидно, что универсализм форм мышления предполагает единые когнитивные смыслы у каждого носителя языка, однако отражение их, например, в языках, с идеографической письменностью может быть рассмотрено не с помощью сокращения языка-объекта до мини-языка, а с точки зрения уже существующих имплицитно знаков идеографической письменности, выявляемых на основе этимологического анализа.

Это целесообразно по причине того, что знаки китайской письменности являются графическими изображениями, имеют свое значение, характеризуются воспроизводимостью, и это графическое изображение, с точки зрения Готлиба О. М., по своему характеру является системно-структурным [Готлиб, 2006, с. 9], в основе организации которого лежит правило, понимаемое вслед за В. М. Солнцевым как «совокупность

потенциальных отношений между элементами, которые являются проявлением их свойств» [Солнцев, 1971, с. 66]. Из этого следует, что одним из основных этапов изучения китайской письменности является изучение ее внутренней системы, ее элементов и свойств. Наличие такой внутренней системы позволяет выделить ее элементы и рассмотреть их взаимоотношения друг с другом.

Исходя из того, что согласно теории А. Вежбицкой, семантические примитивы потому универсальны, что они есть простейшие, конечные атомы смысла, графомонады также можно назвать универсальными знаками языков с идеографической письменностью. Это положение, однако, справедливо лишь в том случае, если, являясь простейшими лексемами, они формируют большое количество знаков языка. Принимая во внимание графическую оболочку выделенных нами знаков, можно сказать, что, по-видимому, не существует знаков, образованных каким-то другим путем.

Таким образом, представляется возможным выделить монады как *предельные значимые конститутивные единицы* письменности языка. Данные монады, учитывая идиоэтнический фактор идеографического письма, являются *графомонадами*.

Если рассматривать письменный знак идеографической письменности как совокупность трех составляющих его основных сторон: графики, семантики и фонетики, то у графомонады, графо-семантический аспект играет, несомненно, главенствующую роль, фонетическая же сторона, в связи с пиктографичностью знаков, остается за рамками исследования.

С целью выделения таких семантически однородных минимальных элементов идеографической письменности, было рассмотрено около 10000 знаков китайского языка, большая часть которых представлена в словаре Сюй Шэня 许慎 xǔ shèn «Шо вэнь цзе цзы» (说文解字 shuō wén jiě zì) (Объяснение простых и толкование сложных знаков) – произведения, в рамках которого было впервые проведено системное исследование иероглифических знаков [新著训诂学引论, 2005, с. 161]. Знаки, выявленные

на основе данного словаря, послужили основой корпуса выделенных графомонад.

Известно, что в данном словаре, написанном в первой половине II в. н.э., содержатся знаки канонических, философских и исторических сочинений эпохи Хань (ок. 58-147 гг.) (9353 знака), расположенные по ключевой системе и установившие систему в 540 ключей [Ошанин, 1943, с. 16]. Словарь обобщил наиболее известные достижения китайских филологов того времени в области этимологии и «показал связь между лингвистикой и общественной жизнью» [王远新, 2006, с. 107]. Выбор словаря обусловлен тем, что именно здесь представлено собрание всех знаков китайского письма, а также их исторических форм, которые были известны во времена Сюй Шэня.

Одним из важнейших особенностей словаря является то, что наряду со значением иероглифа, в «Шо вэнь цзе цзы» даются комментарии к каждому знаку, указывающие его происхождение (как, например: 天 tiān 顛 diān 也 yě。至高無上 zhìgāowúshàng, 从 cóng 一 yī, 大 dà: день, высочайший, восходит к знакам «один, большой»), в связи с чем становится возможным проследить истоки возникновения семантики каждого знака.

Работа Сюй Шэня, несомненно, заложила основы изучения китайской письменности в системе, а также дала представление ученым того времени о структуре иероглифических знаков, рассматриваемых автором. Основанием для выборки Сюй Шэня послужила первая попытка структурирования знаков по категориям и возможность создания некой поисковой системы с помощью выделения знаков- «ключей» (部首 bùshǒu).

Следует отметить, что Сюй Шэню приходилось анализировать древние знаки, опираясь на списки из более ранних источников. Часть знаков, например, периода «цзягувэнь», еще не были открыты к тому времени, и Сюй Шэнь рассматривал иероглифику «малой печати» 小篆 xiǎozhuàn. С этим связаны и ошибки, совершаемые китайским грамматологом в

отношении некоторых иероглифов. В этой связи, проводя грамматолого-семантический анализ материала в словаре Сюй Шэня, мы обращаемся также к трактовкам современных исследователей, посвященным вопросам этимологии знаков (Цзоу Сяо Ли 邹晓丽, Тан Кецин 汤可敬, Дун Ляньчи 董连池 и др.).

Несмотря на то, что в «Шо вэнь цзе цзы» отсутствует какая-либо эксплицитно выраженная классификация, предположительно, деление на простые знаки 文 wén и сложные знаки 字 zì (упоминаемые в названии 说文解字 shuō wén jiě zì) существует: автор относит «ключи» к простым, а все остальные логограммы – к сложным знакам. Простейшие знаки представлены в словаре как *пиктограммы* «изобразительной» (象形字 xiàng xíng zì) и «указательной» (指示字 zhǐ shì zì) категорий.

Выделение минимальных предельных единиц, прежде всего, требует рассмотрения именно пласта лексики «вэнь» 文 wén, включающего в себя морфограммы и простые логограммы. С точки зрения Сюй Шэня, простые знаки «вэнь» в основном являются пиктограммами, следовательно, их употребление в качестве пиктограмм очень ограничено. [王远新, 2006, с. 105] Количество таких знаков невелико.

В связи с необходимостью обращения к этимологическому источнику каждого знака [中国训诂学, 1995, с. 377], первый этап рассмотрения включал в себя определение гиперонимов знаков словаря (используя отсылки Сюй Шэня), результатом которого явилось выявление знаков «вэнь» 文 wén, или «ключей» 部首 bù shǒu (они являются также морфограммами), среди которых, с нашей точки зрения, присутствуют и знаки со сложной структурой. Было рассмотрено около 10000 знаков. В процессе исследования был применен метод компонентного анализа, позволивший разложить значение иероглифов на минимальные семантические составляющие. Так, например, сложные знаки:

- 元 yuán восходит к 一 yī и 兀 wù, 兀 wù, в свою очередь, разделяется на 一 yī и 儿 ér, то есть семантические компоненты «один» и «человек».

- сложный знак «цзы» 討 tǎo можно разделить на 言 yán «речь» и 寸 cùn «вершок», т.е. простые знаки «вэнь»;

- 位 wèi состоит из двух составляющих, «вэнь» 亻 rén, боковая графема «человек», и 立 lì «стоять» и т.д.

Несмотря на то, что «вэнь», к которым Сюй Шэнь относит «ключи», – простые знаки, проведение грамматолого-семантического анализа последних выявило их сложную структуру, а также семантическую неоднородность. Большинство из них дискретны, часть из них повторяет друг друга. В связи с этим следующим этапом исследования становится дальнейшее разложение сложных с точки зрения семантической однородности знаков, или морфограмм, на минимальные элементы. Как, например:

- знак 寸 cùn «вершок», в период «малой печати» – , содержит компоненты 又 yòu «рука» и 一 yī «место измерения пульса на руке»;

- знак 立 lì «стоять», в период «цзягувэнь» – , включает в себя 大 dà «большой» и 一 yī «горизонт, земля»;

- знак 舌 shé «язык», в период «цзягувэнь» – состоит из элементов 口 kǒu «рот»+ 干 gān «вторгаться», а последний знак подразделяется на 一 yī и 十 shí «десять»;

- знак 音 yīn «звук» происходит от «言» yán «речь», в «цзягувэнь» представлен как и включает в себя компоненты «речь» и «рот».

Однако не все морфограммы Сюй Шэня дискретны и могут быть разложимы на минимальные элементы. Так, например, в знаках со значением «животные» невозможно выделить компоненты, в связи с тем, что отдельные элементы животных не употребляются в качестве самостоятельных знаков. Например, 虎 тигр, 鹿 олень, 马 лошадь, 象 слон и др.

В результате было выделено 42 графомонады. Все знаки пиктографичны. Каждая графомонада обладает конкретным значением и представляет собой изображение целого понятия.

Общий список выделенных графомонад включает в себя:

1. Графомонады, связанные с изображением человека и частей его тела: 人 rén человек, 又 yòu рука, 耳 ěr ухо, 口 kǒu рот, 目 mù глаз, 心 xīn сердце, 自 zì нос, 牙 yá зуб, 止 zhǐ ступня;
2. Графомонады, связанные с изображением животных или их шерсти: 牛 niú корова, 羊 yáng баран, 鼠 shǔ мышь, 象 xiàng слон, 马 mǎ лошадь, 鹿 lù олень, 兔 tù заяц, 鱼 yú рыба, 龟 guī черепаха, 鸟 niǎo птица, 虫 chóng червяк, 毛 máo шерсть;
3. Графомонады, связанные с изображением элементов устройства мира: 一 yī один, начало, | gǔn палка, 火 huǒ огонь, 冫 kuài вода, 气 qì воздух;
4. Графомонады, связанные с изображением окружающей природы: 屮 chè трава, 月 yuè месяц, 日 rì солнце, 竹 zhú бамбук, 贝 bèi раковина, 厂 chǎng обрыв, 山 shān гора;
5. Графомонады, связанные с изображением вещей, предметов, часть которых используется человеком для тех или иных нужд: 几 jǐ столик, 臼 jiù ступка, 舟 zhōu лодка, 囟 cōng дымоход, 瓦 wǎ черепица, 车 chē повозка, 皿 mǐn посуда, 刀 dāo нож;
6. Графомонады, связанные с изображением пищи человека: 肉 ròu мясо.

Рассмотрев данные графомонады в грамматолого-семантическом аспекте, можно сказать, что, в отличие от логограмм и большинства морфограмм, состоящих из двух или более компонентов, графомонады, с точки зрения их структуры и семантики, являются неделимыми знаками.

Некоторая часть вышеперечисленных знаков отражает конкретные явления и предметы окружающего мира, а также самого человека (и частей его тела), определяющие мировоззрение древних китайцев, не означивая отношения между этими вещами. Такие знаки не образуют модификаций внутри самого знака, они порождают новые знаки путем простого сложения морфограмм, иначе говоря, – это знаки с *нулевой валентностью* (в рамках своей графической формы). Например, А. Ф. Кондрашевский относит к таким знакам – 上 shàng, 下 xià, они фактически не образуют деривативных цепочек, однако не являются минимальными по своей структуре, дискретны, в связи с чем не могут быть причислены к графомонадам.

Другая часть вышеперечисленных графомонад имеет потенциальную возможность образовывать дериваты путем выделения того или иного семантического признака и изменения всей графической оболочки знака, другими словами, обладают *потенциальной валентностью* и способны подвергаться модификации путем изменения внутри самого знака.

Такие элементы являются подлинными графомонадами и порождают большое количество новых знаков, формирующих множество графических единиц китайского языка.

На наш взгляд, их можно соположить с глубинными структурами модели порождающей грамматики, или, в трактовке А. Вежбицкой, семантическими примитивами лишь в некоторой степени, в связи с тем, что за основу принимается пиктографичность онтологически существующих знаков словаря.

С точки зрения семантического анализа лексем, актуальным является вопрос об определении семантической однородности знаков.

Ю. Д. Апресян признает существование семантических примитивов, которые на самом деле не обязательно предельно просты по смыслу и поэтому не универсальны. С точки зрения Ю. Д. Апресяна, «даже простейшие слова включают, в дополнение к некоему прототипическому ядру, определенную частицу смысла, отличающую данное слово от его

ближайших синонимов. Именно эта частица смысла во многих случаях оказывается национально специфичной» [Апресян, 1995, с. 478].

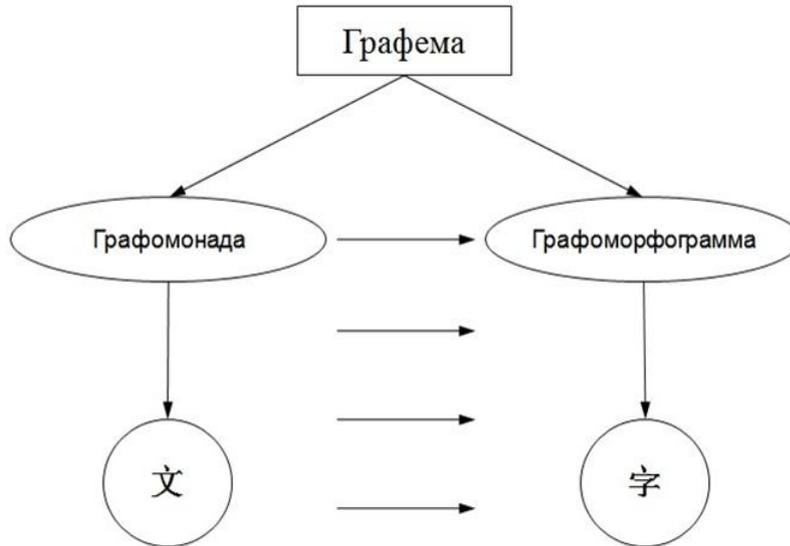
В данном случае исследуемые графомонады рассматриваются с точки зрения грамматолого-семантического анализа, что предполагает этимологию знаков, в связи с чем, частица смысла, отличающая один знак от другого, находится в знаках-дериватах, а исходный знак представляет собой прототипическое ядро. К тому же, графомонады достаточно стативны и гомогенны в своей частеречной отнесенности, являются конкретными существительными и обладают конечным смыслом.

Графомонады являются имплицитными, но материальными знаками, а не семантическими кварками, которые, в понимании Ю. Д. Апресяна, представляют собой «реально существующие смыслы, никогда не материализуемые» [Апресян, 1995, с. 481].

Наличие так называемых дифференциальных семантических признаков у иероглифических знаков постулирует существование большого количества интерпретаций, и лишь семантическая однородность выделенных графомонад (связанная, прежде всего, с их недискретностью), позволяет им выполнять роль определенных строительных блоков для всех знаков языка.

Графомонады, являясь первичными когнитивными единицами письменности идеографического письма, материальны и пиктографичны. Графомонады образуют простые знаки 文 wén «вэнь» и через них порождают сложные знаки 字 zì. Графомонады также могут порождать дискретные морфограммы, или графоморфограммы (учитывая их графический аспект). Недискретные морфограммы, такие, как 丨 chē «травя», | gǔn «палка», 冫 kuài «вода» представляют собой значимые элементы логограммы (не могут самостоятельно употребляться в языке), являясь в то же время и графомонадами. В данном утверждении отсутствует противоречие, так как в китайском языке «некоторые менее сложные единицы могут выступать как окказиональный случай функционирования

более сложной единицы, но... в каждом случае это будут разные единицы по своей иерархической отнесенности, функциям и характеру» [Готлиб, 2006, с. 24]. Графоморфограммы, в свою очередь, образуют новые знаки 字 zì, являющиеся сложными по своей структуре и соотносящиеся с логограммами.

Таким образом, графомонада понимается как когнитивная предельная значимая недискретная единица письменности языка, характеризующаяся модусной валентностью, порождающая множество других знаков, а также занимающая определенную позицию в иерархии единиц китайской письменной системы.

При этом графема не является значимой единицей и выполняет лишь смысловоразличительную функцию.

В общем, устанавливаются базовые критерии выделения графомонад:

1. Первичность. Графомонады являются древнейшими в эволюционном плане первичными знаками.
2. Недискретность. Графомонады семантически однородны и неделимы.
3. Пиктографичность. Все графомонады являются пиктограммами.

4. Семантическая родовитость. Графомонады способны порождать новые знаки языка.

Таким образом, графомонада как единица языка содержит в себе два аспекта: с одной стороны, она является первичной и неделимой значимой пиктограммой, с другой стороны она обладает потенциалом порождать множество новых лексем, когда ограниченное количество графомонад порождают большое количество иероглифических знаков.

Возникновение определенных графомонад как недискретных простых знаков эксплицирует картину мира древних китайцев, отраженную в миропонимании китайского народа, и представляет собой обозначение фундаментальных элементов бытия.

2.3. Эволюционный семиотический статус графомонад, обладающих валентностью

Рассмотрение семантики подлинных графомонад, являющихся исходными знаками для порожденных дериватов, определяет необходимость проведения этимологического анализа с целью выявления этапов эволюционного развития знаков. Источником для описания древних знаков, выделенных Сюй Шэнем, здесь и далее является словарь «Шо вэнь цзе цзы» [许慎, <http://pan.baidu.com/share/link?shareid=36749374&uk=1076116296>], а также другие исследования, посвященные трактованию древних иероглифов.

Эволюция последних рассматривается в соответствии с принятой китайской периодизацией. Выделяются шесть основных историографических периодов: «цзягувэнь» («буцы», «иньской вэнь»), (甲骨文, 卜辞, 殷墟文) – «письмена на черепашьих панцирях и костях жертвенных животных» («гадательные знаки», «иньские письмена»), период Шан, XVII-XI вв. до н. э.; «цзиньвэнь» («чжун дин вэнь», «тун ци мин вэнь») (金文, 钟鼎文, 铜器铭文) –

«письмена на металле» («письмена на колоколах и треножниках», «письмена выгравированные на медных изделиях») – династия Чжоу, XI-III вв. до н.э.; «письмена эпохи воюющих царств» (战国文字) – V-III вв. до н.э.; «малая печать» (小篆) – династия Цинь, III в. до н.э.; «лишу» (隶书, 史书, 八分) – «деловое письмо» – династия Хань (II в. до н.э.- II в. н.э.); «кайшу» (楷书, 真书, 正书) – «стандартное письмо» – от династии Вэй, Цзинь (III в. н.э.) до наших дней [Готлиб, 2006, с. 17-18].

Из сорока двух графомонад нами было выделено десять знаков, имеющих порождающий потенциал формирования новых знаков посредством «модусности» и формирующих деривационные цепочки. Рассмотрим данные графомонады с точки зрения их грамматологического анализа.

1. 人 rén – человек. Графомонада «человек» является гиперонимом для множества знаков с семой «человек». Предположительно, форма пиктограммы восходит к изображению того, как человек видит себя со стороны: это существо, немного наклонившееся вперед с четырьмя конечностями и головой . В «Шо вэнь цзе цзы» определяется, что данная пиктограмма изображает руки и ноги человека. Именно это отличает его от животного, руки его свободны для овладения инструментами. Человек здесь – самое «дорогое» между землей и небом и все, связанное с человеком, обозначается данным знаком [Шаравьёва, 2009, с. 43].

Данное изречение восходит к положению ученого Тан Ханьчжу о том, что «наблюдая за объектами, вещами, предметами, человек не может делать это иначе, как с позиции самого человека» [董连池, 2000, с. 18]. Цзоу Сяоли отмечает, что в древних источниках литературы человек выступает как аристократ, а также столичный аристократ, выделяя, таким образом, статус человека [Шаравьёва, 2009, с. 43]. Данный знак был выделен нами в качестве графомонады в связи с тем, что он отражает общее понятие «человек» без внесения тех или иных коннотаций.

2. 又 yòu – рука. Графомонада «рука» изображает часть тела человека, пиктографическое изображение которой представляет собой руку с тремя пальцами . По Сюй Шэню, у руки – лишь три пальца, по причине того, что изображение пяти требовало бы рисунка пяти пальцев по порядку. Первоначальное значение знака 又 yòu – рука. Древние китайцы использовали данный знак для изображения как правой, так и левой руки. В письменности «цзягувэнь» для изображения какой-либо идеограммы со знаком «手» shǒu был использован знак 又 yòu. С точки зрения Тан Ханьчжу, данный знак стал первоначальным знаком идеограммы 右 yòu – правая рука [董连池, 2000, с. 86]. Также 又 yòu употреблялся в качестве предиката в значении «схватить», номинативное значение пиктограммы «рука» было использовано в качестве инструмента человека для осуществления действия.

3. 口 kǒu – рот. Графомонада «рот» в надписях различных эпох, с точки зрения Сюй Шэня, представляет собой орган, служащий человеку или животному инструментом для приема пищи и произнесения звуков . В связи с этим любой сложный знак, имеющий детерминатив «рот», так или иначе связан с принятием пищи или говорением. Как отмечает Тан Ханьчжу, рот – это отверстие, с помощью которого человек поддерживает свою жизнь, в связи с чем появляются такие значения, как «человек», «население» [董连池, 2000, с. 168]. Графомонада «рот» является сверх-знаком для множества других лексем с семьей «человек», активно участвуя в их формировании.

4. 止 zhǐ – ступня. Графомонада «нога» передает пиктографическое изображение стопы человека, его «нижней конечности». Три пальца стопы на пиктограмме представляют пять пальцев стопы человека . Изображение именно трех пальцев сходно с пиктограммой «рука», также имеющей три пальца. Знак в надписях «цзиньвэнь» – след стопы человека. Сюй Шэнь отмечает, что выделенные на стопе пальцы напоминают травинки, выросшие из-под земли.

Таким образом, Сюй Шэнь выделяет первоначальное значение – палец ноги, ступня. Проследив процесс эволюции знака, можно совершенно отчетливо увидеть его развитие с пиктограммы до символограммы (первоначальный знак для 趾 zhǐ – палец ноги). Так как движение человека происходит с помощью ног, а основным признаком остановки человека является то, что нога не двигается, знак постепенно приобретает значение «остановиться», что отражено в современной лексеме 停止 tíngzhǐ.

5. 牛 niú – корова. Знак «корова» – примитив для большого количества знаков, имеющих сему «корова» 𠂇. Первоначально передает изображение большого крупного рогатого скота, животного с острыми рогами и головой, как у кошки, млекопитающего большой силы, которого можно использовать для возделывания земли. Активно участвует в формировании логограмм в современном языке, являясь и логограммой, и морфограммой.

6. 羊 yáng – баран. Графомонада «баран» в «Шо вэнь цзе цзы» представлена пиктограммой, изображающей животного с рогами, головой, хвостом 𦍋. Первоначальное значение знака – травоядное животное мягкого нрава. Баран являлся воплощением удачи, так как в древности использовался в качестве объекта жертвоприношения.

7. 鳥 niǎo – птица. Графомонада 𦍋 niǎo в «цзягувэнь» изображает пернатых с длинным хвостом, клювом, перьями и лапками 𦍋. Некоторые знаки «цзягувэнь» детально изображают перья и хохолок птицы 𦍋. Сюй Шэнь также отмечает значение «птица с длинным хвостом» и указывает, что изображение лапок птицы сходно со знаком 匕 bǐ. Постепенно в «чжуаньвэнь» изображение клюва пропадает. В период «лишу» лапки, перья и хвост сокращенно записываются четырьмя точками 𦍋, а затем, в «кайшу» – горизонтальной чертой.

8. 火 huǒ – огонь. Знак является знаком-примитивом, графомонадой для порожденных ей знаков, имплицитно или эксплицитно содержащих сему «огонь». В грамматологическом словаре Сюй Шэня «Шо вэнь цзе цзы» знак «огонь» определяется как то, что разрушает все вещи, и пламя от огня поднимается вверх. Сюй Шэнь описывает огонь как компонент «пяти первоэлементов» У-син, являющийся основным в формировании Вселенной. С точки зрения концепции «пяти элементов» огонь соответствует южному направлению.

Пиктографически знак представляет собой изображение трех языков пламени (период «цзягувэнь»), что объединяет его с пиктограммой того же исторического периода иероглифического знака 山 shān – гора, представленного в «цзиньвэне» как . Однако к периоду «чжуаньвэнь» произошло некое видоизменение иероглифа «огонь», изображение двух крайних языков пламени сократилось, и знак приобрел приближенную к современному написанию форму (период «чжуаньвэнь») .

9. 水 kuài – вода. Графомонада «вода» также является изображением одного из первоэлементов, который встречается повсюду в окружающем мире. Образует дериваты, однако в современном языке не является логограммой.

Графомонады со значением «огонь», «вода» – составляющие концепции «пять элементов», взаимодействие которых определяет все энергетические процессы в макрокосмической Вселенной китайцев. Здесь отсутствуют еще два элемента пятичленной структуры – лексемы «металл» и «земля». Однако металл 金 jīn является сложным знаком, и, с точки зрения Сюй Шэня, восходит к знаку 土 tǔ «земля», последний, в свою очередь, восходит к знаку «горизонт», или «один», который является графомонадой с нулевой валентностью. Таким образом, можно сказать, что все элементы У-син присутствуют в выделенных графомонадах.

10. 艸 chě – трава. Графомонада «трава» является минимальным неделимым компонентом, изначально передающим изображение ростка, выросшего из

земли. Данный знак относится к изобразительной категории, отражая непосредственную связь с денотатом. Такая молада в китайском языке не является логограммой, но эволюционирует и образует деривативную цепочку, представленную порожденными ее знаками Ψ [Шаравьёва, 2012, с. 154].

Таким образом, графомонады представляют собой простейшие, недискретные знаки, с помощью которых через определенные правила (модусы) конструируются семантически однородные единицы, формирующие полевые структуры.

2.4. Эволюционный семиотический статус графомонад с нулевой валентностью

Существуют графомонады с нулевой валентностью, деривация которых в рамках самого знака является нулевой. Такие графомонады порождают сложные иероглифические знаки посредством присоединения к другим в позиции слева, сверху, или снизу. С нашей точки зрения, необходимость проведения грамматолого-семантического анализа данных знаков заключается в потребности полного описания графомонад, входящих в монадно-модусную модель представления идеографического письма.

1. 耳 ěr ухо

В период «цзягувэнь» знак «ухо» представляет собой изображение органа слуха человека, имеющее форму гриба. Первоначальное значение знака – орган слуха, находящийся сбоку головы. В некоторых пиктограммах «цзягувэнь» с краю уха добавляются две вертикальные черты, символизирующие руки, держащие уши. Сюй Шэнь трактовал данный знак как «ухо», «слушать». В период «цзиньвэнь» вертикальные точки четко передают изображение руки, схватившей уши , отсюда – знак 取 qǔ с дальнейшим значением «получать» - «ухо»+ «рука». В дальнейшем в период «лишу» в некоторых знаках полностью исчезло значение «рука». В

древности отрезанные уши врага были доказательством успешного сражения, это называлось 取 qǔ.

2. 目 mù глаз

Первоначальное значение данного знака – человеческий глаз . Сюй Шэнь определил знак как «глаз», изображение человеческого зрачка. В период «чжуаньвэнь» в знаке «глаз» прослеживается изображение органа зрения на человеческом лице под бровями . В данный период форма знака периода «цзиньвэнь» стала изображаться вертикально. Постепенно появляется новое вертикальное написание знака - 臣 chén : слуга смиренно опустив голову вниз, ждет приказа.

3. 心 xīn сердце

Графомонада «сердце» Сюй Шэнь определяет как сердце человека, принадлежащее стихии земли и находящееся в его теле. Знак является пиктографическим изображением сосудов, сердца в качестве человеческого органа . В «лишу» изображение сосудов пропадает и приобретает современное написание . Сердце влияет как на физическое состояние человека, так и на духовное, именно этим знаком выражаются малейшие колебания души человека. Древние китайцы считали сердце главнейшим органом, с помощью которого человек может контролировать свои мысли и действия [常敬字, 1995, с. 41].

4. 自 zì нос

Графомонада «нос» является пиктографическим изображением органа обоняния человека. В период «цзягувэнь» в знаке выделяется нос и перегородка . Знак «цзиньвэнь» изображает крылья носа . Сюй Шэнь отмечает значение пиктограммы «нос». В «лишу» изображение носа постепенно утрачивается . Древние люди, называя себя, указывали на нос, в связи с чем данным знаком обычно называют себя. Знак имеет значение «нос» .

5. 牙 yá зуб

Изображение данного знака в «цзягувэнь» отсутствует. По Сюй Шэню, знак изображает пересекающиеся сверху и снизу клыки. В период «чжуань шу» форма знака немного меняется , а в период «кайшу» полностью пропадает изображение перекрещивающихся зубов. В современном языке лексема «牙齿» yáchǐ имеет значение «зуб», однако древние китайцы передние два ряда зубов называли «齿» chǐ, а задние два ряда «牙» yá. Впоследствии употребление данных слов смешалось. Задние коренные зубы называли «臼齿» jiùchǐ, «大牙» dà yá, передний ряд зубов – «门齿» ménchǐ, или «门牙» mén yá, боковые зубы называли «犬齿» quǎnchǐ или «犬牙» quǎn yá, или 虎牙 hǔ yá.

6. 象 xiàng слон

Знак передает изображение большого животного с длинным носом и большими зубами, имеющего потомство раз в три года. Древние китайцы с помощью данного знака изображали всех живых существ. В период «чжуаньвэнь» в качестве длинного носа слона был ошибочно употреблен иероглиф «человек» . Впоследствии знак полностью потерял изображение длинного носа. Сюй Шэнь описывает знак «слон» как «животное древнего государства Нанья» с большими ушами, зубами и четырьмя конечностями.

7. 马 mǎ лошадь

В период «цзягувэнь» в изображении лошади прослеживается голова с глазами, уши, четыре конечности . Сю Шэнь описывает лошадь как очень храброе животное с высоко поднятой головой, издающее грозный рык. Пиктограмма передает изображение головы лошади, ее гривы, хвоста и четырех конечностей. В период «чжуаньвэнь» в знаке делается акцент на гриву, и постепенно в период «лишу» конечности начинают передаваться четырьмя точками .

8. 贝 bèi раковина

В период «цзягувэнь» передает изображение живых существ, живущих в ракушке . Для древних китайцев такие раковины обладали особой значимостью, так как они имели красивую внешнюю оболочку, их можно было использовать долгое время, и их было трудно добыть. По этим причинам постепенно раковины стали обменными деньгами. В период «цзиньвэнь» в знаке появляется изображение двух усиков . Сюй Шэнь определяет данный знак как ракообразное, имеющее раковину, обитающее в море и называющееся моллюском. При использовании древними китайцами раковин в качестве денежного инструмента, наиболее драгоценным являлся черепаший панцирь. Только в период династии Чжоу появляются первые монеты. В период династии Цин использование раковин приостановилось, а монеты приобрели широкое употребление.

9. 鱼 yú рыба

В период «цзягувэнь» знак передает изображение позвоночного животного с головой, плавником, хвостом. В некоторых знаках «цзягувэнь» видно изображение рыбы с открытым ртом или, возможно, подвешенной для сушения рыбы . Сюй Шэнь определяет знак «рыбу» как морское животное, хвост которой похож на хвост стрелолиста. В период «чжуаньвэнь» рыбий хвост стал сокращенно изображаться , который впоследствии в «лишу» был записан четырьмя точками, а в «кайшу» горизонтальной чертой.

10. 兔 tù заяц

В период «цзягувэнь» знак передает изображение животного с открытым ртом, длинными ушами и коротким хвостом . По Сюй Шэню, иероглиф изображает животное на корточках с хвостом как у зайца, голова зайца походит на голову оленя. В период «чжуаньвэнь» «открытый рот» был изменен на знак «нож» , а глаз у зайца стал изображаться как и т.д. Постепенно изображение потерялось и приобрело современное начертание.

11. 虫 chóng червяк

Является первоначальным для знака «змея». Данная пиктограмма изображает тело пресмыкающегося с головой . В период «цзиньвэнь» тело стало изображаться как длинное и изогнутое, а в «чжуаньвэнь» увеличилось изображение головы . Сюй Шэнь отмечает, что это насекомое, змея, шириной 3 цуня с большой головой. Пиктограмма изображает ползущего щитомордника. Небольшая особенность маленьких животных, с его точки зрения, выражается в том, что некоторые из них могут передвигаться, некоторые имеют длинную шерсть, чешую, некоторые имеют панцирь, существуют также животные-паразиты. Форма пиктограммы основывается на особенностях животных. Имеющие ножки называются 蟲 chóng, не имеющие - “豸” zhì. Позже в период «лишу» голова ошибочно была записана как знак «рот», в связи с этим значение знака «змея» исчезло.

12. 龟 guī черепаха

Знак «черепаха» в «цзягувэнь» передает боковое изображение черепахи с панцирем . В период «цзиньвэнь» знак представлен фронтальным изображением с головой, как у змеи, панцирем круглой формы, короткими конечностями и маленьким хвостом. Сюй Шэнь описывает древнее животное как черепаху с лапками, панцирем и хвостом, у которой снаружи – панцирь, внутри – мясо. Голова черепахи схожа с головой змеи. В «чжуаньвэнь» форма знака немного видоизменяется .

13. 鼠 shǔ мышь

Знак в «цзягувэнь» изображает животное с острым ртом, большими ушами и длинным хвостом . Четыре точки вокруг животного символизировали мелкую пищу для того, чтобы мышь ее грызла. Это животное с жевательными передними зубами, которое может долго хранить что-то во рту. В период «цзиньвэнь» появляется изображение острых зубов .

Сюй Шэнь определял значение пиктограммы как «мышь», общий родовой показатель для маленьких животных, проживающих в мелких дуплах и норах.

14. 鹿 lù олень

В период «цзягувэнь» данным знаком изображалось животное с четырьмя конечностями, рогами и коротким хвостом . По Сюй Шэню, знак есть пиктографическое изображение животного с головой, рогами и четырьмя конечностями, схожими с конечностями птицы и оленя. В период «чжуаньвэнь» акцент в пиктограмме делается на изображение копыт.

15. 毛 máo шерсть

По знаку периода «цзиньвэнь» Сюй Шэнь определяет данную пиктограмму как изображение шерсти на теле животного или волос . Знак периода «цзягувэнь» нами не найден. Вероятно, изображение знака совпадает с иероглифом 屮 chè – трава, где нижняя точка изображает землю, из которой растет трава. Впоследствии точка исчезла, и форма знака немного изменилась .

16. 气 qì воздух

Знак представляет собой определенный интерес в связи с тем, что, возможно, в период «цзягувэнь» изображение передается тремя горизонтальными чертами и полностью совпадает со знаком «три» sān. Первая нижняя черта есть первоначальный хаос, вторая верхняя – небо, третья представляет собой изображение того, что находится между небом и землей, поток. В период «цзиньвэнь» знак уже отличается от знака «три» . Если принимать во внимание знак «цзягувэнь» как знак «три», можно отнести его к указательной категории. Однако Сюй Шэнь относит данный знак к пиктографической категории, обозначающий, «облако», «воздух», «云气» yúnqì. Отсутствие точного изображения знака в период «цзягувэнь»

позволяет брать за основу знак «цзиньвэнь». Знаком 气 qì изображается восходящий поток, знаком 气 qǐ – нисходящий.

17. 一 yī один

Графомонада является одним из первоначально возникших знаков. С точки зрения Сюй Шэня, передает изображение праначала Вселенной, формирующей десять тысяч вещей, начало всех начал. Горизонтальная черта представляет собой линию горизонта, разделяющую космос на небо и землю .

Тан Ханьчжу, оппонировав Сюй Шэню, выдвигает иную семантику знака, отмечая, что его первоначальное значение – один, единица, восходящее к первоначальному изображению выдвинутого пальца правой руки, точка отсчета. Числительное «один» – самое «маленькое», отсюда семантика расширяется до значений «малое количество, небольшой промежуток и т.д.» [董连池, 2000, с. 2].

Данный знак входит в состав множества знаков. Он также относится к одной из семи графем, имеющих название «горизонтальная черта», формируя, таким образом, огромное количество других знаков. В современном китайском языке имеет значения: «один», «другой», «весь», «весь», «единство», «некий», «отдельный» и т.д.

18. | gǔn палка

Еще один знак, образующий дуальную пару с вышестоящим, – вертикальная черта. По Сюй Шэню, черта символизирует соединение неба и земли. Таким образом, означает связь между божественным и материальным, и образуется макрокосмическое единство. Еще одно значение пиктограммы – палка как орудие древнего человека. Можно предположить, что трансформом от знака | gǔn является 丨 jié – горизонтальная черта с крюком. Данным знаком изображался рыболовный крючок. Однако данных о грамматологической эволюции знака нами не найдено.

19. 月 yuè месяц

Знак 月 yuè и знак 夕 xī в период «цзягувэнь» имели одинаковое изображение. Пиктограмма - изображение полукруглого небесного тела, излучающего свет (с точкой внутри). Полукруглая форма знака, вероятнее всего, связана с тем, что древние китайцы обнаружили, что луна может изменяться, убывать. Небесное светило, находящееся ближе всего к Земле, само по себе не излучает свет, а отражает солнечный. В период династии Чжоу люди полагали, что луна излучает свет сама по себе, но считали это светило слишком темным, в противоположность солнцу. Сюй Шэнь указывал, что данный знак изображает луну, которая может изменяться: может быть ущербной. Он отмечал, что луна – это темный «дух», находящийся в космосе. Знак является омографом знака «мясо».

20. 日 rì солнце

Знак 日 rì передает изображение небесного светила круглой формы с горизонтальной чертой посередине . В некоторых знаках «цзягувэнь» видна ромбовидная форма пиктограммы . По Сюй Шэню, солнце обладает большим количеством энергии, которая никогда не может иссякнуть.

21. 竹 zhú бамбук

Знак «бамбук» является изображением двух веток бамбуковых листьев. Сюй Шэнь указывает на то, что 竹 zhú – это зимнее растение, ветки которого направлены вниз. В древнекитайском морфограмма 竹 zhú сходна со знаком 艸 chě «трава», однако их различие состоит в том, что ветви бамбука направлены вниз, а трава – вверх.

22. 厂 chǎng обрыв

Графомонада «обрыв» в «цзягувэнь» представляет элемент окружающего мира, изображение скалы, пригодной для проживания человека . Написание сохраняется вплоть до периода «чжуаньвэнь», а впоследствии заменяется другим знаком 厓 yá.

23. 山 shān гора

В период «цзягувэнь» представляет собой изображение трех вершин. По Сюй Шэню, данный знак имеет значение «высокие горы, направленные на четыре стороны света, рождающие все сущее, имеющие скалы и вершины, непрерывная горная цепь».

24. 舟 zhōu лодка

В период «цзягувэнь» знак передает изображение деревянной лодки с бортом, носом и кормой. В «цзиньвэнь» появляется боковое изображение лодки . Сюй Шэнь определяет данную пиктограмму 舟 zhōu как лодку и отмечает, что древние китайцы называли длинную лодку 舟 zhōu, а широкую – 船 chuán. Лодка предназначена для того, чтобы пересечь реку.

25. 臼 jiù ступка

Данный знак отсутствует в «цзягувэнь». Передает изображение отверстия с выемками из камня. В период «цзиньвэнь» Сюй Шэнь описывает знак как ступку, древние люди копали землю для того, чтобы использовать отверстие в земле в качестве сосуда, позже люди стали делать отверстие в дереве и камнях . В ступке обычно толкли рис.

26. 瓦 wǎ черепица

Знак периода «цзягувэнь» отсутствует. По Сюй Шэню, 瓦 wǎ – черепица, общее название для предметов, сделанных из обожженной глины. В период «чжуаньвэнь» знак изображал связанные кусочки обожженной глины . Черепица занимала определенное место в протокультуре древних китайцев: для того, чтобы крыша была плотно соединена и защищена от дождя, посредством вогнутых выемок с черепицы вода стекала на карниз, а между двух рядов выкладывали ряд выпуклых черепиц. То есть, первоначальное значение знака – керамические изделия вогнутой или выпуклой формы, использующиеся для кладки крыши.

27. 车 chē повозка

В период «цзягувэнь» знак представлял собой изображение механизма с двумя колесами по бокам и ящиком посередине . Предположительно, первая машина была изобретена для того, чтобы у солдат было преимущество атаки перед противником. В качестве тяговой силы использовались коровы, лошади и др. скот. Машина могла быстро занять выгодную позицию. В период «весен и осен» машина становится ключевым фактором исхода военных действий и основным средством передвижения. В некоторых изображениях присутствуют только колеса для того, чтобы показать особенность машины. В период «цзиньвэнь» знак описывается Сюй Шэнем как пиктограмма, изображающая повозку с колесами. Он отмечает, что знак создан после династии Ся. В период «чжуаньвэнь» некоторые знаки претерпевают изменения с помощью добавления изображения «алебарды» (военной машины с оружием), а определенные пиктограммы сохраняют надписи «цзиньвэнь» . Впоследствии трансформируется в современное написание 车 chē.

28. 几 jǐ столик

Знак отсутствует в «цзягувэнь». Сюй Шэнь трактовал его как маленькую табуретку для сидения. Форма знака – боковое изображение столика . Сюй Шэнь отмечал, что в трактате «Чжоу ли» упоминается пять видов таких столиков: инкрустированный яшмой, столик с выгравированными рисунками, красный столик, столик, покрытый лаком, простой деревянный столик без украшений. В период «лишу» столик приобретает написание, приближенное к современному .

29. 囪 cōng дымоход

В период «цзиньвэнь» знак передает изображение отверстия круглой формы . Постепенно пиктограмма видоизменяется и добавляется вертикальная черта , символизирующая дымоход. Сюй Шэнь указывает на разницу в употреблении двух знаков: 牖 yǒu и 囪 cōng – «окно». Первый знак

изображает отверстие в стене, второй знак – проход в крыше. Логограмма «окно» в современном языке образуется посредством присоединения знака «пещера» сверху 窗 chuāng .

30. 皿 mǐn кухонная утварь

Значение графомонады «посуда» относится к инструментам, используемым при приготовлении пищи. Знак изображает сосуд на высокой ножке , использующийся в качестве посуды. В некоторых знаках прослеживается изображение сосуда с ручками, постепенно в период «чжуаньвэнь» трансформирующегося в две горизонтальные черты .

31. 刀 dāo нож

Нож в «цзягувэнь» изображен как острый инструмент с длинной ручкой, или оружие . Некоторые знаки «цзиньвэнь» выделяют рукоятку ножа . В период «лишу» рукоять в знаке исчезает. Сюй Шэнь трактует пиктограмму как оружие.

32. 肉 ròu мясо.

Графомонада «мясо» передает изображение куска мяса, порезанного на большие кусочки («цзиньвэнь») («чжуаньвэнь»). Знак 肉 ròu в «Шо вэнь цзе цзы» отнесен к пиктографической категории. Цзо Сяоли приходит к выводу о полном совпадении логограммы со знаком «месяц». В современном языке мы можем встретить такие значения, как «мясо», «мякоть», а также дескрипцию человека, выполняющего все движения медленно [邹晓丽, 1990:29].

2.5. Номенклатура предельных конститутивных единиц в ряду словарей аналогичного типа

Онтология мира и результаты его познания воспроизводятся посредством лексических значений. Базовая лексика языка является универсальной и частотной, ее «...лексические значения и основанные на них тематические группировки слов (термины родства, названия природных явлений, глаголы движения, прилагательные, цвета и т.п.) отражают представления об естественных объектах и категориях» [Болдырев, 2006, с. 7].

Теория глоттохронологии М. Сводеша, призванная проследить постоянную скорость лексических изменений и измерить глубину языковой дивергенции, детерминирует выявление основного словаря любого языка, лексемы которого являются базовыми и исторически устойчивыми.

Согласно М. Сводешу, в лексике любого языка выделяется основная, или стабильная часть. Существует определенный список значений, которые можно выразить при помощи слов из основной части в любом языке. При этом слова из основного списка не подвержены заимствованиям и обладают временной устойчивостью [Арапов, 1974, с. 21, 25].

Базовый словарь каждого языка представляет собой определенный набор примитивов, универсальных для языковой семьи. Наряду с базовым списком М. Сводеша, который представляет собой стословник, или двухсотсловник, вариативный для каждого языка, примитивы, представленные А. Вежбицкой, универсальны и применимы для всех языков.

Выделенные нами графомонады также являют собой некий базовый пласт, подтверждающий, на наш взгляд, примат примитивов для идеографического письма. Можно предположить, что знаки-графомонады китайского языка являются «стабильной» частью для всех языков с идеографической письменностью.

Целесообразным представляется соположить лексемы списка М. Сводеша (например, стословник, составленный для китайского языка) с

примитивами А. Вежбицкой и выделенными нами графомонадами относительно наличия в них общих лексических категорий.

Из ста слов списка М. Сводеша можно выделить личные местоимения («я», «ты», «он», «они», «мы», «вы»), указательные и вопросительные местоимения («это», «там», «здесь», «то», «кто», «что», «где», «когда», «как»), одно отрицание («не»), наречия («все», «много», «некоторые», «мало»), прилагательное («другие»). В базовом словаре присутствуют числительные до пяти. Неотъемлемой частью основного словаря языка являются прилагательные, выражающие категорию качества при описании предметов («большой», «длинный», «широкий», «толстый» (два слова), «тяжелый», «маленький», «короткий», «узкий», «легкий»), десять частотных характеристик предметов.

В выделенных нами сорока двух графомонадах отсутствуют личные, указательные и вопросительные местоимения, так как все знаки являются древнейшими минимальными морфограммами. Они пиктографичны, обладают предметным значением и не являются предикатами и дескрипторами. Графомонады включают в себя показатель категории числа – числительное «один», от которого производны знаки «два», «три», «четыре» и т.д.

В связи с преобладанием антропоцентрической парадигмы, особое значение в списке М. Сводеша придается человеку, что отражено в большом количестве лексем базового словаря. Гендерный аспект выделен следующими словами – «женщина», «мужчина», «жена», «муж», «мама», «папа». Кроме этого, присутствуют также отдельные лексемы «ребенок» и «человек». Части тела человека, в свою очередь, представлены девятнадцатью лексемами («голова», «ухо», «глаз», «нос», «рот», «зуб», «язык», «шея», «рука», «палец руки», «колени», «ступня», «нога», «грудь», «живот», «спина», «сердце», «печень» и обобщающее слово – «внутренние органы»). Внутренние органы «сердце» и «печень» выделены отдельно,

вероятно потому, что, с точки зрения китайцев, они выполняют важнейшую функцию в организме.

В базовом словаре присутствуют также знаки, обозначающие действия человека: «дышать», «есть», «пить», «кусать», «нюхать», «дуть», «плевать», «тошнить», «смеяться». Как видно, человек эксплицирован большим количеством лексем, нежели другие понятия.

Графомонады выявляют сему «человек» посредством одной лексемы «человек», а также пиктограмм, изображающим части его тела: выделяются «ухо», «рот», «глаз», «нос», «зуб», «нога», «ладонь» и центральный орган – «сердце», что полностью совпадает с базовой лексикой из списка М. Сводеша.

Отдельный пласт словника М. Сводеша занимают животные, птицы, рыбы, всего семь знаков: обобщающая лексема – «животные», «рыба», «птица», «собака», «вошь», «змея», «червяк», также выделены лексемы «кожа», «шерсть», «кость», «рог», «хвост», «перья», «кровь» и «мясо».

Доля пиктограмм со значением «человек» в списке графомонад не превышает количество лексем со значением животных и предметов окружающего мира. Вероятно, это связано с макрокосмической моделью Вселенной древних китайцев, где человек – лишь часть окружающего мира.

Наличие графомонад, называющих таких животных, как «корова», «баран», «мышь», «слон», «лошадь», «олень», «заяц», говорит о наличии и значимости в культуре древних китайцев данных животных. Совпадают со списком М. Сводеша лишь четыре лексемы: «рыба», «птица», «червяк», «шерсть» и «мясо».

М. Сводеш выделяет также слова со значением явлений окружающего мира – «росток», «дерево», «корень», «лист», «ветка», «кора», «трава», «лес», «цветок», «фрукт».

Представленные выше значения в списке графомонад отражены в лексеме «трава», имплицитно включающей в себя значения «росток», «дерево», «ветка», «корень». Кроме этого, в графомонадах выделяются знаки

«месяц», «скала», «гора», «вода», «воздух», «огонь», знак «горизонтальная черта» как «базовый принцип мироздания», а также «вертикальная черта», «соединяющая небо и землю».

Наряду с этим, в списке графомонад присутствует пласт лексики со значением конкретных предметов, видимо, использовавшихся древними китайцами: раковина, столик, ступка, окно, лодка, черепица, машина, посуда. Исходя из того, что «если в некоторой культуре (у некоторого народа) есть некоторая вещь, то для нее существует название» [Старостин, [http://www.fund-intent.ru/Document/Show/4415.](http://www.fund-intent.ru/Document/Show/4415)], можно сделать вывод о принадлежности этих вещей китайской протокультуре. Данные детали не встречаются в списке М. Сводеша и в универсальных примитивах А. Вежбицкой, где отсутствуют какие-либо предметы, которыми пользуется человек.

Примитивы А. Вежбицкой в количестве тридцати шести лексем более абстрактны, однако здесь также представлены субстантивы (кроме личных местоимений «я» и «ты», все остальные объединяются как «люди», «кто-то», «что-то»); указательные квантификаторы, включающие и числительные «один», «два», в целом, полностью совпадающие со списком Сводеша (отсутствует лексема «мало», но это преодолевается детерминатором «много»+отрицание); отрицание «не», а также вопросительные местоимения.

В списке М. Сводеша, как и в выделенных нами графомонадах, полностью отсутствует описание ментальных состояний человека. А. Вежбицкая выделяет четыре примитива – «знать», «хотеть», «думать», «говорить» и «чувствовать». По мнению А. Вежбицкой, в любом языке мира существуют два базовых предиката «делать» и «происходить», а также метапредикаты «если», «из-за», «мочь», «очень», «подобный/как» и таксономический показатель «вид/разновидность/часть», в отличие от стословника для китайской базовой лексики, описывающие лишь более конкретизированные действия человека.

Если в списке Сводеша описание формы и объема предметов маркируется десятью прилагательными, то универсальными дескрипторами у А. Вежбицкой являются лишь прилагательные «большой» и «маленький», а аксиология прослеживается в лексемах «хороший» и «плохой». В списке М. Сводеша отсутствуют слова с какой-либо выраженной оценкой ситуации.

Таким образом, графомонады выявляют первичную лексику, обладающую конкретными названиями явлений, понятий и предметов, отражающую картину мира древних китайцев. Лексические категории графомонад и стословника М. Сводеша в основном совпадают: отдельные единицы предназначены для означивания человека и основных частей тела, а также явлений окружающего мира.

В целом, со списком М. Сводеша совпадает четырнадцать графомонад: «ухо», «рот», «глаз», «нос», «зуб», «ступня», «рука», «сердце», «рыба», «птица», «шерсть», «мясо», «один», «трава». Несмотря на то, что стословник для китайского языка М. Сводеша более расширен и детализирован, в нем отсутствуют отдельные предметы человеческого обихода.

Выделенные нами графомонады есть древнейшие в эволюционном плане значимые единицы, их номинация априори отлична от устного языка, поэтому совпадение четырнадцати лексем в этом случае является достаточно большим.

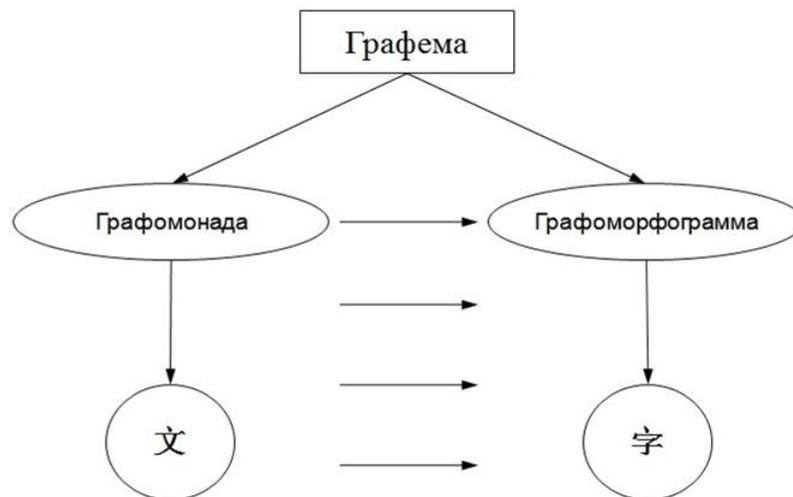
Примитивы А. Вежбицкой, в связи с их универсальностью, обладают высоким уровнем абстракции. Вероятно, в связи с этим лишь один примитив со значением «люди» совпадает с графомонадой «человек».

ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ

Рассмотрение основных подходов к выделению базовых единиц китайской письменности позволило сделать вывод о противоречивости и неоднозначности трактовок в отношении существующих единиц идеографического письма.

Выделяемые отечественными и китайскими грамматологами значимые единицы – морфограмма и логограмма – являются дискретными и могут быть подвержены дальнейшему анализу. В связи с этим представляется возможным выделение графомонады в качестве предельной конститутивной единицы идеографического письма, обладающей семантической однородностью.

Графомонада понимается как когнитивная предельная значимая конститутивная недискретная единица письменности языка, характеризующаяся модусной валентностью, порождающая множество других знаков, а также занимающая определенную позицию в иерархии единиц китайской письменной системы.

Графомонады, являясь первичными когнитивными единицами письменности идеографического письма, материальны и пиктографичны.

Они образуют простые знаки 文 wén «вэнь» и через них порождают сложные знаки 字 zì.

Устанавливаются такие основные критерии выделения графомонад, как первичность, недискретность, пиктографичность, семантическая родовитость. В связи с этим графомонада является двуаспектной сущностью: с одной стороны, она первична, предельна и неделима; с другой стороны, она порождает большое количество новых знаков.

В исследовании было выделено сорок две графомонады и выявлен их эволюционный семиотический статус. Часть графомонад имеет нулевую валентность, часть из них обладает высокой валентностью и имеет способность порождать новые знаки «вэнь» посредством изменения исходного. Десять знаков из сорока двух есть подлинные графомонады, образующие деривационные цепочки в связи с высокой валентностью.

Сопоставление графомонад со словарями аналогичного типа, – списком М. Сводеша и примитивами А. Вежбицкой, в общем, выявляет частичное совпадение их лексических категорий. Примитивы А. Вежбицкой обладают высокой степенью абстракции, в связи с чем лишь одна лексема «люди» совпадает со списком графомонад. Количество идентичных слов стословника М. Сводеша и графомонад составляет четырнадцать, и в целом, представляет сходные категории.

Учитывая определенный нами статус выявленных графомонад, а также опираясь на утверждение Л. Ельмслева о том, что « в построении знака из ограниченного числа фигур – обнаруживается наиболее существенная черта в структуре любого языка [Ельмслев, 2007, с. 70], в языках с идеографическим типом письменности представляется возможным выявление предельных глубинных смыслов, которые возводятся в древнейшим знакам языка, что позволяет смоделировать предельные конститутивные единицы идеографического письма. Вместе с тем, данные единицы, не представленные нам в непосредственном наблюдении,

существуют в древнейших лексикографических источниках письменности китайского языка.

ГЛАВА 3. ЛИНГВОСЕМИОТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ЗНАКОВ ИДЕОГРАФИЧЕСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

3.1. Моделирование знаков идеографического письма

В связи с тем, что выявленные нами графомонады выступают в качестве исходных знаков для множества знаков, ими порожденных, они могут являться примитивами как для простых, так и для сложных знаков идеографического письма.

Такие знаки порождаются посредством определенных правил (модусов). Модусы являются тем «способом обозначения», с помощью которого графомонада эволюционирует и формирует деривационные цепочки.

«Способы обозначения» индивидуальны для каждого знака: некоторые дериваты образуются посредством добавления дополнительной значимой черты, выделяя ту или иную коннотацию, другие эволюционируют с помощью редукции, в третьих происходит коммутация нескольких элементов.

В функционировании монадно-модусной модели представления, детерминирующей отношения графомонады и ее дериватом, раскрывается грамматологический потенциал графомонады. Монадно-модусная модель эксплицирует фундаментальные характеристики грамматологии, является универсальной и применима к анализу структуры языка с идеографическим типом письменности. Данная модель характеризует существенные связи, лежащие в основе функционирования предельной значимой единицы языка с идеографическим типом письменности. Функциональный параметр признается основным в качестве характеризующего модель, где в основе лежат исходные данные – графомонады, а выводные данные представлены порожденными знаками.

Любой знак китайской письменности может образовывать новый с помощью присоединения другой морфограммы или логограммы, образуя сложный знак. Все выделенные нами графомонады также обладают

способностью порождать новые лексемы посредством добавления к ним морфограмм или логограмм слева, справа, сверху, не изменяя свою структуру и не формируя дериваты графомонад.

Такую функцию выполняют графомонады с нулевой валентностью внутри самого знака, к ним относятся, например, все знаки, изображающие животных: такие, как 马 mǎ – лошадь, 兔 tù – заяц, 鹿 lù – олень, 虎 hǔ – тигр и др. В этой связи монадно-модусная модель общего типа производится как *графомонада – знак N*.

Десять из сорока двух графомонад, помимо возможности формировать лексемы посредством сложения, обладают потенциальной валентностью порождать новые знаки с помощью изменения исходной графомонады, не выходя за рамки простого знака.

К ним относятся:

1. 人 rén человек
2. 又 yòu рука
3. 口 kǒu рот
4. 止 zhǐ ступня
5. 牛 niú корова
6. 羊 yáng баран
7. 鸟 niǎo птица
8. 火 huǒ огонь
9. 屮 chè трава
10. 冫 kuài вода

Каждой графомонаде соответствует определенный вариант монадно-модусной модели, связанный с валентностью каждой из графомонад. Часть графомонад формируют двойную этимологическую цепочку, когда знак 1 формирует знак 2, а знак 2, в свою очередь, формирует знак 3 и т. д. Такие цепочки позволяют проследить этапы грамматологической деривации знака.

Основанием для выявления истоков возникновения знаков явился словарь Сюй Шэня «Шо вэнь цзе цзы» [许慎, 1996], тем не менее, в некоторых случаях Сюй Шэнь не дает трактовку появления знака.

На наш взгляд, является целесообразным выделить *дериваты первого, второго и третьего порядка*.

К *дериватам первого порядка* мы относим знаки-морфограммы, являющиеся вариантами основной графомонады с полным сохранением ее семантики.

К *дериватам второго порядка* можно причислить знаки-пиктограммы, деривация которых происходит в рамках простого знака. Это знаки «вэнь», являющиеся простыми.

К *дериватам третьего порядка* относятся сложные знаки, образованные по типу присоединения к графомонаде (простому знаку) морфограммы (логограммы) без деривации самой монады. Это сложные знаки «цзы».

Представляется возможным определить и описать варианты для всех когнитивных монад, образующих деривацию в рамках самого знака. [Шаравьёва, 2012, с. 155]. Графомонады детерминируют появление графосемантических полей большого количества знаков, представляющих собой логограммы. То есть ограниченное количество графомонад посредством модусов порождает большое число иероглифических знаков.

Произведение монадно-модусной модели необходимо для представления грамматики языков с идеографическим типом письма и выявления их сущностных характеристик с точки зрения ее деривационной когерентности, а также модусов как правил порождения новых знаков. В этом проявляется семиотический потенциал идеографической письменности.

3.2. Вариант монадно-модусной модели с графомонадой «человек»

Графомонада «человек» порождает огромное количество знаков, являясь одной из наиболее продуктивных морфограмм. Порожденные графомонадой 人 rén «человек» новые знаки-дериваты, образующие деривационную цепочку, могут выделять тот или иной аспект при представлении ее значения грамматологически.

Графомонада передает наиболее общее изображение человека с руками и ногами, образует большее количество дериватов, нежели другие графомонады. К наиболее приближенным 人 rén иероглифическим знакам можно, на наш взгляд, отнести его знак-дериват 亼 bǐ – «человек». Выбор знака 人 rén в качестве графомонады достаточно произволен и обусловлен лишь наиболее высокой частотностью употребления последнего (графомонадой со значением «человек» мог бы выступить и знак 亼 bǐ). Рассмотрим грамматолого-семантический аспект дериватов данного знака.

Первая деривационная цепочка графомонады 人 rén описывает лишь один дериват, являющийся редуцированным вариантом самой графомонады (Схема 1.).

СХЕМА 1.

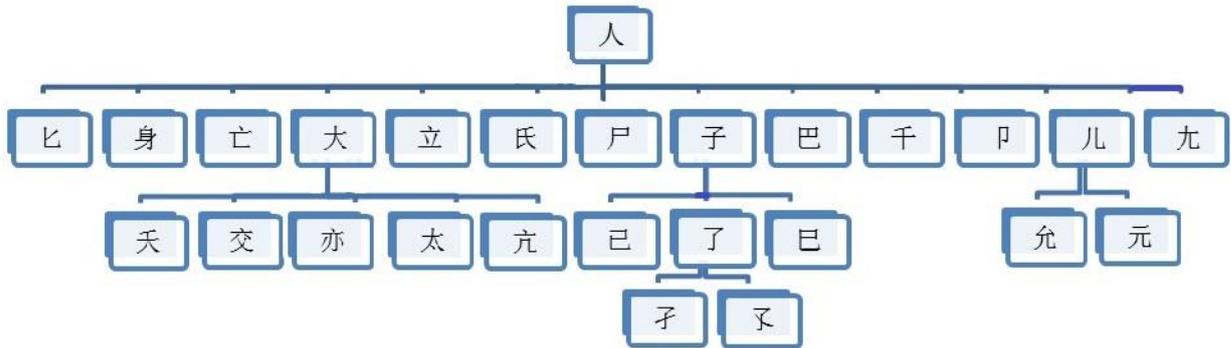

亼 восходит к знаку «человек», полностью сохраняет его семантику, не внося дополнительные коннотации.

В следующих пиктограммах, отображенных на схеме 2, дальнейшая модификация 人 rén происходит в рамках самого знака и не выходит за его границы. Все эти знаки являются 文 wén «вэнь», то есть простыми и неделимыми. Различные коннотации, наблюдаемые в иероглифических

знаках с семантикой «человек», могут быть связаны с существованием в рамках иероглифов изображения некоторых элементов, присущих человеку. Однако эти элементы не выражены отдельной морфограммой (так, например, завязанные на голове волосы и т.д.), в связи с чем знак не становится сложным 字 zì «цзы».

СХЕМА 2.

1. Знак 匕 bǐ представляет собой изображение человека, в разные периоды времени наклоненного вправо и влево . По Сюй Шэню, данный знак употреблялся в значении перевернутого человека, а также ложки при употреблении пищи.

Следует отметить, что исторические начальные знаки могли быть практически одинаковыми по своей форме и имели лишь незначительные различия

Знак визуально схож с иероглифом 匕 huā. Первоначально они имели различия в направлении положения изображаемого человека, к тому же, в знаке huā откидная черта была направлена вверх, а у 匕 bǐ вниз или прямо. Цзо Сяоли отмечает, что в древности знак 匕 bǐ обладал тремя значениями [邹晓丽, 1990, с. 4]:

1) Во времена гадательных надписей знак имел значение «умершая бабушка и ее родственники женского пола, кроме матери», то есть, фактически очень четко выделял гендерный признак, обозначая женщину. Впоследствии

происходило образование и последующих знаков, например, путем присоединения к знаку морфогаммы со значением «животное», образуя, таким образом, значение «самка какого-либо животного».

2) Знак выражал значение «движения человека», именно поэтому его корпус наклонен, а конечности направлены в сторону движения.

3) Третье же значение знака восходит к «ложке», это значение берет свое начало у «женщины», ведь именно женщина посвящает себя приготовлению пищи. Знак 匕 hua Сюй Шэнь определил как «перевернутый человек». Ван Цзюнь отмечает, что этот знак прежде всего имеет значение «изменение», так как самое большое изменение – это переворот, отсюда – перевернутый человек, поэтому в древности основное значение иероглифа – «изменение» [邹晓丽, 1990, с. 3]. Таким образом, начиная с обозначения предметности знака, впоследствии он стал означивать сам процесс действия.

2. В знаке 身 shēn человек также находится в вертикальном положении. Первоначальное значение данного иероглифа, активно участвующего в современном языке, – тело человека или животного, это или все тело, или тело от бедра до шеи 𠂇 𠂈 [Шаравьёва, 2009, с. 44].

Приобретенное абстрактное значение – это основная часть предмета или главная его часть. И, как следствие, дальнейшее расширение семантики идет по пути приобретения значений, связанных с изображением и видением самого себя, это – «собственный», «сам», «нести на себе», «брать что-то на себя», а также местоимение «я» [Там же].

С одной стороны, 身 shēn представляет собой женщину, то есть признак человека по отнесенности к мужскому или женскому полу, который может входить в лексико-семантическое поле «человек», с другой стороны, – это знак, отображающий физическую часть «оболочки» человека, который сам может являться ядром семантического поля «части тела человека» [Шаравьёва, 2009, с. 45].

Сюй Шэнь определяет 身 shēn как знак, имеющий значение «сам» и восходящий к человеку. По мнению Цзоу Сяоли, 身 в знаках «цзиньвэнь» изображает беременную женщину в профиль (он отмечает, что в современном языке одним из названий беременной женщины является 有身 yǒushēn) или мужчину в профиль с большим животом, аристократа, занимающего высокое общественное положение. Автор придерживается, вероятно, последней трактовки, так как в «цзягувэнь» уже существовал знак, передающий значение беременной женщины, изображающий младенца внутри человека, поэтому данное значение является приобретенным в дальнейшем [邹晓丽, 1990, с. 13].

Дун Ляньчи отмечает, что иероглиф происходит от человека, только в данном случае это человек с животом. Грамматолог Ли Сяодин также полагает, что данный знак поначалу изображал человека, и только в дальнейшем ему был пририсован живот [汤可敬, 1996, с. 1125].

В современном языке в пиктограммах с изображением человека атрибутивные признаки, такие, как «беременность», «наличие живота», исчезают, и остается достаточно нейтральная семантика знака «тело» как физическая оболочка каждого человека. Основываясь на грамматологическом анализе, можно предположить, что знак образован с помощью описательного модуса с более детальным изображением частей тела человека.

3. Пиктограмма 亡 wáng изображает человека с мечом в руках для самозащиты 卩. Отсюда первоначальное значение знака – военный, держа меч, спасает жизнь. По Сюй Шэню, значение 亡 wáng – «избегать», также имеет значение «человек, пришедший в потайное место», восходит к 入 rù.

4. Знак 大 dà «большой» также передает изображение человека 人 . По мнению Чжан Иньсиня, является простой логограммой, пиктографичной по своему облику, но передающей отвлеченное, непредметное значение [Готлиб, 2006, 44].

Сюй Шэнь определяет знак 大 dà следующим образом: небо большое, земля большая, человек большой, изображение формы человека, все, восходящее к 大 dà, относится к данному знаку. Знак 大 dà признается в качестве исходного для простых логограмм [Шаравьёва, 2009, с.44].

На некоторых изображениях мы ясно видим очертания человека с головой, руками и ногами. Есть и пиктограмма человека, стоящего на земле, а некоторые изображения передают человека без основы, здесь видны только конечности (𠤎𠤎) [Там же].

Основное значение данного знака в современном языке – «большой», то есть, человек, широко расставив руки и ноги, заявляет миру о своей большой роли в жизни. Отсюда значения знака – «гордый»; «самовлюбленный»; «немаленький»; описание площади; количества, объема, силы; «превосходящий партнера»; «толстый», «увеличивать», «расширять», «акцентировать внимание на чем-то». Большой отражает глубокую степень чего-либо. Если человек «большой», то необходимо проявлять к нему уважение, «почет» – дополнительное значение знака. Данным знаком изображались также деньги, монеты, имеющие большую ценность [Там же].

Иероглифический знак 大 dà также служил формой обращения к старшим родственникам (к отцу или дяде), имеющим большое влияние в семье. На одном из диалектов 大 dà служило обращением к отцу. Знаком также обозначался один из философских терминов, семантика которого близка в семантике знака 道 dào [Готлиб, 2006, с.112].

Таким образом, с течением времени семантика данного знака достаточно сильно меняется и происходит не описание самого субъекта, а выделение его признаков, что влияет на его частеречную отнесенность в современном языке.

5. Определенное положение человека в пространстве представлено в знаке 夭 yāo. 夭 yāo – человек с наклоненной вправо головой 𠤎. На первый взгляд, в нем очень много общего с иероглифом 大 dà «большой», однако здесь можно

увидеть некоторые отличия от 大 dà. В изображении последнего отсутствует голова, в то время как в 夭 yāo четко прослеживается изображение головы, наклоненной вправо. По мнению Сюй Шэня, значением знака 夭 yāo является «сгибать», он также отмечает его происхождение от 大 dà, относя его к пиктографической категории. Ван Цзюнь отмечает, что данная логограмма – это знак «большой», только с головой [汤可敬, 1996, с. 1065].

Существует и еще один знак с подобной этимологией – 夭 ze. Возможно, в древности эти знаки сводились к одному, а впоследствии человек стал изображаться с головой, наклоненной влево. В «Шо вэнь цзе цзы» знак трактуется как «наклоненная голова» [左晓丽, с. 9]. В древности значение данного знака было «непрямой», так как на пиктограмме четко видно изображение человека, тело которого наклонено. Исходя из существования двух почти идентичных знаков, не намного отличных от своего прототипа 人 rén, можно сделать вывод о существовании вариативности как одного из возможных путей рассмотрения знаков.

6. Знак 交 jiāo «пересекаться» передает изображение человека со скрещенными ногами . Сюй Шэнь, а также другие авторы отмечают, что знак произошел от 大 dà с изображением скрещивающихся ног. Отсюда древнее значение – «пересекаться, скрещиваться». В современном языке данный знак активно участвует в построении логограмм. Многие из них образуют слова в сочетании с другими логограммами, где семантика предполагает некоего «партнера», так, например, 交换 jiāohuàn – обмен, 交流 jiāoliú – общение и т.д. Семантика некоторых же знаков далека от их первоначального значения, например, – «место», «достигать», «вместе».

7. Знак 亦 yì – в современном языке имеет значения «и», «но». В надписях «цзиньвэнь» изображался следу ющим образом . Как видно, кроме изображения самого человека, его головы и конечностей, здесь появляются две точки. Сюй Шэнь трактовал данный знак как «подмышки человека», две

точки точно указывают их расположение между плечами и телом человека. Китайский грамматолог указывает на происхождение пиктограммы от знака 大 dà. Впоследствии этимологическое значение утратилось, и знак путем присоединения других морфограмм приобрел значение «части человеческого тела», а затем – союзов «и», «но».

8. Знак 太 tài имеет значение «слишком, очень». Данный знак отсутствует в словаре Сюй Шэня «Шо вэнь цзе цзы». Изображение знака «большой» с добавлением точки, горизонтальной черты подчеркивает крайнюю степень признака человека, формируя значение «слишком, очень, крайней степени» 太.

9. Знак 亢 kàng, gāng, с точки зрения Сюй Шэня, – изображение шеи человека и восходит к знаку «большой» 大 [邹晓丽, 1990, с. 25]. Существует точка зрения, согласно которой данный знак имеет значение «раненые ноги», но подтверждение этого у китайских грамматологов отсутствует. Возможно, горизонтальная черта в ногах человека символизирует связанные ноги у рабов. В период «чжуаньвэнь» знак изображался с помощью двух элементов: человек 人 + столик 几 – 𠂇.

Данный знак интересен тем, что с точки зрения этимологической эволюции, в период «цзягувэнь» он представляет собой простой знак, в то время, как в «чжуаньвэнь» – это уже сложный знак, состоящий из двух элементов, в современном языке 亢 kàng, gāng также является 字 zì. Это единственный знак-дериват, который в результате воздействия модуса (добавления нового элемента), стал сложным.

10. Знак 氏 shì в период «цзягувэнь» первоначально пиктографически изображает человека с опущенными вниз руками 𠂇. В «цзиньвэнь» постепенно происходит добавление элементов: точки, указывающей на руку человека, опущенную до земли, позже – горизонтальной черты, устанавливающей этимологическое значение знака: «опустив голову и наклонив руки, достаешь до земли» 𠂇.

Существует несколько совершенно противоположных, неподтвержденных точек зрения на значение данного знака. Го Можо утверждает, что значение данного знака – «ложка» [邹晓丽, 1990, с. 5], которой пользуется большинство людей. Сюй Шэнь говорит о звуках, слышимых человеку. Возможно, это звук падающих на пол палочек для еды.

11. Знак 尸 shī в «Шо вэнь цзе цзы» представлен в виде изображения лежащего человека 𠄎, трупа. Цзо Сяоли отмечает, что в древности человек при жертвоприношении был одет таким образом, чтобы предки смогли принять такую жертву. 尸 shī не может двигаться, так как олицетворяет уже ушедших предков. Но только после добавления графемы «смерть» значением этого знака непосредственно стало «мертвое тело», «труп». Начиная с периода позднего Чжоу, знак стал употребляться в качестве 夷 yí.

12. Знак 子 zǐ представляет собой пиктографическое изображение младенца, ребенка, имеет широкое лексическое поле. В надписях «цзиньвэнь» изображался как 𠄎. Как видно, здесь просматривается контур лица человека (𠄎) и изображение эмбриона, младенца. Данный знак принимал такие значения, как «дочь и сын», «ребенок»; только «сын»; только «дочь»; «зять», а также «долг и ответственность сыновей», «дочери» и просто «люди».

Одно из современных значений знака – «потомки», «потомство». Здесь семантика «ребенок» продолжается в будущем поколении, потомстве. В древнем Китае считалось, что дети, продлевая жизнь своих предков, должны сохранять свое тело в целостности, так как они являются полным отражением своих родителей, подражая им. Лучшим же потомком является наследник престола, государь.

Данным знаком обозначался также четвертый титул из пяти в Китае. Знак 子 zǐ является отражением традиции почитать старших, именно с помощью данного знака уважительно обращались к своему учителю,

чиновникам, а также мужчинам. 子 zǐ указывает на хорошую репутацию, сохранение «лица». Знак несет смысл размножения, следующего поколения животных, растений, плодов растений.

Иероглиф 子 zǐ тесно связан с пониманием мира китайцев, им обозначаются многие основные понятия китайской картины мира. По мнению Сю Шэня, данный знак обозначает «ноябрь», он соотносится с энергией «ци», и все, относящееся к знаку, восходит к нему. Дун Лянь Чи указывает, что в древности давали названия месяцам, используя земные ветви, именно поэтому Сю Шэнь указывает на одиннадцатый месяц, имевший название 子月 zǐyuè. Энергия «ян» является энергией роста. В ноябре энергия ян «возрастает», все вещи, как и младенец, начинают свое существование. Автор полагает, что в знаке можно увидеть именно изображение младенца. Значение каждого иероглифа, содержащего ключ 子 zǐ, связано с младенцем или родами, хотя и существовали некоторые логограммы с данным ключом, не имеющие такой связи. Иероглиф также используется в названии земных ветвей, и семантика этого знака была заимствована у младенца. Знак относится к идеографической категории [董连池, 2000, с. 379].

Тан Кецин видит в изображении знака ребенка с волосами, руками и ногами. Он придерживался мнения, что вышеуказанная связь между знаком и младенцем не совсем верна. Автор считал, что семантика ребенка восходит именно к изображению и не имеет такой связи с месяцем возрождения [汤可敬, 1996, с. 2128].

В древности 子 zǐ называли отрезок времени от одиннадцати до часу ночи. Из пяти первоэлементов мира, пяти стихий, знаку 子 zǐ соответствует «вода», из двенадцати зодиакальных знаков – «мышь». Еще одно обозначение иероглифа – «деньги», «медяк»; «прибыльные деньги», «процент»; «легкая монета низкой стоимости».

Существует обширный комплекс лексических значений иероглифа 子, многие из которых активны и в современном языке. Основная характеристика знака – первая фаза в развитии человека, начальный этап его проявления. В современном языке семантика знака до сих пор сохранилась, и он активно используется в значении «сын, ребенок».

13. Знак 了 le, liǎo трактуется в «Шо вэнь цзе цзы» как идущее животное, которое в профиль выглядит как одна черта, происходит от знака 子 zǐ, но только без рук, относится к пиктографической категории 𠂇. В комментариях же Цзо Сяоли приводит точки зрения нескольких ученых, где данный знак видится видоизмененным от 子 zǐ, а также имеющий варианты 巳 sì 己 yǐ 巳 jǐ [邹晓丽, 1990, с. 20]. В современном языке 了 le, liǎo употребляется очень широко, является показателем возможности или невозможности совершения действия, носит значение завершения, окончания, а также имеет значение «нисколько не», в основном, во фразеологических оборотах.

14. Знак 子 jié восходит к знаку 了 le, liǎo изображает ребенка 𠂇. Сюй Шэнь отмечает, что пиктограмма не передает изображение правого плеча, ребенок без правого плеча. В связи с этим, сема ущербности, физического недостатка становится преобладающей. В современном языке 子 jié, наряду со значениями «одинокый, маленький, незначительный, короткий», остается и этимологическая семантика – «безрукий, без правой руки».

15. Еще одним вариантом, также восходящим к знаку 了 le, liǎo является идеографический знак 𠂇 jué 𠂇. Его можно рассматривать как бином 子 jié. В пиктографическом изображении ребенка отсутствует левое плечо. В современном языке используется в значениях знака 子 jié.

16. 巳 yǐ 𠂇 в период «чжуаньвэнь» передает изображение эмбриона в утробе матери. Первоначальное значение знака – рождение младенца, голова которого при рождении направлена вниз, а после – вверх. Имеет единый

источник со знаком 子 zǐ. Данные о знаке 巳 yǐ в словаре «Шо вэнь цзе цзы» не найдены, возможно, по причине его близости с 子 zǐ.

17. Знак 巳 sì изначально изображает младенца, новорожденного 𠄎. По Сюй Шэню, он относится к циклическим знакам «земных ветвей» и соответствует четвертому месяцу – апрелю, когда происходит усиление энергии «ян», уменьшение «инь», и рождается, расцветает все сущее. Знак имеет значение «змея» по причине схожести пиктограммы с изображением змеи.

18. Пиктограмма 巴 bā 𠄎 в «цзягувэнь» изображает сидящую беременную женщину с поднятыми руками. В периоды «малой печати» и далее изображение рук не представлено. В «Шо вэнь цзе цзы» знак 巴 bā трактуется как «насекомое», «змея, проглотившая слона», знак относится к пиктографической категории [邹晓丽, 1990, с. 22]. Эта змея изображается кистью руки человека, и в связи с этим также представляет часть тела человека, т.е. руку 𠄎. По данным китайского ученого Ляо Вэньхао, знак представляет собой пиктограмму со значением «человека с поднятыми руками во время исполнения ритуального танца» [廖文豪, 2013, с. 66-67]. С нашей точки зрения, более целесообразным является отнесение знака к классу «человек».

19. Пиктограмма 千 qiān изображает человека с горизонтальной чертой в районе ног 𠄎. Возможно, он имел значение идущего человека. По Сюй Шэню, он восходит к знакам «一» yī и «十» shí, хотя, на наш взгляд, нет оснований для выделения элемента «十» shí, это, скорее всего, связано с тем, что Сюй Шэнем были исследованы знаки периода «цзиньвэнь», так как иероглифика «цзягувэнь» еще не была открыта.

20. В надписях «цзягувэнь» прослеживается изображение сидящего на коленях человека, сложившего руки на колени. Знак 卩 jié – это какой-либо «знак», «таблица». Защитники государства Бан носили с собой нефритовые «знаки»; защитники столицы пользовались табличкой, на которой был

изображен дракон; проживающие в горах пользовались символом тигра, а на земле – человека; защищающие водные ресурсы использовали в качестве амулета дракона. Те же, кто контролировал товар, делали такие знаки из нефрита, рабочие пользовались символом флага. Изображение соединения чего-либо.

По мнению Цзо Сяоли, данный иероглиф представляет собой измененный знак «человек». Значение же Сюй Шэня – это появившееся позднее заимствование. Чу Ипэн предполагает, что знак является первоначальным знаком от 跪 guì – «вставать на колени». На пиктограмме периода «цзягувэнь» видно изображение человека, стоящего на коленях и немного наклонившегося вперед [邹晓丽, 1990, с. 6]. Нами не найдено изображение знака в «цзягувэнь», в период «чжуаньвэнь» иероглиф представлен следующим образом .

21. Знак 儿 ér «ребенок» передает изображение ребенка с открытым ртом, в котором видны два зуба, представлен в виде человека с открытым ртом . Сюй Шэнь определяет такое значение данного знака, как «ребенок, кости черепа у которого открыты». С одной стороны, представляется возможным рассматривать 儿 ér как сложный знак «рот» + «человек». Несмотря на то, что знак «рот» существует в языке и является морфограммой и логограммой, на наш взгляд, в «цзягувэнь» в нем лишь делается акцент на части человека , не выделяя его как отдельный элемент.

22. Восходящий к знаку 儿 ér знак 允 yǔn также изображает человека, однако над головой человека добавлен элемент «точка» . Точка символизирует то, что значение пиктограммы связано с движением человека головой, поэтому этимологическое значение – «качать головой». Сюй Шэнь отмечает, что знак восходит к 儿 ér, и его значение – «честный», а верхняя часть 允 yǔn, при употреблении в рамках одного знака с 儿 ér, является фонетиком.

Этимологически знак является простым, однако в современном языке его можно интерпретировать как сложный.

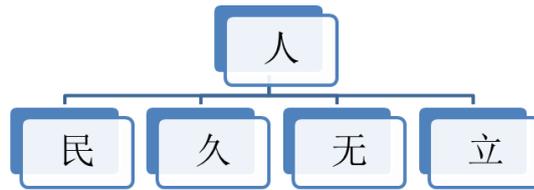
23. В знаке 元 yuán периода «цзягувэнь» на голове человека добавлено изображение горизонтальной черты 一. В некоторых знаках к данной пиктограмме добавляется вторая черта, что означает начало всего сущего, первоначальный хаос 一. Древние китайцы полагали, что «один рождает два, два рождает три, три рождает все сущее», один символизирует хаос, два – землю и небо, три – землю, небо и человека, поэтому первоначальное значение знака – «начало», «небо и земля», «хаос». Сюй Шэнь отмечает лишь значение «начало» [许慎, 1996].

24. 文 wén в «цзягувэнь» изображает человека с татуировкой на груди . Сюй Шэнь представляет знак как перекрещивающиеся черты, татуировка. Существует точка зрения, согласно которой внутри пиктограммы изображен знак «сердце» , который потом трансформировался в точку [象形字典]. Позднее знак 文 wén стал символизировать красоту, изящество.

25. Знак 尢 wāng – пиктограмма, изображающая человека, возможно, со сломанной ногой.

Наряду с вышеперечисленными дериватами, существуют знаки, образованные посредством двух или более элементов. Такие пиктограммы, в архаичном смысле являющиеся поликомпонентными 字 zì «цзы», эволюционируют и воспринимаются в современном языке как простые 文 wén «вэнь».

Знаки, представленные на следующей схеме, отличны от вышеперечисленных тем, что в древности в период «цзягувэнь» состояли из нескольких значимых компонентов, а впоследствии в современном языке стали восприниматься в качестве простых 文 wén.

1. Дериват 民 mǐn в период «цзягувэнь» представляет изображение элементов «глаза» и «руки», возможно, с копьем. В «цзиньвэнь» зрачок в пиктограмме был сокращен, и постепенно появилось значение «слепой». Сюй Шэнь характеризует 民 mǐn как пиктограмму со значением «толпа». По мнению Го Можо, 民 mǐn – это первоначальный знак 盲 máng (слепой), в знаке видно изображение «выколотый глаз», возможно, в древности рабам выкалывали глаз (левый)». Грамматолог Линь Цзунда полагает, что это раб с наручниками [邹晓丽, 1990, с. 14]. В данном случае значение пиктограммы противопоставляется графомонаде 人 rén человек, где последний – аристократ, а 民 mǐn – раб.

Таким образом, за критерий сравнения взят такой признак, как социальная роль человека, дериват образуется посредством добавления элемента «выколотый глаз», с помощью которого происходит порождение значения «раб». Несмотря на то, что в древности знак был сложным, состоящим из нескольких элементов, в настоящее время это простой знак, образующий большое количество логограмм с помощью присоединения других морфограмм.

2. Знак 久 jiǔ изображает человека с головой и двумя конечностями с добавлением откидной черты в районе ног . Сюй Шэнь отмечал, что знак 久 jiǔ означает человека с двумя ногами, позади которого на расстоянии находится какая-то квадратная вещь с иглами. Знак образуется путем соединения элементов «человек» + «предмет». Тан Цзиньсинь отмечает, что в период гадательных надписей знак носил значение жертвоприношения или такого метода пыток, как прижигание [邹晓丽, 1990, с. 5]. Предмет человека

изображен в виде медного орудия для пыток. Орудие представляет собой ковш с ручкой объемом около 20 литров. Внутри этого ковша существовали иглы, предназначенные для того, чтобы в процессе пыток вонзаться в людей или животных. В современном языке знак носит такие значения, как «давний, долгий». Характерной чертой знака 久 jǐu является то, что, будучи сложным в архаичном плане, в настоящее время он употребляется как простой.

3. Пиктограмма 无 wú изображает человека, который держит в руках ветки или цветы и с песнями и танцами почитает память умерших (в современном языке имеет значение отрицание «не», «нет») 無. Сюй Шэнь отмечает, что данный знак восходит к знаку 亡 wáng и имеет значение «отсутствие чего-либо». Знак сходен со знаком 元 yuán. С точки зрения этимологии иероглифа, он является сложным 字 zì, образующимся посредством соединения двух компонентов «человек» + «цветы», так как для лексемы «цветы» в «цзягувэнь» существовал отдельный знак, в настоящее время мы можем рассматривать его как простой.

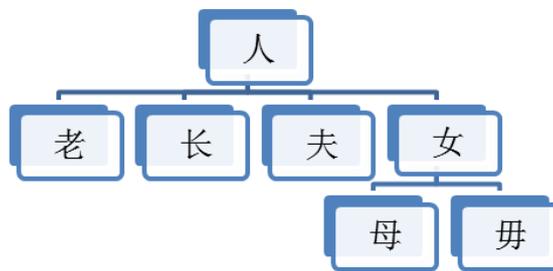
4. Знак 立 lì представляет изображение человека . Это человек, твердо и уверенно стоящий на земле, поэтому основные его значения в современном языке – «стоять; остановиться, задержаться; поднять, поставить что-то в вертикальном положении, подниматься». Все это изменения положения тела человека.

Этимологически Сюй Шэнь трактовал 立 lì как «жить»; «большой», «стоящий над знаком 一 yī», все, соотносящееся с данным знаком восходит к 立 lì. Го Можо отмечал, что в древности император также изображался в положении стоя. Одним из этимологических значений данной логограммы является значение «стоящей толпы» [邹晓丽, 1990, с. 19]. Иероглифу 立 lì придается также значение «человек, выращивающий зерно», так как 立 lì понимается в качестве 粒 lì – «зерно».

Данная пиктограмма, в отличие от предыдущего знака, в архаичном плане – сложный знак, внутри которого выделяются элементы «человек» и «земля». В современном китайском языке она становится и воспринимается как целостный простой знак.

Среди дериватов графомонады «человек» есть знаки, выделяющие гендерный аспект человека. Рассмотрим пиктограммы, обозначающие мужчину и женщину.

СХЕМА 4.

1. Знак 老 lǎo «старый», по мнению Сюй Шэня, 老 lǎo это и есть 考 kǎo. Сю Шэнь приводит в качестве примера пару 老 lǎo – 考 kǎo, относя знаки к видоизмененной категории [Готлиб, 2006, с. 43]. Пиктограмма изображает человека в возрасте с длинными волосами, возможно, с посохом, изображение восходит к человеку, усы и борода которого стали белыми . Цзоу Сяоли трактует пояснения Сюй Шэня как указание на пиктографическое изображение человека с длинными волосами, опирающегося на посох. Он отмечает, что у древних китайцев отсутствовало уважение к татуированным людям с короткими волосами, поэтому у человека в возрасте волосы должны быть длинными. Данный знак имеет также значение «старец», форма этого иероглифа предполагает изображение головного убора на голове человека. Четко прослеживается значение уважаемого старца [邹晓丽, 1990, с. 23]. Основное значение, активно участвующее в современном языке, – «человек в возрасте», противоположный «маленькому», старик [Шаравьёва, 2009, с. 45].

Иероглиф 老 lǎo представляет новый признак человека – возраст – еще одну характеристику человека, вызывающую уважение и благоговение перед мудростью человека. В связи с этим, значение знака в современном языке теряет непосредственно признак «человек», обретая при этом его возрастную характеристику. Таким образом, одним из главнейших способов проявления грамматологической сущности знака может выступать атрибут изменения, а главный признак гендерной принадлежности в знаке – волосы мужчины в возрасте [Шаравьёва, 2009, с. 46] .

2. Знак 长 cháng «длинный», с точки зрения Сюй Шэня, восходит к знаку 匕 bǐ, и через него – к знаку 人 rén. 长 cháng передает пиктографическое изображение человека с длинными волосами с посохом в руках – 𠂇 [Шаравьёва, 2009, с. 46]. Дун Ляньчи указывает, что это, прежде всего, изображение человека почтенного возраста. Местонахождение посоха меняется с течением изменения знаков [董连池, 2000, с. 262].

Семантика 长 cháng в современном языке не слишком широка: он имеет значения «длинный, долгий, большой». Единственным значением, отраженным в этимологии, является значение «старший, директор» [Шаравьёва, 2009, с. 46]. Значение данного иероглифа «далекий», о котором говорит Сюй Шэнь, по мнению Цзо Сяоли, было приобретено позже [邹晓丽, 1990, с. 23]. Человек анфас с расставленными руками и ногами, находится на некой основе, поэтому значение знака – «высокий и далекий» [邹晓丽, 1990:9]. Знак сходен со знаком «большой» и выделяет его атрибутивный аспект. Таким образом, модус проявляется такими атрибутами мужчины, как длинные волосы и посох.

3. Знак 夫 fū передает пиктограмму с изображением человека, на голове которого добавлена вертикальная черта 夫, символизирующая скрепленные, завязанные на голове волосы. Сюй Шэнь отмечает, что 夫 fū имеет значение «муж» и восходит к знаку 大 dà. Присоединение к 夫 fū горизонтальной

черты — указывает на булавку для скрепления волос мужчины. В эпоху Чжоу меры длины определялись таким образом, что восемь вершков 寸 cùn «цунь» приравнивали к одному 尺 chǐ «чи», а десять 尺 chǐ «чи» к одному 丈 zhàng «чжан». Когда взрослый молодой человек достигал 8 尺 chǐ «чи», почти 丈 zhàng «чжан», его называли 丈夫 zhàngfū. Современное значение знака — «муж», «супруг».

夫 fū является простым знаком. Здесь также волосы есть признак, характеризующий гендерный аспект.

4. Знак 女 nǚ «женщина» представляет собой модифицированный знак «человек» с акцентом на гендерную принадлежность, которой соответствовала определенная социальная роль. В древности женщины уничижительно называли себя 奴 nú — раба [Пруцких, 2009, с. 71]. Иероглиф изображался как человек, раб, стоящий на коленях с руками за спиной (что отражало отношение общественного строя к замужеству, господство патриархата) . Дун Ляньчи детализирует пиктографическое изображение, он отмечает, что раб изображается с поднятой головой, его колени согнуты, руки находятся вдоль тела, он услуживает другим. Ли Сяодин полагает, что так как достаточно сложно определить различие изображений мужчины и женщины по знакам, то главное различие можно строить на их работе: женщина выполняет женскую работу, вяжет, шьет и т.д., основная ее работа проходит в комнате, мужчина же работает в поле [Шаравьева, 2009, с. 46]. Постепенно, по мере эволюции иероглифа, написание знака эволюционировало в 女 nǚ [邹晓丽, 1990, с. 16].

Лексическое поле слова в современном языке не очень широко. Прежде всего, это обозначение женщины, женского пола, самки у животных, а также молодой незамужней девушки. Женщина — слабое существо, отсюда — значение «нежность», «слабость». Существует также и значение «отдавать

дочь замуж». Одним из значений знака является местоимение «ты», что, видимо, предполагает наличие собеседника женского пола.

Китайский грамматолог Сю Хао предполагает, что пиктограмма передает также значение женщины, занимающейся какой-либо работой, одежда у которой с прикрытым подолом, что и отличает ее от мужчины [汤可敬, 1996, с. 1741].

В данном варианте знака внешний вид человека представлен более детально, к тому же выделяются социальные функции человека с указанием на выполняемую им работу. Способность женщины воспроизводить потомство репрезентируется в нескольких знаках-дериватах, изображающих эмбрион, ребенка, сына и т.д. В данном знаке семантика «женщина» прослеживается в таком признаке, как социальная роль – раб, выполняемый работу по прислуживанию другим.

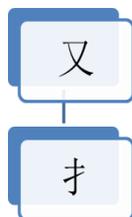
5. Дериват 母 mǔ описывает изображение женщины с грудью , поэтому первоначальное значение знака – «женщина, способная прокормить потомство». По Сюй Шэню, пиктограмма изображает женщину, обнимающую ребенка, или, по другой версии, кормящую мать, восходит к знаку 女 nǚ женщина. В пиктограмме 母 mǔ наряду с признаком «раб», гендерность описывается посредством изображения женской груди.

6. Знак 毋 wú, mǔ сходит с предыдущим знаком, изображает кормящую женщину, однако на груди добавлена горизонтальная черта, имеющая значение запрета (женщине нельзя предаваться развлечениям в некоторые периоды жизни, связанные, например, с кормлением ребенка). Сюй Шэнь отмечает, что знак восходит к знаку «женщина», а добавленная горизонтальная черта символизирует способность женщины к развлечениям . В современном языке имеет значение «не нужно, нельзя».

3.3. Варианты монадно-модусной модели с графомонадами «рука», «рот», «ступня»

Графомонада «рука» 又 уòи изображает часть тела человека, пиктографическое изображение которой представляет собой руку с тремя пальцами 𠄎. Одним из дериватов, редуцированных от графомонады «рука», является ключ «рука» морфограмма, которая не выступает в качестве самостоятельно употребляющейся логограммы.

СХЕМА 5.

Знак 扌 в основном встречается в знаке в левой позиции, имеет сходную с графомонадой 又 уòи семантику.

Графомонада «рука» образует еще несколько дериватов, где деривация не выходит за рамки простых знаков. Следует отметить, что знак 手 shǒu так же, как и знак 又 уòи, мог бы быть отнесен к графомонадам данной деривационной цепочки. У Сюй Шэня отсутствует информация о том, что одна из пиктограмм восходит к другой. Несмотря на то, что исторически реконструкция первичного знака является невозможной, в качестве графомонады был выбран знак 又 уòи. Это связано, прежде всего, с тем, что частотность употребления знака 又 уòи в древних текстах выше, нежели знака 手 shǒu, а также опорой на избранные нами критерии выделения монад, важнейшим из которых является простота и недискретность знака. В связи с этим 又 уòи является графомонадой, а 手 shǒu – ее дериватом.

Таким образом, графомонада 又 yòu «рука» порождает следующие знаки: 手 shǒu – «рука» и 卩 gǒng – «скрещенные руки»:

СХЕМА 6.

1. В отличие от сверх-знака 又 yòu , представляющего руку как часть тела человека, выполняющего определенные действия, в знаке 手 shǒu человеческая рука изображается более детально: появляется изображение пяти пальцев 𠄎. При этом Сюй Шэнь указывает, что рука может собираться в кулак. В надписях «цзиньвэнь» представлена рука с раскрытыми пятью пальцами.

2. Знак 卩 gǒng образуется посредством изображения двух скрещенных рук, направленных друг к другу 𠄎. Данный знак образуется путем сложения двух компонентов, то есть, вторым дополнительным элементом знака является его плицированный вариант. Тем не менее, знак 卩 gǒng можно отнести к простым знакам, а пликацию рассматривать как изображение парной части тела человека. В современном языке 卩 gǒng утратил свою самостоятельность и является морфограммой.

Дальнейшая деривация графомонады 又 yòu «рука» выходит за рамки простого знака и формирует огромное количество сложных знаков 字 zì, семантика которых связана со значением «рука» (например: 叉 chā , 友 yǒu, 抱 bào и т.д.).

Графомонада «рот» 口 kǒu – изображение части тела человека, которая служит ему инструментом для приема пищи и говорения 𠄎.

Вариант монадно-модусной модели с графомонадой «рот» в рамках простого знака представлен лишь одной морфограммой, несмотря на то, что в современном языке пиктограмма □ kǒu «рот» активно образует синтагматические связи с помощью присоединения к другим знакам (叫 jiào, 叶 yè, 否 fǒu и т.д.).

СХЕМА 7.

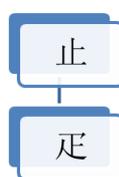

С точки зрения структуры знака, представляется возможным рассмотреть знак □ kǎn в качестве деривата от □ kǒu, образованного с помощью редукции. У Сюй Шэня отсутствует ссылка на первоначальный знак данной морфограммы, однако, грамматологически и семантически □ kǎn с наибольшей вероятностью можно отнести к знаку «рот». Имеет значение «открывать рот», именно с этим связано отсутствие черты, присутствующей в □ kǒu. Таким образом, графомонада «рот» посредством редуцирования верхней черты исходного знака порождает лишь один знак.

Вариант монадно-модусной модели с графомонадой 止 zhǐ – «ступня».

Графомонада 止 zhǐ «ступня» передает пиктографическое изображение стопы человека, его «нижней конечности», и образует два деривата в рамках простых знаков.

СХЕМА 8.

Дериват 𠂇 shu, с точки зрения Сюй Шэня, имеет значение «ступня», «икра ноги» и является видоизмененным знаком от 足 zú (состоящего из элементов «рот» + «ступня»). По мнению Тань Ланя, изображение представляет собой всю ногу человека [邹晓丽, 1990, с. 16]. Модификация 止 zhǐ происходит посредством изображения не только ступни человека, но и голени.

3.4. Варианты монадно-модусной модели с графомонадами «огонь», «травя», «вода»

火 huǒ «огонь» – является знаком-примитивом, графомонадой для порожденных знаков, имплицитно или эксплицитно содержащих сему «огонь». В период «цзягувэнь» пиктографически знак представляет собой изображение трех языков пламени 𤇀.

Единственный вариант знака «огонь» представлен одной морфограммой 𤇀, не имеющей собственного чтения.

СХЕМА 9.

Семантика варианта полностью соответствует семантике логограммы 火 huǒ. В морфограмме отсутствуют дополнительные элементы, знак является сокращенным вариантом 火 huǒ и образован с помощью редукции графомонады 火 huǒ.

Графомонада 火 huǒ порождает дериваты 光 guāng – «свет» и 炎 yán – «пламя».

СХЕМА 10.

1. Логограмма 光 guāng – «свет» трактуется Сюй Шэнем как знак, семантика которого – «свет», восходящий к изображению огня над человеком. Данный знак представлен в надписях «цзягувэнь» следующим образом . Как видно, пиктограмма передает изображение сидящего на корточках человека, поднимающего над головой факел. Поэтому, возможно, этимологическое значение 光 guāng – «человек, дающий свет», «раб с факелом». Впоследствии верхняя и нижняя часть знака (факел и человек) претерпевали изменения, (период надписей «чжуаньвэнь») , что привело к видоизмененной форме знака в период «Лишу» , приближенной к современному написанию знака.

Соединение в пиктограмме двух элементов «факел» + «человек» позволяет сделать вывод о том, что знак в «цзягувэнь» являлся сложным, в то время как в современном языке он воспринимается как простая морфограмма, образующая дальнейшую деривацию путем присоединения других морфограмм.

2. Пиктограмма 炎 yán изображает два огненных пламени, расположенных одно над другим. В комментариях к «Шовэнь цзецзы» знак имеет значение «свет огня, поднимающийся вверх». Знак восходит к монаде «огонь» 火 huǒ и представляет собой его плицированный вариант. Известно, что первыми начальниками, систематически использующими огонь, были «огненные императоры» - 炎帝 yándì, управляющие племенами.

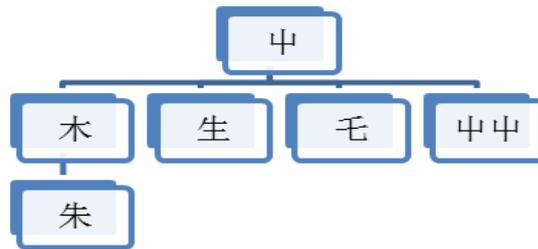
Знак 炎 yán образован сложением двух семантически сходных элементов, и его деривация выходит за рамки простого знака. Тем не менее, мы выделяем знак в качестве деривата по причине того, что пликация усиливает признак предмета.

Потенциал порождения иероглифических знаков монадой 火 huǒ не ограничивается тремя вышеописанными морфограммами, дальнейшее порождение знаков с данной семьей происходит путем присоединения морфограммы 火 huǒ, занимающей в знаке позицию «слева», «сверху», «снизу», – дериватами второго порядка (например, 焯 zhuó, 灶 zào, 灯 dēng). При этом в фоноидеограммах 火 huǒ является детерминативом, указывающим на сему «огонь».

Вариант монадно-модусной модели с графомонадой 屮 chè «трава».

Графомонада 屮 chè «трава» изначально передает изображение ростка, выросшего из земли. 屮 chè в китайском языке не является логограммой, но эволюционирует и образует деривативную цепочку, представленную порожденными ее знаками [Шаравьёва, 2012, с. 154].

СХЕМА 11.

1. Знак 木 mù «дерево» в период «цзиньвэнь» изображался следующим образом . На пиктограмме можно видеть не только росток (как в знаке 屮 chè), но и его корень, широко разрастающийся под землей. Таким образом, – это изображение дерева с ветками наверху и корнями внизу. Знак показывает расширение семантики, эволюцию травинки, ее рост до состояния дерева.

Денотат данного знака имеет схожие с денотатом первоначального знака свойства и атрибуты, но обладает и некоторыми другими характеристиками [Шаравьёва, 2012, с. 154].

Сюй Шэнь, кроме основного значения логограммы, указывает на то, что 木 mù в системе «пяти элементов» относится к восточному направлению. Данный факт обладает особой значимостью, так как дерево есть элемент,

образующий, в совокупности с другими, всю Вселенную. В современном китайском языке также имеет значение «дерево» и является простым знаком.

2. Дериват знака 生 shēng «расти», «рождаться» в период «цзягувэнь» передает изображение земли и появившегося на ней ростка. Он отражает иной ракурс графомонады «трава», указывает на действие, присущее графомонаде (расти – онтологическая характеристика травы, трава вырастает из-под земли и т.п.) [Шаравьёва, 202, с. 154]. Сюй Шэнь также отмечает, что знак описывает росток, появляющийся из-под земли.

3. Знак 乇 zhè «цзиньвэнь» передает изображение листа травянистого растения, ростка : наверху горизонтальная черта (начиная с периода «цзиньвэнь» эволюционировала в «точку»), внизу корень растения. Сюй Шэнь указывает на основное значение «росток» и отмечает, что знак восходит к изображению колоса. 乇 zhè не является логограммой.

4. Одним из дериватов, с помощью которого происходит образование знака «трава», является знак 屮屮. Как видно, данный знак образуется путем сложения двух идентичных знаков. Одна из его основных характеристик – коммутативность, при этом семантика суммированных знаков остается прежней. Подобная пликация усиливает предметность означаемого, еще более утверждая его существование (как и в случае со знаком 炎 yán). Деривация выходит за рамки простого знака [Шаравьёва, 2012, с.154].

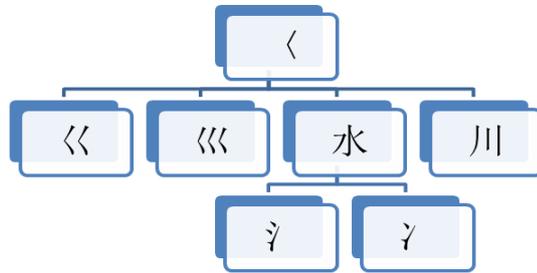
5. 朱 zhū в период «цзягувэнь» передает изображение ствола дерева с круглой точкой или горизонтальной чертой посередине , акцентирующей внимание на местоположении ствола. По Сюй Шэню, это дерево красного цвета, относится к вечнозеленым, включает в себя ключ «дерево» и горизонтальную черту, выделяющую коннотацию «внутри дерева». Восходит к знаку «дерево» 木 mù.

Впоследствии знак, начиная с периода «чжуань» , претерпел изменения, и уже в «лишу» элемент был заменен на элемент ,

изображение ветвей постепенно пропадает. Присоединение элемента 木 mù создает новый знак и заменяет старый 株 zhū, эти два знака используются параллельно. Для различения прилагательного 朱 zhū от существительного 株 zhū, появляется еще один знак 殊 zhū, имевший значение цвета «киноварь». В современном китайском языке знак восстановился как прилагательное 朱 zhū.

Вариант монадно-модусной модели с графомонадой < kuài «вода».

СХЕМА 12.

Знак < «вода» является графомонадой для порожденных ею знаков с семантикой «вода».

1. Знак << kuài состоит из двух черт и имеет семантику водного потока.
2. Дериват от графомонады «вода» <<< chuān представляет изображение трех черт, потока воды. Деривация происходит путем добавления к графомонаде двух черт, однако семантика «поток воды» не претерпевает изменений. В современном языке знак в качестве логограммы не употребляется.
3. Дериват «вода» 水 shuǐ 氺 представляет собой изображение трех черт: скалу, по краям которой вниз спускается речной поток. По Сюй Шэню, средняя черта в пиктограмме является воплощением творческой субстанции мироздания ян. Сюй Шэнь указывает, что вода в теории первоэлементов относится к северной стороне.

4. Редуцированными вариантами графомонады 水 shuǐ можно считать вариант, состоящий из трех черт 冫, морфограммы, не являющейся логограммой. 冫 чаще всего встречается в сложных логограммах в положении слева (泥 ní, 汗 hàn, 洞 dòng и т.д.).

5. Сокращенным вариантом знака 水 shuǐ является морфограмм 冫, имеющая значение «лед». Знак «вода», таким образом, выражает твердое состояние воды. Данный вариант не является логограммой.

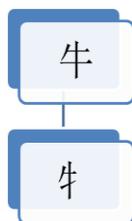
6. Еще один дериват графомонады – 川 chuān, «поток воды». Очень близок со знаком ≡ chuān. В период «цзягувэнь» передает изображение двух берегов с потоком воды . Сюй Шэнь отмечает, что значение 川 chuān – «сквозной водный поток».

Одной из особенностей данного знака является то, что он может выступать в качестве логограммы, где 川 chuān обозначает «река». В современном китайском языке существует другая логограмма для обозначения реки 河 hé. Отличие данных двух логограмм состоит в том, что 川 chuān – «небольшая речка», «исток реки», а 河 hé – «большой водный поток».

3.5. Варианты монадно-модусной модели с графомонадами со значением «животные»: «корова», «баран», «птица»

Графомонада 牛 *níu* «корова» первоначально передает изображение «крупного рогатого скота, животного с острыми рогами и головой, как у кошки» [许慎, 1996], которое можно использовать для возделывания земли.

СХЕМА 13.

Вариант знака «корова» 𠂔 образуется не с помощью модификации самого знака, претерпевает изменения лишь вторая горизонтальная черта. 𠂔 «корова» является морфограммой в позиции «слева», не может употребляться в качестве логограммы. Первоначальная семантика «коровы» в данном модусе полностью сохраняется.

Деривация знака «корова» в рамках простого знака представлена на следующей схеме.

СХЕМА 14.

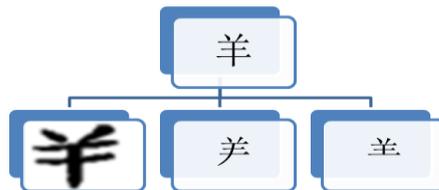
1. Пиктограмма 角 *jiǎo* в период «цзягувэнь» изображает острые рога крупного животного, коровы 𠂔. Рога, с точки зрения древних китайцев, могли использоваться в качестве защиты и нападения. Сюй Шэнь отмечает

схожесть логограммы со знаком 鱼 yú– «рыба». Знак 角 jiǎo, в отличие от знака 牛 niú , представляет лишь изображение одной части – рогов.

Графомонада 羊 yáng «баран» представляет изображение животного с загнутыми рогами, головой, хвостом. Особенностью монадно-модусной модели с графомонадой «баран» является то, что она не порождает простые знаки-дериваты. Существует, однако, точка зрения, согласно которой морфограмма gua, изображает рога барана. В настоящее время употребляется как логограмма 拐 guǎi [邹晓丽, 1990, с. 190]. Однако пиктографическое изображение знака нами не найдено.

Остальные дериваты представлены лишь редуцированными вариантами самого знака 羊 yáng «баран».

СХЕМА15.

Три деривата первого порядка 羊 羊 羊, порожденные монадой «баран», являются только морфограммами и полностью передают значение монады «баран», не имеют собственного чтения и используются преимущественно в позиции справа и сверху.

Вариант монадно-модусной модели с графомонадой «птица».

Графомонада 鸟 niǎo изображает пернатых с длинным хвостом, клювом, перьями и лапками , и порождает два деривата со значением «птица».

1. Пиктограмма 乌 wū 𠂆 в «цзиньвэнь» представляет черную птицу с открытым ртом. Отличительный признак 乌 wū от 鸟 piāo состоит в том, что в первом знаке глаз птицы не выделен точкой. Сюй Шэнь ссылается на слова Конфуция, согласно которому такую птицу называют «зовущей», так как она часто зовет о помощи к умирающим и больным людям.

2. Знак 隹 zhuī, cuí, wéi в период «цзягувэнь» изображает птицу с большими крыльями и коротким хвостом 𠂆. Такие птицы часто использовались в качестве помощников в охоте. По Сюй Шэню, знак имеет значение «короткохвостая птица». В период «чжуаньвэнь» изображение лапок исчезает 𠂆, а в «кайшу» знак сильно видеоизменяется – 隹, слева добавляется знак «человек».

Именно таким образом раскрывается, на наш взгляд, семиотический потенциал китайского языка, где ограниченное число знаков-монад порождает большое количество знаков-дериватов. Тем не менее, верификация графомонад и выявление их деривационных цепочек требует дальнейшего исследования.

Особо отметим, что среди проанализированных знаков существуют несколько знаков, деривация графической формы которых от графомонады не доказана (民 mín, 氏 shì, 千 qiān, 女 nǚ, 巴 bā, 文 wén, 久 jiǔ, 水 shuǐ, 隹 zhuī). Тем не менее, принимая во внимание то, что знак включает в себя как план выражения, так и план содержания, его когнитивный уровень, мы предполагаем, что выделенные нами графомонады порождают данные знаки,

толкование которых может быть произведено лишь посредством графомонад-примитивов.

3.6. Потенциал формализованного моделирования в языках с идеографическим типом письма

Исходя из того, что ограниченное число графомонад порождает графосемантические поля большого количества знаков, существует возможность формализованного представления монадно-модусной модели. Отношения в рамках данной модели могут быть оформлены в виде записи математических символов, отражающих зависимость входящих в модель элементов. В связи с этим можно выделить следующие основные положения для входных данных:

1. Графомонада ступенчато производит потенциально большое количество дериватов и является исходным для них знаком.
2. Модусы оказывают определенное влияние на графомонады, образуя деривационную цепочку знаков. При этом они не являются универсальными, вариативны и не имеют четких границ.
3. Путем воздействия модуса на графомонаду образуются новые знаки, деривация которых не выходит за рамки самого знака.

Таким образом, данная зависимость дает основание для представления модели в виде символьной записи.

$$f(\text{Mon}_n \text{Mod}_m) = D_k$$

В представленной формуле в функцию входит две переменных: монада и модус, где

Mon – монада

Mod - модус

n - номер монады

m - порядковый номер модуса

D – дериват

k – порядковый номер деривата

Следует отметить, что данная формула актуальна лишь для графомонад с высокой валентностью, порождающих дериваты первого и второго порядков, так как их модификация происходит внутри исходной графомонады, порождая простые знаки «вэнь».

Например, графомонада №3 «рот» видоизменяется и порождает новый дериват 凵 kǎn, в котором редуцируется элемент исходного знака. Так, с помощью модуса редукции происходит формирование нового знака.

Графомонада №9 屮 chè «трава» порождает один из дериватов 木 mù «дерево» посредством модуса изменения, где изначальное изображение ростка становится пиктографическим изображением дерева, обладающего характеристиками исходного знака, но вносящим в него новые атрибуты.

ВЫВОДЫ ПО ТРЕТЬЕЙ ГЛАВЕ

Лингвосемиотическое моделирование знаков идеографического письма представлено в монадно-модусном способе представления. Существование такой модели выявляет сущностные характеристики структуры языка в грамматологии и применяется при анализе лексики языка идеографического письма. В качестве основного параметра, характеризующего модель, признается функциональный.

В основе модели лежат исходные данные – графомонады, с помощью определенных правил, или модусов, порождающие новые знаки.

Вместе с тем, устанавливаются деривационные цепочки для десяти выявленных графомонад, состоящих из модифицированных исходных знаков, деривация которых происходит в рамках простых знаков. Выделяются дериваты первого, второго и третьего порядков.

В исследовании производится описание иероглифических знаков, входящих в монадно-модусные модели когнитивных графомонад, включающих в себя их редуцированные варианты, знаки – простые дериваты, а также пиктограммы, которые, с точки зрения этимологической эволюции, являются сложными знаками, но в современном языке воспринимаются как простые.

Различные модусы, с помощью которых происходит порождение этимологических цепочек, поддаются описанию лишь в вариантах монадно-модусной модели для каждой графомонады и не являются универсальными. Часть знаков формирует дериваты посредством редукции, некоторые знаки эволюционируют с помощью модуса сложения и т.п.

Утверждается возможность формализованного представления данной модели. Исходя из того, что графомонады ступенчато производят потенциально большое количество дериватов и являются исходными для них знаками, а модусы оказывают влияние на графомонады и образуют новые знаки, модификация которых не выходит за рамки их графической оболочки,

зависимость может быть выражена в следующей формуле с двумя переменными:

$$f(\text{Mon}_n \text{Mod}_m) = D_k$$

Таким образом, бесконечное число модусов сводимо к конечному числу графомонад. В этом проявляется семиотический потенциал идеографической письменности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данное исследование было посвящено рассмотрению оснований системы письменных идеографических знаков с точки зрения элементов, структурирующих систему. В работе было установлено, что особый статус письменности определяет возможность выявления недискретных, семантически значимых единиц письменности языка и их порождающего потенциала в идеографической письменности.

Базовым теоретическим основанием достижения цели исследования является лингвосемиотический подход. Такой подход представляет собой методологическую и инструментальную основу как для исследования языков вообще, так и для изучения конкретных языков, в том числе языков с идеографическим типом письменности, выдвигая системность и структурность в качестве фундаментальных понятий при анализе языка. В связи с тем, что исследуемые единицы обладают всеми свойствами языковой системы, их сущностные системообразующие признаки устанавливаются на основе параметра семиотической целостности и определяются на глубинном имплицитном уровне.

Исходящие из постулата семиотики о единстве плана содержания и плана выражения, разработанные в русле структурного метода положения о семе как минимальной единице плана содержания и методика компонентного анализа показывают, что полная семантема не устанавливается на основе компонентов, эксплицированных во внешней форме знаков, но возводится к более глубинному уровню. Важным является обоснование Л. Ельмслевым положения о наличии глубинного уровня построения знака из «незнаков». Опора на данные положения позволяет сделать общий вывод о существовании минимальных единиц плана содержания, окказионально не выраженных в графической форме знака.

Полученные на основе семиотического подхода и обоснованные в русле структурного метода положения о глубинном уровне построения знака и объёмных, недискретных, универсальных смыслах плана содержания по отношению к внешней форме знака позволяют более целенаправленно обратиться к более широкому ряду концепций и теоретических моделей, специально обращенных к данной проблеме. В этом плане особую значимость имеет разработка понятия «монадности», «монады» как единицы универсального «языка мысли». Понятие «монадность» широко представлено в философских учениях и является критерием мировосприятия как в западной, так и восточной традиции. В концепциях рационалистического и логико-универсалистского плана было установлено, что понятия «монада» и «модус», в качестве универсальных «недоказательных» первоначал, обладают онтологическими, гносеологическими и лингвистическими характеристиками. При этом понятийный статус понятия «модус» является средством для рассмотрения основополагающих характеристик «монады». Таким образом, фундаментальные характеристики последней могут быть определены посредством соотношения монада-модус.

Данное соотношение по своему определению и сущности связано с осмыслением порождения знака. Опора на положения порождающей модели языка является необходимым звеном в исследовании структуры языка. В качестве теоретического основания исследования структуры языка была рассмотрена порождающая модель, связанная с ядерными компонентами языка, объяснительный потенциал которой дает возможность выявить глубинные принципы функционирования языка как системы, эксплицирующие отношения ядра и его дериватов. Данная модель подтверждает функционирование модусов. Как следствие, обоснованным является применение монадно-модусной модели к представлению системы письменных знаков, в которой, где посредством неких ядерных знаков (графомонад), происходит порождение новых лексических единиц.

Обращение к вопросу о соотношении языка и мышления в аспекте разработки проблемы *lingua mentalis* выявило противоречивые точки зрения различных авторов, однако единой целью попыток выделения когнитивных универсальных смыслов для многих исследователей на протяжении всей истории лингвистических учений явилось стремление к созданию ментального словаря, и, как следствие, – универсального языка. Опора на обоснованные в данном направлении положения позволяет утверждать, что, что все исходные смыслы выражаются посредством изобразительной семиотики. В этом плане важен вывод о том, что отличительной характеристикой языков с идеографическим типом письменности является предметно-изобразительное мировидение, поэтому примитивы для таких языков первичны и играют главенствующую роль.

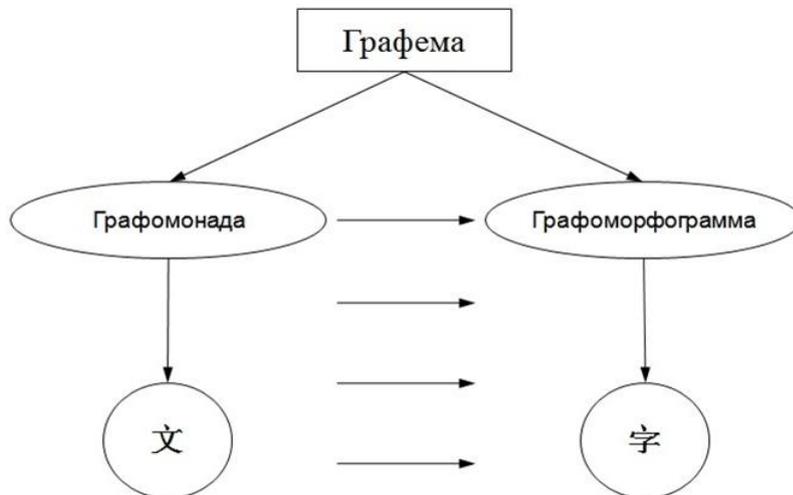
Понятие «семантические примитивы» обосновано А. Вежбицкой в концепции Единого Семантического Метаязыка. При этом, однако, из анализа данной концепции явствует, что выводимое автором определение «примитивов» исключает возможность рассмотрения письменной формы знаков и полного их структурно-семиотического анализа.

Именно данные аспекты анализа являются необходимыми для исследования лингвосемиотики знаков идеографической письменности и определения их статуса. В ходе исследования было показано, что знаки идеографической письменности обладают особым грамматологическим потенциалом. Их существенные характеристики определяются на уровне письменного иероглифического знака. Выявление глубинных смыслов в идеографических знаках определяет системообразующие признаки идеографического письма.

Рассмотрение единиц идеографического письма в их целостности позволяет сделать вывод о существовании семантически неоднородных и дискретных единиц, в связи с чем данные единицы могут быть подвержены структурно-семиотическому и грамматологическому анализу в направлении

выделения неразложимых далее, недискретных элементов, представляющих собой минимальные значимые единицы идеографической письменности.

Моделируемая единица была определена как *графомонада*. Графомонада понимается как когнитивная предельная недискретная конститутивная единица языка, характеризующаяся модусной валентностью, обладающая потенциалом породить множество новых знаков и интегрально включенная в иерархию базовых единиц языков с идеографическим типом письменности, в частности, китайского. Графомонады, являясь первичными когнитивными единицами письменности идеографического письма, материальны и пиктографичны. Графомонады образуют простые знаки 文 wén «вэнь» и через них порождают сложные знаки 字 zì. Основные параметры выделения графомонады включают в себя недискретность, материальность, семантическую родовитость и пиктографичность.

Графомонада является носителем древнейших в эволюционном плане смыслов. К основным характеристикам графомонады относится то, что она представляет собой двуаспектную единицу: с одной стороны, графомонада есть предельная, недискретная, значимая, единица языка, обладающая пиктографичностью; с другой стороны, она обладает потенциалом

посредством определенных правил (модусов) порождать новые знаки-дериваты. В связи с этим, предложенная монадно-модусная модель характеризуется деривационной когерентностью, соотнесенностью составляющих ее элементов структуры.

Идеографический словарь Сюй Шэня «Шо вэнь цзе цзы» рассматривается в качестве первичного семантического материала. В ходе анализа иероглифических знаков, представленных в данном словаре, было выделено сорок две графомонады. Данные графомонады пиктографичны и обладают способностью порождать деривационные цепочки новых знаков.

Моделирование знаков идеографического письма представлено с опорой на понятия «графомонада» и «модус», формируя, таким образом, монадно-модусную модель, выраженную в вариантах моделей для выявленных графомонад.

Определенные нами графомонады порождают новые знаки посредством собственной модификации графомонады. Установлено, что существуют графомонады с высокой и очень высокой валентностью, а также монады с нулевой валентностью.

В работе было выявлено 10 графомонад с высокой валентностью в рамках графической оболочки. Такого рода знаки могут производить новые лексемы с помощью изменения самих графомонад, а не путем простого присоединения к первоначальной монаде другой логограммы.

Для выделенных десяти графомонад в настоящем исследовании были описаны модели – деривационные цепочки – порождения знаков. Наиболее продуктивными с точки зрения своего порождающего потенциала явилась графомонада «человек» – описание ее дериватов включает в себя более тридцати знаков, при этом существуют дериваты, грамматологически являющиеся сложными знаками, а в современном языке имеющие статус простых.

Установлено, что различные модусы, с помощью которых происходит порождение этимологических цепочек, поддаются описанию лишь в

вариантах монадно-модусной модели для каждой графомонады и не являются универсальными. Часть знаков формирует дериваты посредством редукции, некоторые знаки эволюционируют с помощью модуса сложения и т.п.

Вместе с тем, часть графомонад может порождать дериваты посредством идентичных модусов, для некоторых исходных знаков модусы не повторяются.

Полученные результаты исследования дают возможность формализованного представления монадно-модусной модели с помощью математических символов: формула включает в себя две переменных: графомонада и модус, где дериват определенного порядка образуется посредством влияния модуса на графомонаду.

$$f(\text{Mon}_n \text{Mod}_m) = D_k$$

Сорок две графомонады, включая десять с высокой валентностью, обладающих способностью к образованию деривационных связей, порождают весь пласт иероглифических знаков китайской письменности и выявляют древнейшие в эволюционном плане смыслы, конституирующие структуру языка.

Таким образом, в языках с идеографическим типом письменности знаки-единицы моделируются на уровне соотношения внешней формы знаков и предельных глубинных смыслов, которые возводятся в древнейшим знакам языка. Данные графомонады – носители предельных смыслов – представлены в древнейших лексикографических источниках письменности китайского языка.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Антология даосской философии [Текст] / сост. В. В. Малявин, Б. Б. Виноградский. – М. : Комаров и К., 1994. – 446 с.
2. Апресян, Ю. Д. Избранные труды [Текст]. В 2 т. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. Избранные труды. / Ю. Д. Апресян. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – 767 с.
3. Арапов, М. В. Математические методы в исторической лингвистике [Текст] / М. В. Арапов, М. М. Херц. – М. : Наука, 1974. – 167 с.
4. Аристотель. Метафизика [Текст] : переводы : комментарии : толкования / сост. и подготовка текста С. И. Еремеев. – СПб. : Алетейя ; Киев : Эльга, 2002. – 832 с.
5. Арно, А. Грамматика общая и рациональная Пор-Рояля [Текст] / А. Арно, А. Лансло ; пер. с фр., коммент. и послесл. Н. Ю. Бокадоровой ; общ. ред. и вступ. ст. Ю. М. Степанова. – М. : Прогресс, 1990. – 272 с.
6. Бенвенист, Э. Общая лингвистика [Текст] / Э. Бенвенист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
7. Березин, Ф. М. Общее языкознание [Текст] / Ф. М. Березин, Б. Н. Головин. – М. : Просвещение, 1979. – 416 с.
8. Бунаков, Ю. В. Китайская письменность [Текст] / Ю. В. Бунаков // Китай, история, экономика, культура, героическая борьба за национальную независимость : сборник. – Л., 1940. – № 1. – С. 352-384.
9. Вайсгербер, Й. Л. Родной язык и формирование духа [Текст] / Й. Л. Вайсгербер ; пер. с нем., вступ. ст. и коммент. О. А. Радченко. – 2-е изд., испр. и доп. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 232 с.
10. Вежбицкая, А. Семантические универсалии и базисные концепты [Текст] / А. Вежбицкая. – М. : Языки славянских культур, 2011. – 568 с.
11. Вежбицкая, А. Семантические примитивы [Текст] / А. Вежбицкая // Семиотика / под ред. Ю. С. Степанова. – 2-е изд., испр. и доп. – М. ; Екатеринбург, 2001. – С. 242-270.

12. Вежбицкая, А. Семантика, культура и познание: общечеловеческие понятия в культуроспецифичных контекстах [Текст] / А. Вежбицкая // THESIS. – 1993. – Вып. 3. – С. 185-206.
13. Витгенштейн, Л. Философские работы. Часть I. [Текст] / Л. Витгенштейн ; сост., вступ. ст., примеч. М. С. Козловой ; пер. М. С. Козловой, Ю. А. Асеева. – М. : Гнозис, 1994. – 612 с.
14. Болдырев, Н. Н. Языковые категории как формат знания [Текст] / Н. Н. Болдырев // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2006. – № 2. – С. 5-22.
15. Воронин, С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании [Текст] : очерки и извлечения : учеб. пособие / С. В. Воронин. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 200 с.
16. Гак, В. Г. Языковые преобразования [Текст] / В. Г. Гак. – М. : Языки русской культуры, 1998. – 768 с.
17. Гегель, Г. В. Ф. Наука логики [Текст]. В 3-х т. Т. 1 / Г. В. Ф. Гегель. — М. : Мысль, 1970. – 501 с.
18. Гегель, Г. В. Ф. Феноменология духа [Электронный ресурс] / Г. В. Ф. Гегель. – СПб. : Наука, 1992. – Режим доступа: <http://psylib.org.ua/books/gegel02/index.htm>. (дата обращения 24.01.2015).
19. Гельб, И. Е. Опыт изучения письма (Основы грамматологии) [Текст] / И. Е. Гельб ; пер. с англ. Л. С. Горбовицкой, И. М. Дунаевской ; ред. и предисл. И. М. Дьяконова. — М. : Радуга, 1982. — 366 с.
20. Глебкин, В. В. Лексическая семантика: культурно-исторический подход [Текст] / В. В. Глебкин. – М. : Центр гуманитарных инициатив, 2012. – 256 с.
21. Голоскоков, Д. П. Уравнения математической физики. Решение задач в системе Maple [Текст] / Д. П. Голоскоков. – СПб. : Питер, 2004. – 539 с.
22. Горелов, В. И. Теоретическая грамматика китайского языка [Текст] : учеб. пособие / В. И. Горелов. – М. : Просвещение, 1989. – 318 с.

23. Готлиб, О. М. О некоторых аспектах грамматологической теории китайской письменности И. М. Ошанина [Текст] / О. М. Готлиб, Е. В. Кремнёв, Т. Е. Шишмарева // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – 2013. – №4 (25). – С. 60-64.
24. Готлиб, О. М. Китайская логограмма как знак [Текст] / О. М. Готлиб // Китайское языкознание. Изолирующие языки : материалы XI Международной конференции. – М., 2002. – С. 47-56.
25. Готлиб, О. М. Китайские морфограммы [Текст] / О. М. Готлиб // Китайское языкознание. Изолирующие языки : материалы XII Международной конференции. – М., 2002. – С. 91-98.
26. Готлиб, О. М. Основы грамматологии китайской письменности [Текст] / О. М. Готлиб. – М. : АСТ : Восток-Запад, 2006. – 284 с.
27. Гумбольдт, В. фон. Язык и философия культуры [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1985. – 448 с.
28. Гумбольдт, В. фон. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М. : Прогресс, 1984. – 400 с.
29. Гуссерль, Э. Картезианские размышления [Текст] / Э. Гуссерль ; пер. с нем. Д. В. Скляднева. – СПб. : Наука : Ювента, 1998. – 315 с.
30. Декарт, Р. Сочинения [Текст]. В 2 т. Т. 1 / Р. Декарт ; сост., ред., вступ. ст. В. В. Соколова. – М. : Мысль, 1989. – 654 с.
31. Деррида, Ж. О грамматологии [Текст] / Ж. Деррида ; пер. с фр. и вступ. ст. Н. Автономовой. — М. : Ad Marginem, 2000. — 512 с.
32. Евклид. Начала. Книга I. Классики естествознания. Математика, механика, физика, астрономия [Текст] / Евклид ; пер. с греч. и коммент. А. Д. Мордухай-Болтовского при ред. участии М. Я. Выгодского и И. Н. Веселовского. – М. ; Л. : Гостехиздат, 1950. — 450 с.
33. Ельмслев, Л. Прологомены к теории языка [Текст] Л. Ельмслев ; пер. с англ. / Сост. В. Д. Мазо. – М. : КомКнига, 2006. – 248 с.

34. Ермаков, М. Е. Магия Китая. Введение в традиционные науки и практики [Текст] / М. Е. Ермаков. – СПб. : Азбука-классика : Петербургское Востоковедение, 2003. – 208 с.
35. Жинкин, Н. И. О кодовых переходах во внутренней речи [Текст] / И. Н. Жинкин // Вопросы языкознания. – 1964. – № 6. – С. 26-38.
36. Задоевко, Т. П. Основы китайского языка [Текст] : вводный курс / Т. П. Задоевко, Хуан Шуин. – М. : Наука : Восточная литература, 1993. – 271 с.
37. Залевская, А. А. Индивидуальное знание: специфика и принципы функционирования [Текст] / А. А. Залевская. – Тверь : Тверской гос. ун-т, 1992. – 134 с.
38. Звегинцев, В. А. Очерки по общему языкознанию [Текст] / В. А. Звегинцев. – М. : Либроком, 2009. – 327 с.
39. Зиндер, Л. Р. Очерк общей теории письма [Текст] / Л. Р. Зиндер. – Л. : Наука, 1987. – 112 с.
40. Ильин, В. А. Основы математического анализа [Текст] : учебник для вузов / В. А. Ильин, Э. Г. Позняк ; под ред. А. Н. Тихонова. – М. : Наука, 2001. – 464 с.
41. История философии [Электронный ресурс] : конспект лекций / Н. И. Шашков, Л. Д. Ерохина, А. П. Шендерецка, В. А. Жучкова, Н. А. Царева ; ред. А. А. Ильин. – 109 с. – Режим доступа: http://abc.vvsu.ru/Books/Ist_fil/page0028.asp. (дата обращения 15.05.2014).
42. Касевич, В. Б. Язык и культура [Электронный ресурс] / В. Б. Касевич. – Режим доступа: <http://window.edu.ru/resource/481/38481/files/spr0000040.pdf> (дата обращения 24.10.2014).
43. Кацнельсон, С. Д. Общее и типологическое языкознание [Текст] / С. Д. Кацнельсон. – Л. : Наука ЛО, 1986. – 298 с.

44. Кобзев, А. И. Категории дао, дэ, ци в традиционной китайской философии [Текст] / А. И. Кобзев // Общество и государство в Китае : XVI научная конференция. – М., 1985. – Ч. 1. – С. 24-36.
45. Кобзев, А. И. Методологические особенности классической китайской философии и категория «пять элементов» [Текст] / А. И. Кобзев // История и культура Восточной и Юго-Восточной Азии. – М., 1986. – Ч. 1. – С. 57-76.
46. Кобзев, А. И. Проблема категорий традиционной китайской философии [Текст] / А. И. Кобзев // Методологические проблемы историко-философского исследования. – М., 1981. – С. 2-5.
47. Ковалева, И. В. Общая характеристика философии Генри Мора в контексте основных научных и теологических проблем XVII в. [Электронный ресурс] / И. В. Ковалева, А. И. Семенов // Академия: материалы и исследования по истории платонизма. Вып. 5. – Режим доступа: www-plato.spbu.ru (дата обращения 6.04.2014).
48. Кондрашевский, А. Ф. Практический курс китайского языка [Текст] : пособие по иероглифике. Ч. I / А. Ф. Кондрашевский. – М. : Муравей, 1999 – 152 с.
49. Краткий словарь когнитивных терминов [Текст] / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Ю. Г. Панкрац, Л. Г. Лузина ; под общ. ред. Е. С. Кубряковой. – М. : Изд-во Филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. – 245 с.
50. Кронгауз, М. А. Семантика [Текст] / М. А. Кронгауз. – М. : Академия, 2005. – 352 с.
51. Кубрякова, Е. С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира (Язык. Семиотика. Культура) [Текст] / Е. С. Кубрякова. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – 560 с.

52. Левицкий, Ю. А. История лингвистических учений [Текст] : учеб. пособие / Ю. А. Левицкий, Н. В. Боронникова. – М. : Высш. шк., 2005. – 302 с.
53. Лейбниц, Г. В. Сочинения [Текст]. В 4 т. Т. 1. (Философское наследие Т. 85) / Г. В. Лейбниц. – М. : Мысль, 1982. – 636 с.
54. Локк, Дж. Сочинения [Текст]. В 3-х т. Т. 1. Опыт о человеческом разумении (Философское наследие Т. 93). – М. : Мысль, 1985. – 621 с.
55. Локк, Дж. Сочинения [Текст]. В 3-х т. Т. 2. Опыт о человеческом разумении (Философское наследие Т. 93). – М. : Мысль, 1985. – 560 с.
56. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура [Текст] / А. Ф. Лосев. – М. : Политиздат, 1991. – 525 с.
57. Малявин, В. В. Китайская цивилизация [Текст] / В. В. Малявин – М. : 2001. – 632 с.
58. Ментальный лексикон с позиций разных подходов / А. А. Залевская // Введение в психолингвистику : хрестоматия, учебные задания и вопросы / сост. Л. Г. Золотых. – Астрахань : Астраханский ун-т, 2007. – С. 23-27.
59. Мечковская, Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: [Текст] : курс лекций : учеб. пособие для студ. филол. лингв. и переводовед. фак. высш. учеб. заведений / Н. Б. Мечковская. – 3-е изд., стер. – М. : Академия, 2008. – 432 с.
60. Моисеев, А. И. Письмо и язык (К топологическому изоморфизму лингвистических явлений) [Текст] А. И. Моисеев // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 68-73.
61. Нарский, И. С. Готфрид Лейбниц [Текст] / И. С. Нарский. – М. : Мысль, 1972. – 240 с.
62. Общее языкознание. Внутренняя структура языка [Текст] / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1972. – 558 с.
63. Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка [Текст] / отв. ред. Б. А. Серебренников. – М. : Наука, 1970. – 602 с.

64. Отечественные труды в области грамматики китайской письменности второй половины XIX вв. В. П. Васильев, С. М. Георгиевский, Ю. В. Бунаков, И. М. Ошанин [Текст] : монография / О. М. Готлиб, Е. В. Кремнёв, Т. Е. Шишмарева. – Иркутск : МГЛУ ЕАЛИ, 2014. – 283 с.
65. Ошанин, И. М. Происхождение, развитие и структура современного китайского письма [Текст] : дис. ... канд. филол. наук / И. М. Ошанин. – М., 1943. – 147 с.
66. Перельмутер, И. А. Грамматическое учение модистов [Текст] / И. А. Перельмутер // История лингвистических учений. Позднее Средневековье. – М., 1991. – С. 7–66.
67. Пирс, Ч. Начала прагматизма [Текст] / Ч. Пирс ; пер. с англ., предисловие В. В. Кирющенко, М. В. Колопотина. – СПб. : Лаборатория метафизических исследований философского факультета СПбГУ : Алетейя, 2000. – 352 с.
68. Потенция, А. А. Мысль и язык [Текст] / А. А. Потенция. – К. : СИНТО, 1993. – 192 с.
69. Пруцких, А. А. Отражение социального положения женщины в иероглифической письменности [Текст] / А. А. Пруцких // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, 2009. – № 4(8). – С. 70-73.
70. Сводеш, М. Лексикостатическое датирование доисторических этнических контактов (На материале племен эскимосов и североамериканских индейцев) [Текст] / М. Сводеш // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 23-52.
71. Семенов, А. Л. Лексикология современного китайского языка [Текст] / А. Л. Семенов. – М. : Наука, 1992. – 279 с.
72. Серебрянникова, Е. Ф. Этносемиотика как способ лингвистического аксиологического анализа [Текст] / Е. Ф. Серебрянникова // Этносемиотика ценностных смыслов : коллективная монография.

- руководитель проекта д-р филол. наук, проф. Е. Ф. Серебренникова. – Иркутск : ИГЛУ, 2008. – 529 с.
73. Скаличка, В. Ассиметричный дуализм языковых единиц [Текст] / В. Скаличка // Пражский лингвистический кружок. Сб. статей под ред И. А. Кондрашова. – Москва.: Прогресс, 1967. – С. 119-127.
74. Солнцев, В. М. Введение в теорию изолирующих языков [Текст] / В. М. Солнцев. – М. : Восточная литература, 1995. – 352 с.
75. Солнцев, В. М. Типологические свойства изолирующих языков (на материале китайского и вьетнамского языков) [Текст] / В. М. Солнцев // Языки Юго-Восточной Азии. Проблемы морфологии, фонетики и фонологии. – М., 1970. – С. 11-19.
76. Солнцев, В. М. Язык как системно-структурное образование [Текст] / В. М. Солнцев. – М. : Наука, 1971. – 294 с.
77. Соссюр, Ф. де. Труды по языкознанию [Текст] / Ф. де Соссюр ; пер. с фр. яз. под ред. А. А. Холодовича. – М. : Прогресс, 1977. – 696 с.
78. Старостин, Н. Н. О древе языков [Электронный ресурс] / Н. Н. Старостин. – Режим доступа: <http://www.fund-intent.ru/Document/Show/4415>. (дата обращения 2.02.2015).
79. Старостин, С. А. О доказательстве языкового родства [Текст] / С. А. Старостин // Труды по языкознанию. – М., 2007. – С. 779-793.
80. Торчинов, Е. А. Пути философии Востока и Запада: познание запредельного [Текст] / Е. А. Торчинов. – СПб. : Азбука-классика : Петербургское Востоковедение. 2007. – 329 с.
81. Уорф, Б. Л. Отношение норм поведения и мышления к языку [Текст] / Б. Л. Уорф // Новое в лингвистике. – Вып. 1. – М., 1960. – С. 135-168.
82. Философия [Текст] : учебник / под ред. А. Ф. Зотова, В. В. Миронова, А. В. Разина. – М. : Академический проект, 2003. – 656 с.
83. Фреге, Г. Понятие и вещь [Текст] / Г. Фреге // Семиотика и информатика. – Вып.10. – М., 1978. – С. 188-206.

84. Хомский, Н. Картезианская лингвистика. Глава из истории рационалистической мысли [Текст] / Н. Хомский ; предисл. Б. П. Нарумова. – М. : Комкнига, 2005. – 232 с.
85. Хомский, Н. Современные исследования по теории врожденных идей [Текст] / Н. Хомский ; пер. Т. А. Майсака // Философия языка / ред.-сост. Дж. Р. Серл. – М. : Едиториал УРСС, 2010. – 208 с.
86. Хомский, Н. Язык и мышление [Текст] / Н. Хомский. – М. : Изд-во МГУ, 1972. – 126 с.
87. Шаравьёва, И. В. Монадно-модусный подход как способ образования китайских письменных знаков [Текст] / И. В. Шаравьёва // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, 2012. – №4(21). – С. 151-155.
88. Шаравьёва, И.В. Опыт этимолого-грамматологического анализа знака «人» и некоторых его производных [Текст] / И. В. Шаравьёва // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. – Иркутск, 2009. – №9. – С. 42-47.
89. Шер, А. Я. Что нужно знать о китайской письменности [Текст] / А. Я. Шер. – М. : Наука, 1968. – 209 с.
90. Шишмарева, Т. Е. Опыт реконструкции картины мира на основе древнего лексикографического источника [Текст] : дис. ...канд. филол. наук : 10.02.19 / Т. Е. Шишмарева. – Иркутск, 2008. – 343 с.
91. Эвклидовых начал восемь книг. А именно первые шесть, одиннадцатая и двенадцатая, содержащие в себе основание геометрия [Электронный ресурс] / пер. с греч. Ф. Петрушевского. – СПб., 1819 – 478 с. – Режим доступа: <http://ilib.mcsme.ru/djvu/geometry/nachala.htm>. (дата обращения 25.09.2014).
92. Bowerman, M. Semantic Factors in the Acquisition of Rules for Word Use and Sentence Construction [Text] / M. Bowerman // Directions in Normal and Deficient Language Development / D. Morehead & A. Morehead (eds). – Baltimore : Univ. Park Press, 1976. – P. 99-179.

93. Bruner, J. Acts of meaning [Text] / J. Bruner. – Cambridge, MA. : Harvard Univ. Press, 1990. – 208 p.
94. Chomsky, N. Language in a Psychological Setting [Text] N. Chomsky // Sophia Linguistica, 22. – 1987. – P. 1-73.
95. Slobin, D. I. Cross-linguistic Evidence for the Language-making Capacity [Text] / D. I. Slobin // The Crosslinguistic Study of Language Acquisition. Vol. 2. Theoretical Issues. – 1985. – P. 1157-1256.
96. Unger, J. Marshall. The Very Idea: The Notion of Ideogram in China and Japan. Monumenta Nipponica [Text] / J. Marshall Unger. – 1990. – Vol. 45, no. 4. – P. 391- 411.
97. Unger, J. Marshall. 1987. The Fifth Generation Fallacy. Why Japan Is Betting Its Future on Artificial Intelligence [Text] / J. Marshall Unger. – New York ; Oxford : Oxford University Press, 1987. – 240 p.
98. 董连池. 通释 说文不首形意[本文] / 董连池. – 东北师范大学出版社, 2000.
99. 古代语言学简史 [本文] / 王远新著. – 北京: 中央民族大学出版社, 2006.
100. 汉语词汇与文化 [本文] / 常敬字著. – 北京: 北京大学出版社, 1995.8.
101. 慧缘. 慧缘姓名学 [本文] / 慧缘. – 南昌: 百花洲文艺出版社, 2002.
102. 教程 [本文] / 何俊芳编著. – 北京: 中央民族大学出版社, 2005.8.
103. 裘锡圭. 汉字学概要 [本文] / 裘锡圭. – 北京: 商务印书馆, 2002.
104. 王力. 古代汉语 第一册 [本文] / 王力. – 北京: 中华书局, 1981.
105. 王宁. 汉字讲形学讲座[本文] / 王宁. –上海教育出版社, 2002.
106. 王宁. 汉字应用通则 [本文] / 王宁, 邹晓丽. –春风文艺出版社, 1999.
107. 现代汉字学刚要 [本文] / 苏培成编著. – 北京: 中央民族大学出版社, 1994.
108. 现代汉语 [本文] / 胡裕树主编. –上海: 上海教育出版社, 2008.
109. 新著训诂学引论 [本文] / 白兆麟编著. – 上海: 上海辞出版社, 2005. 4.
110. 训诂学说略 [本文] / 富金壁编著. – 武汉: 湖北人民出版社, 2003.

111. 许慎. 说文解字[电子版] / 许慎. - 北京: 中华书局出版, 1996. - <http://pan.baidu.com/share/link?shareid=36749374&uk=1076116296> (8.05.2014.)
112. 易可敬. 撰 说解今文字释 [本文] / 易可敬, 1996.
113. 语言人类学教程 [本文] / 何俊芳编著. - 北京: 中央民族大学出版社, 2005.8.
114. 中国训诂学 [本文] / 冯浩菲著. - 济南: 山东学出版社, 1995. 9.
115. 周有光. 中国语文的现代化[本文] / 周有光. - 上海: 上海教育出版社, 1986.
116. 邹晓丽. 基础汉字形义来源 - “说文”不首今读本义 [本文] / 邹晓丽. - 北京: 北京出版社, 1990.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ СЛОВАРЕЙ И ПРИНЯТЫХ
СОКРАЩЕНИЙ

1. ЛЭС – Лингвистический энциклопедический Словарь [Текст] / Гл. ред. В.Н. Ярцева [и др.]. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – 685 с.
2. БКРС – Большой китайско-русский словарь [Текст]: в 4 т. / под ред.
3. И. М. Ошанина. – М. : Наука, 1983. – 7947 с.
4. ЭИФ – История философии: энциклопедия [Электронный ресурс] / Гл. ред. А. А. Грицанов. – Минск. : Интерпрессервис, Книжный дом, 2002. – 1376 с. – Режим доступа : <http://velikanov.ru/philosophy/> (дата обращения 17.10.2014.)
5. НФС – Новейший философский словарь [Электронный ресурс] / А. А. Грицанов. – Минск: Книжный дом, 1999. – Режим доступа: <http://www.e-reading.club/book.php?book=149350> (дата обращения 25.10.2014.)
6. 古代汉语虚词词典[本文] / 中国社会科学院语言研究所古代汉语研究室编. –北京: 商务印书馆, 1999.
7. 同源字典[本文] / 王力著. –北京: 商务印书馆出版社, 1999.
8. 中国文字学故事大辞典[本文] / 逸群. –成都: 科技大学出版社, 1987.
9. 现代汉语词典[本文] / 北京: 中国社会科学院语言研究所词典编辑室编. –商务印书馆, 2000.
10. 新华词典[本文] / 商务印书馆辞书研究中心修订. –北京: 修订版商务印书馆出版, 2001.
11. 中华现代汉语词典 [本文] / 说词解字辞书研究中心编著. –北京: 华语教学出版社, 2011.
12. 汉俄词典 [本文] / 夏仲毅. –海外国语学院汉俄词典编写组编. –商务印书馆出版, –北京, 2004.
13. 现代汉语词典 [本文] / 北京: 商务印书馆, 2000.